

СТОЛИЩА

№9 (119) 1993г.

**Премьер
Черномырдин:
Левая –
правая,
где
сторона?**

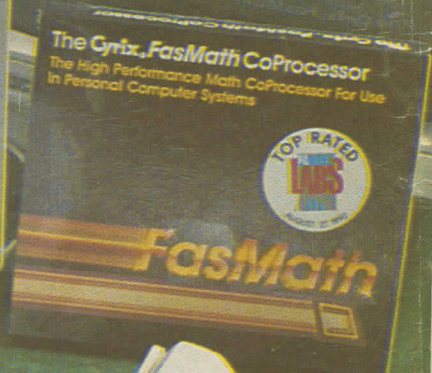
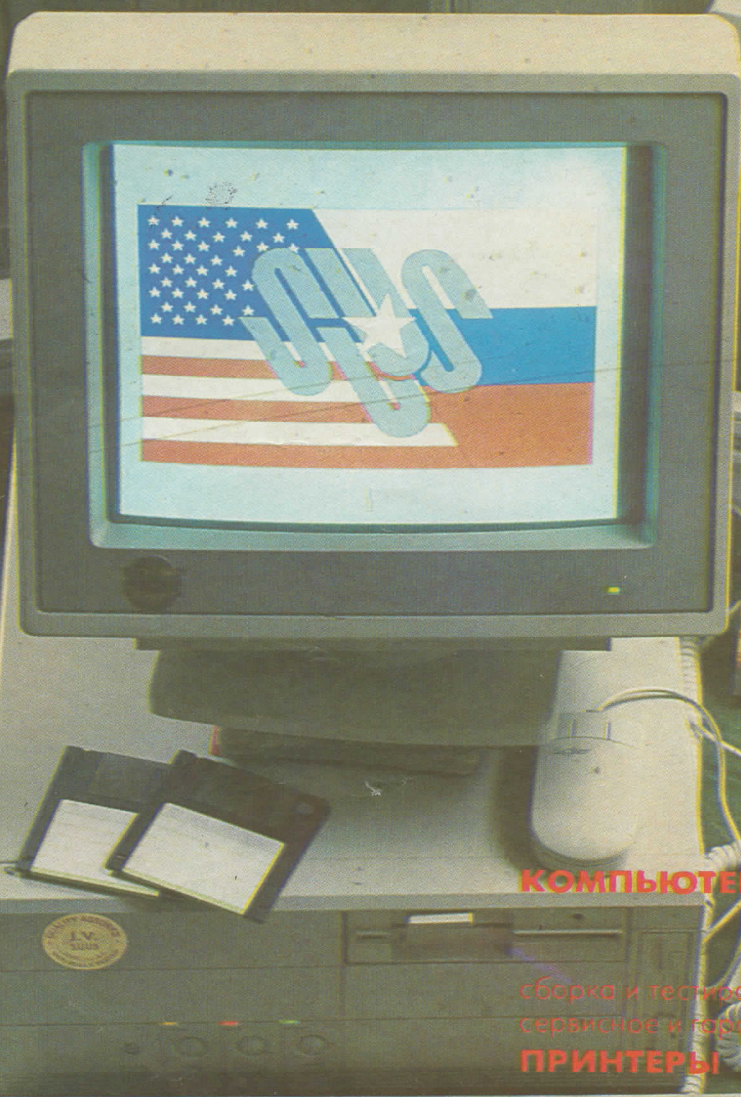

иллюстрированный еженедельник

«SUUS»

☎ (095) 393-63-09, 324-03-15, 393-65-56

предлагает со складов в Москве:

КОМПЬЮТЕРЫ PC AT 486/33
PC AT 386/40
PC AT 286/20

сборка и тестирование США
сервисное и гарантийное обслуживание

ПРИНТЕРЫ STAR NX-1500
STAR XR-1500

КОПИРОВАЛЬНЫЕ АППАРАТЫ SHARP Z-57
ТЕЛЕФАКСЫ PANASONIC
SAMSUNG

ТЕЛЕФОНЫ С АВТООТВЕТЧИКОМ GENERAL ELECTRIC
CONAIRPHONE

РАДИОТЕЛЕФОНЫ

ВОДКУ И СПИРТ **McCormick (USA)**

НРАВЫ ПОЛИТИКОВ И НРАВЫ НАРОДА

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

После регулярных трансляций парламентских дебатов второму телеканалу требуется дезинфекция. Срочный показ чего-нибудь типа «Трех мушкетеров» (лучше — во французской киноверсии) с добротными примерами ума, благородства, верности и хороших манер. Иначе — эпидемия. Они ж заразительны — агрессивное самодовольство, кухонные перебранки, казарменный юмор...

Нравы парламентариев таковы, а общественное мнение к проявлениям этих нравов настолько безразлично, что каждый очередной скандал уже мало кого потрясает. Недавний случай: в середине января спикер был вынужден спешно снять с повестки дня Закон «О воинской обязанности и военной службе». Он это сделал после выкриков из зала: «Здесь подмена, президента обманули», «Президенту подсунили не тот закон, который принимали на сессии».

Действительно, перед отправкой закона на подпись президенту представители военного лобби подпольно изъяли из принятого сессией документа неудобные им пункты, касающиеся отсрочки от призыва. И никто, кроме нескольких депутатов, не осудил подлог, не потребовал, согласно доброй парламентской традиции, «создать комиссию по расследованию...».

Подобных фактов уже изрядная коллекция. Вспомним хотя бы тот декабрьский день, когда по количеству и, если можно так сказать, по качеству оскорблений, рассыпаемых направо и налево, спикер превзошел даже собственные рекордные показатели. Его своеобразное красноречие, позволяющее сравнивать оппонентов с червяками, на сей раз излилось публичной угрозой расправиться с пресс-секретарем президента: «Если пресс-секретарь осмелится ска-

зать хотя бы еще одно слово против меня, он будет выброшен и уничтожен». В тот же день на сессии парламента Хасбулатов попытался бесцеремонно выставить из зала депутата Денисенко, доселе имевшую неосторожность засвидетельствовать странное нездоровье

спикера. Наконец, все в тот же понедельник, примеряясь к образцам поведения своего руководителя, члены Верховного Совета приняли решение приватизировать служебные квартиры по балансовой стоимости — от 30 до 180 тысяч за жилплощадь, оцениваемую на рынке в несколько миллионов.

Таковы нравы наших законодателей, дающие повод предаваться кое-каким размышлениям по поводу происходящего на глазах у многомиллионной публики.

Когда накануне съезда глава парламента в телеинтервью программе «Итоги» заявил: «Мы должны

сделать все, чтобы не превратить этот съезд в позорище» — он лучше чем кто бы то ни было представлял себе богатые возможности свои и своих коллег по части шокирующих импровизаций.

И точно. Съезд превратился в ярмарку крупных амбиций, но мелких идей. Объем воззваний и деклараций, которыми за двенадцать дней успели обменяться между собой депутатские фракции, превысил нормы годового потребления. Благодаря дирижерскому искусству спикера мощно и слаженно прозвучал хор оскорблений в адрес правительства и президента. Фальшивые, демагогические ноты (вспомним хотя бы выступление Тулеева) одних и тех же «солистов», почти монополюбно владеющих микрофонами, определили общую тональность и атмосферу собрания. Как и коридорные слухи. Как и малопристойные подробности частной жизни известных политиков. Не постеснялся же Травкин с трибуны, под стенограмму, с трансляцией на весь мир, побаловать депутатов байкой о своей общей с Хасбулатовым зазнобе и дать глубокий анализ причин, по которым спикер с его южным темпераментом оказался удачливее славянского партнера.

Драка, откровенные нарушения регламента, истерики у микрофонов, провокационное «разоблачение» Бориса Ельцина в тайном створе с Дж. Бушем... Нет надобности перечислять — «повторный показ» ничего не добавит к уже виденному. Предпочтительнее задать вопрос: все-таки зачем депутаты так часто желают и требуют показа своих дебатов по телевидению? Чтобы донести в полном объеме личные и фракционные представления о том, кто виноват и что делать? Но стремление к открытому выражению взглядов, если таковое

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Л.Радзиховский:

Выяснилось точно, что политики — не дворники, без них (политиков)... прожить можно. Главное, надо, чтобы все политики, особенно оппозиционные, были в одинаковом параличе...

6

С.Пашин:

Как-то Шахрай сказал, что мы будем проводить судебную реформу под покровительством самых высоких сфер, чем меня и купил. Так 6 января 1992 г. я пришел на работу в ГПУ.

8

А.Голубов:

Аэрофлот, впрочем, тоже оказался не прост. Сначала канадцам было дано понять, что, если они будут упорствовать в визовом вопросе, Аэрофлот вообще откажется от посадок своих самолетов в Гандере. А затем наши доблестные авиаторы перешли от слов к делу...

14

2 ЭКОНОМИКА

Г.Крошин:

Появилась хрупкая надежда на то, что ставшие уже традиционными взаимные перепалки между Моссоветом и городской мэрией наконец прекратятся, обе власти займутся все-таки тем, для чего, собственно, мы их и выбирали: сделают жизнь москвовскую опрятнее, удобнее и, Бог даст, сытнее.

18

Т.Сигаловская:

Можно ли считать «простаками» наши «властные структуры и государственные службы»? Не является ли сам Щекочихин и ему подобные их порождением? Похоже, щекочихины нужны нашим властям — нужны как очередные символы... нужны как фальшивое доказательство углубления реформ.

20

3 ЖИЗНЬ

Е.Гончаренко:

Эмблема — сжатый кулак на фоне пятиконечной звезды. Именно эта эмблема рядом с портретом Троцкого и висела на стене маленького клуба «Красная Пресня», куда раз в неделю приходят десять — пятнадцать молодых людей.

28

К.Климова:

На переднем сиденье вымытых до неприличия «Жигулей» двое спортивно и неярко одетых мужчин. На вопрос, куда идем, отвечают загадочно: в адрес.

36

А.Ефимова:

Таксист, который вез меня на работу, негодовал: «Прочитал вчера статейку одной... — ну, совсем обнаглели эти... журналисты!» Через несколько дней примерно в том же духе выразился «Московский комсомолец»...

44

4 КУЛЬТУРА

Д.Горелов:

Он раним и обидчив, как писатель и сукин сын актер, его нужно хвалить, гладить по шерстке и соглашаться... Этой человеческой реакцией герой моего романа выгодно отличается от основной массы останкинских индюков — видно, что наш и что тоже плачет. Хотя бы и в одиночестве.

52

Е.Попов:

...И все немедленно поняли, что он опять будет работать в родной газете. Этому способствовали и другие факторы: например, что он здорово насобачился на мертвецах и от этого повысилась его фотографическая техника...

58

М.Каминарская:

Мир героев Натальи Нестеровой далек от реального мира, и туда она никого не пускает, хотя — парадокс — путь открыт любому зрителю перед ее холстом.

62

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 autp

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.
Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.
Свидетельство о регистрации № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:
923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону:
928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 26.02.1993 г.

Тираж 100 000

Цена договорная

Над номером работали:

П.Смирнов, О.Проханов, Э.Петрова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д. 7. Зак. 5955

имеется, плохо согласуется с кабинетами для тайного голосования. При поименном голосовании — одна точка зрения, при тайном — прямо противоположная. Этим двойным политическим стандартам общественной морали и нравственности на последнем съезде нанесено оскорбление куда более чувствительное, нежели грубой кулачной потасовкой.

А «готовая к употреблению» съездовская речь Руцкого, извлеченная из широких штанин и гладко озвученная в ответ на неожиданное заявление президента? Это пример чистой политической игры или «kozyрной туз» из крапленой колоды?

Ничего не страшно, никого не стыдно, все позволено — включайте прямую трансляцию! Этим живым эфиром, бесстрастно и беспощадно фиксирующим гримасы поведения, они испытывают не себя — нас. Примем, проглотим — значит, с нами можно делать все. Значит, мы имеем тех политиков, которых заслужили.

В течение последнего времени на заседаниях парламента постоянно проходит примерка корпоративной морали к общественной: ну как, не стесняет?

Между прочим, в российской империи (это ведь по ней испытывают ностальгию нынешние державники и «патриоты») на лиц, обремененных государственным положением, распространялся особый моральный кодекс. Он предписывал воздерживаться от поступков, которые «подрывали бы достоинство власти». А после появления в России политических партий госслужащие не имели права вступать в крайне правые и крайне левые из них. Быть «с ней и в ней» означало расстаться с карьерой. Но что нам собственный исторический опыт, когда идет драка за власть и, как во всякой драке, никто уже не бережет лица — ни своего, ни чужого.

Не будем упрощать: кодекс чести политика не исчерпывается элементарной обязанностью владеть собой и выбирать выражения. Когда вице-президент Александр Руцкой регулярно демонстрирует свое принципиальное несогласие с президентом, он бросает вызов нормам и правилам политического поведения, принятым во всем цивилизованном мире. Где, в какой еще стране правительственная оппозиция пользуется поддержкой второго лица в государстве? Где, в какой еще стране вице-президент критикует политику президента раньше, чем сам подает в отставку?

Тот факт, что оппозиция опирается на одного из высших государственных лиц, лишь подтверждает давнее наблюдение: у нас нет борьбы партий, а есть борьба политических элит, лидеры которых не очень разборчивы в средствах.

До последних событий президент старался не комментировать поведение своего «вице». И только теперь, когда весь мир изумленно и непонимающе отреагировал на высказывания политика, чей должностной статус определяет ему роль президентского дублера, но никак не оппонента, только теперь Ельцин через своего пресс-секретаря официально зафиксировал «дистанцирование» Руцкого от президента.

Впрочем, на наших глазах совсем недавно произошло и поразившее многих дистанцирование Ельцина от Ельцина — того президента, который публично, многократно и клятвенно обещал во что бы то ни стало сохранить за Гайдаром как минимум пост и.о. премьера, от того, которому хватило сорока минут, чтобы пересмотреть свои намерения. В самом этом факте, разумеется, нет ничего, что бросало бы тень на президента. Назначать и смещать государственных лиц — его право. Но ничто так деморализующе не действует на массовое сознание, как разочарование в харизматическом лидере. В наших же кризисных обстоятельствах, когда общественные настроения подвержены сильным колебаниям, любые сомнения в Ельцине рождают сомнения в правильности избранного курса. Исконное российское недоверие к власти сегодня означало бы недоверие к власти новой. И инстинктивную тягу назад.

Но если даже президент столь долго прощал своему заместителю его совершенно недопустимые отклонения от политического этикета, если и сам он склонен к отступничеству, то чего же требовать от рядовых граждан. Это же факт, что, скажем, съездовская потасовка была воспринята уличным людом (сужу по тогдашним разговорам в очередях и общественном транспорте) с чуть насмешливым, однако же снисходительным пониманием: «Подрались мужики. Ладно, с кем не бывает». А когда на Манежной, с двух сторон расцветенной одинаково грубыми, взаимнооскорбительными лозунгами и плакатами, сошлись в рукопашной противники и сторонники реформ, мне, признаться, подумалось: спикер прав — этот съезд является

представительным органом этого народа.

Политика всюду — дело не слишком чистое. Но в любой нормальной стране политический деятель, снискавший славу скандалиста, пойманный на обмане, публично уличенный во лжи или подлоге, навсегда выбывает из игры. У нас все иначе. Мы так и не научились предъявлять счет политическим и моральным банкротам.

Помнится, члены и кандидаты в члены политбюро тоже не отличались особой политической щепетильностью. Но они хотя бы внешне демонстрировали единство, пусть даже мнимое. Не выставляли на всеобщее обозрение свои склоки и дразги. Не полоскали прилюдно грязное белье. Чем хотя бы отчасти давали народу уроки публичного поведения, заставляя придерживаться минимальных приличий. Но когда на Васильевском спуске у Кремля ежедневно, пока продолжался съезд, бесновались люди с перекошенными от злости лицами, они всего лишь копировали происходящее рядом, за краснокаменной оградой. Народные избиратели подражали своим народным избранникам. Сооруженный «коридор позора», сквозь который спешили на съезд и со съезда депутаты, оказался их общим коридором — разъяренных законодателей и разъяренных законопослушников.

Так всюду и всегда: каковы нравы политиков, таковы и нравы народа.

СТАТЬ БИЗНЕСМЕНОМ!

Фирма продает
ГОТОВЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ,
срочно создаст
ВАШУ ФИРМУ «под ключ»,
регистрарует
ПРЕДПРИЯТИЯ В США
И С ИНОСТРАННЫМИ
ИНВЕСТИЦИЯМИ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ.

Адрес:

ул. Большая Академическая,
д. 4, кв. 4 (код 198).

Проезд:

ст. метро «Войковская», троллейбус
№ 57 до остановки «Платформа
«Красный Балтиец».

Тел.: 264-31-86, 450-84-25, 964-28-36
158-85-98, 158-39-49, 274-43-30

ТИРАН МОЕГО ДЕТСТВА

Сорок лет ушло... на то, чтобы понять, какая улыбка прячется в черных усах.

Дж. Оруэлл. 1984

5 марта — 40 лет со дня смерти Сталина.

Какая дата!.. Для меня особенно. Мы связаны с Папой Сталиным — ведь это 40-летие означает, что и я приближаюсь к сорока... И связь не случайна. Я родился в конце 1953 года — казалось, мои родители только и ждали смерти Папы, чтобы заняться «производством меня». Здесь мог быть и вполне здравый расчет — не хотели, боялись рожать ребенка в еврейской, интеллигентской, «дважды репрессированной» семье, пока был жив Сталин, пока было неизвестно, где этот ребенок родится: в роддоме Граузэрмана или в бараке на Колыме.

Так что, спасибо Вам, родной товарищ Сталин, за то, что Вы так любезно и к стати умерли и дали мне появиться на свет Божий! Поистине, за наше счастливое детство, спасибо, родная страна...

Впрочем, в моей семье никогда и не говорили «умер». Я всегда слышал — «подох», «издох», «издох наконец-то!». Мама говорит, что это 5 марта было одним из самых счастливых дней ее жизни — а свою страстную «сталинофобию» она сохранила навсегда. С детства я впитывал эту сталинофобию не критически, в подростковом возрасте она меня раздражала, в зрелые годы я сам ею переболел, потом излечился — так что сегодня мое отношение к Сталину вполне равнодушное, тихое, никакое. Тирани как тирани, садист как садист, убийца как убийца — словом, «госдеятель» как «госдеятель», каких были в истории сотни... В каждом таком Нероне-Борджиа-Иване Грозном-Гитлере-Сталине были, понятно, свои, уникальные, незаменимые черты, особая человечность (не шучу — садизм есть штука сугубо чело-

веческая, как, впрочем, и альтеруизм и «химера, именуемая «совестью»), но ковыряться во всем этом, раздирать эти засохшие корки и смотреть, что останется на пальце, — дело для профессиональных историков. С нормального же, здравомыслящего и даже культурного гражданина России за глаза хватит, если он в ящичке под биркой «Сталин» нашарит в своей памяти примерно следующее: тирани-император... с 30-х по 50-е годы вроде бы... убийца усатый... при нем войну выиграли... вроде и все.

Люди моложе 30 лет в сегодняшней России, даже и с высшим образованием, реально помнят про Сталина примерно вот это плюс еще незначительные подробности, и главное — абсолютно их все это больше не волнует. Лежит себе в потрепанном школьном учебнике где-то между другими ленинскими, петрами, иванами — и какая разница, кто из них за кем следует?.. Все покойнички, дедули старенькие, усатобородатые... «Новые песни придумала жизнь, не надо, ребята, о песне тужить...»

Историческое беспамьятство, как принято было с пафосом восклицать три-четыре года назад? Может быть... Беспамьятство, нужное, чтобы люди нормально жили — нормальные, обычные, средние русские люди. На самом же деле это — точка, где перетекают друг в друга равнодушно-ленивое беспамьятство и спокойно отстоявшаяся мудрость конечного (а потому краткого и банально-простого) исторического вывода, плотно вошедшего в пазы народной памяти.

Да, долгая посмертная жизнь т-ца Сталина кончилась, прошла, «как прошли Азорские острова». На рубеже 90-х годов мирно ра-

спалась Система, сам собой рухнул тот сказочный замок, который Хозяин воздвиг на несчастной шестой части суши... А потеряв помещение, растаяла и Тень Папы Сталина, мятежный призрак, о котором в известном фильме «Бриллиантовая рука» пелось — «у поганых болот чьи-то тени встают», этот призрак улегся, наконец, под бульжник в землю.

При свете дня разгадан — и отвергнут.

История этих перезахоронений «трупа старика 75-ти лет» (говорят, что так написано в патологоанатомическом заключении о смерти И.В.) более чем интересна. Это — история моей интеллектуальной жизни, жизни моего поколения, история нашего невроза и излечения от него.

Живучесть Тени в том, что она — Тень, она темна, таинственна, страшна, вездесуща, завораживающе-приятельна. Так было и со Сталиным. С 1953 по 1990 год все знали, что он — Папа. Отец-Хозяин той системы, в которой все живут. Самое сильное и загадочное было в том, что всуе упоминать имя Старика не рекомендовали. С 1964 по 1987 год только редко-редко, малыми дозами эта грозная Тень проходила по краю книг, фильмов, статей. Система оберегала свое святая святых — тайну своего рождения, имя Отца. К Сталину отношение было серьезное — боялись сталинизма всерьез, ненавидели всерьез, надеялись на него всерьез.

Самая живая духовно часть страны — диссиденты жили борьбой со «сталинизмом». Жили духовно, пока был жив Сталин.

Как в вульгарном фрейдизме — советская система была больна неврозом, связанным с ее «тайной рождения», с ее ненормальным комплексом в отношении Отца, Папы Сталина. И, как в обычной психотерапии, излечение пришло вместе с осознанием.

Коммунистическая система начала разрушаться не после поражения в «звездных войнах» — нет, она начала разрушаться, все быстрее и быстрее, после 1987 года. Что же ее разрушило? Излечение от невротического комплекса, осознание — громкое, ясное, публичное — правды о своем прошлом, своем происхо-

ждении, о тайне своего рождения, о своем Отце. Осознание стало излечением от социального невроза старой таинственной лжи — а излечение стало концом системы, стоящей на лжи. Когда из фундамента системы вынули краеугольный камень — страшный, таинственный, тяжелый камень сталинизма, — система накренилась и рухнула.

Нечастый случай — массовое осознание «всей правды» привело к почти автоматической гибели системы и государства. Но ведь и такие системы и государства тоже существовали в истории нечасто...

Вот почему с таким жадным, болезненным, мучительным, радостным, дрожащим нетерпением люди в 1987—1990 годах хватили «Огоньки» и «Детей Арбата», спеша вслух прочесть весьма банальные «новости» о «сталинских преступлениях», «новости», которые им часто были прекрасно известны. Тут дело было не в информации, а в публичном проговаривании самых жутких и темных тайн системы, в публичном излечении от тайны. «С привидением, которое преследовало ваш род, покончено навсегда». Только не «род», а — народ...

А когда приведение убито, система рухнула, рухнул и живой интерес к Сталину. Из живого колдуна, произвавшего нашу жизнь, наше сознание, он превратился в ненужный труп, выброшенный «на попарение псам». Конец сталинизма, конец борьбы со сталинизмом означал, что выдох и обмелел один сильный и живой поток в нашей духовной жизни — а замены не предвидится. Конечно, люди, навсегда раненные борьбой со сталинизмом (моя мать, например), так уж и останутся греться у костра своей живой ненависти к холодному трупу, но таких «последних могилок» — единицы. Для большинства Сталина просто нет...

Фильм «Покаяние» оказался пророческим: труп тирани вырыт и выброшен. Но вот что-то не открывается взамен старой, изгаженной никакой новой улицы, «ведущая к Храму»... Но это уже совсем другая история. Совсем другая русская история, история совсем другой России...

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

ВРИ-ВРИ, ДА НЕ ЗАВИРАЙСЯ

Внимательные читатели прессы, наверное, обратили внимание на то, что различным газетам и журналам время от времени приходится опровергать информацию, опубликованную о них в «Московском комсомольце». Коллеги-комсомольцы много чего наврали об «Аргументах и фактах», «Независимой газете», «Коммерсанте», «Столице» — и каждый раз этим изданиям приходилось защищать честь мундира.

Откуда такое стойкое недоброжелательство к коллегам по журналистскому цеху? Не понятно. Если бы подобными вещами занималась, скажем, «Литературная газета», это еще можно было понять: газета угасает, тираж снизился в десятки раз. Но «Комсомолец» к числу погибающих изданий отнюдь не относится. Да и обולганные им органы печати (см. список выше) ему отнюдь не конкуренты, каждый занял свою нишу, представляет собой совсем иной тип издания, имеет своих читателей. А может, возросший на дрожжах МГК ВЛКСМ «Московский комсомолец» до сих пор не может отрешиться от традиционного комсомольского

хамства, компартийной вседозволенности?

Излюбленный прием юных врунов такой: сообщать о других газетах внешне правдоподобные, но на поверку фальшивые цифры: каков тираж, какова подписка, какова расходимость и т.д. Вот и в номере от 16 февраля под броским заголовком «Коммерсантъ» и «Столица» в розницу не идут» сообщаются результаты работы «Роспечати» в январе: «Критическая ситуация сложилась у ежедневного «Коммерсанта» — ему возвратили более половины розничных номеров. Лишь незначительная часть от него журнал «Столица»: возврат составил почти 50 процентов экземпляров». Далее следует естественный вывод: «Единственной газетой, у которой практически нет возврата, по-прежнему остается «МК». Ура!

«Коммерсантъ», будучи газетой ежедневной, сумел ответить на следующий же день: «Ни одного случая возврата газеты не зафиксировано». И вообще за весь месяц газета лишь дважды обратилась к услугам «Роспечати». Направились за справкой в московскую «Роспечать» и мы.

И вот каковы результаты. Для продажи в розницу мы даем еженедельно 29.000 экземпляров «Столицы», в том числе в московскую «Роспечать» было передано на распространение 20.000 экземпляров каждого номера (то есть 80.000 за месяц). Возврат непроданных январских номеров из «Роспечати» на сегодняшний день составил 17.912 экз. (другие распространители продали тиражи полностью).

Да, «Роспечать» действительно работает плохо. Упакованные в типографии пачки журнала возвращаются, как правило, нераспечатанными. Это значит, что они в продажу не поступали, валялись на складе. И если бы дело обстояло именно так, как пытается изобразить «Московский комсомолец», тогда почему в январе при официальной цене 15 рублей за номер журнал с успехом продавался у уличных торговцев и в метро по 30—40 рублей? Не проще ли было людям просто отправиться к киоску, который, если верить «Комсомольцу», завален «Столицей», и приобрести там журнал вдвое дешевле?

В период прошлогодней подписной кампании «Московский комсомолец» опубликовал информацию о том, что главный редактор «Столицы» якобы принят почет-

ным членом в Русский национальный собор. Подобная «утка» не могла не отразиться на числе наших подписчиков: кому охота выписывать журнал, во главе которого — фашист? И в этот раз по нашему карману ударил «Комсомолец»: информация о якобы нераспроданных тиражах должна насторожить рекламодателей, и поступления от рекламы неминуемо снизятся. В подобных случаях принято обращаться в суд. Нам нетрудно доказать, что обе заметки были клеветническими и повлекли за собой существенный материальный ущерб. Убытки пришлось бы возмещать юным врунам.

Но мы не будем делать этого. Потому что еще не забыли, что такое профессиональная солидарность. И знаем, что «Московскому комсомольцу» ничуть не легче в эти трудные для прессы времена. Не случайно ведь ему в январе удавалось продать через киоски «Роспечати» лишь 5000 экземпляров каждого номера.

На извинения со стороны комсомольской газеты мы не надеемся, это не в ее правилах. Надеемся лишь на то, что в будущем в своих отношениях с коллегами она будет более щепетильна.

Редакция «Столицы»

НЕ ПОЙМАН, НО ВОР!

Недавно ИТАР—ТАСС сообщил, что «среди 150 тысяч иностранцев, посетивших Приморский край, краевое отделение Министерства безопасности России выявило несколько десятков агентов иностранных разведок. Они пытались собирать информацию о политическом и экономическом положении в крае, вербовать агентуру среди местных жителей». А вот Евгений Севостьянов, начальник управления МБ по Москве и Московской области, в данном «Курантам» интервью во всеуслышание заявил: «... далеко не все, что хочет знать ЦРУ, — это секрет, который надо неусыпно

охранять. Порой даже, наоборот, хочется ему помочь. К примеру, для них важен сбор информации о происходящих у нас политических процессах, о состоянии нашей экономики. Не вижу ни малейшего резона держать их от этого вдалеке. Более того, чем лучше они будут наблюдать острые ситуации, тем лучше для нас».

Возникают вопросы: то ли московское управление МБ России во главе с его начальником уже завербовано иностранными разведками и потому последним ничего не осталось, как перенести свою деятельность в Приморский край; либо приморские «че-

кисты» выдумали себе непильное дело отлова иностранцев, «пытающихся собирать информацию о политическом и экономическом положении», и их «агентуры».

Вот уж впрямь синекура — да о чем же еще любой иностранец говорит с любым россиянином, как не о «политическом и экономическом положении в крае»?

Только не понятно, что с этими выявленными агентами сделали приморские контрразведки, в какой каталажке томятся несчастные штирлицы и пеньковские? Есть пословица, не пойман — не вор. Если поймали, где суд? Но помнится, что «Держи вора!» громче всех сам вор и кричит...

Андрей ЧЕРКАСОВ

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

ПАРАЛИЧ

Ну почему же совсем «нейдем». Идем, правда, довольно своеобразно, то задом наперед, то еще изощреннее... Недаром какие-то остряки переделали известную одесскую песенку:

Здесь не школа танцев,
Это — референдум,
Это — референдум, вам говорят.
Шаг налево, две шага направо,
Шаг вперед и две шага назад...

Да, для понимания той политической прострации, в которую впадает... нет, плавно погружается Россия, так вот, для понимания этой «психологии прострации» последний «горе-референдум» очень поучителен. Рядом с ним и по сходному сценарию «слабо — шумно — еще слабее — еще шумнее — слабо и шумно как только возможно — полное бессилие, переходящее в визг, который обрывает...» проходили «выборы» московского мэра. Психологическая картина действия, которое не могут даже начать, зато шумно и горячо кому-то зачем-то о чем-то жужжат, — психологическая картина в этих случаях удивительно схожа. Но референдум дает картину клинического бессилия все-таки более крупную — всероссийскую, с участием всех без исключения политических структур: исполнительной, законодательной, Зорькина, непримиримой оппозиции и демократической общественности...

Когда я пишу эти строки, еще неясно, что будет с референдумом. Поскольку логика в российской политике отсутствует и с успехом заменяется чисто эстетическими категориями, то и к референдуму стоит подходить с художественной точки зрения.

Какой вариант театрально-совершеннее, трагикомичнее?

После долгой борьбы и взаимных обвинений российские власти приходят к вождьеленному «консенсусу» — никакого референдума не будет, мы вообще пошутили и «давай пожмем друг другу руки — и в дальний путь, на долгие года» (т.е. до завтрашней склоки).

После долгой борьбы составляю-

тся, наконец, вопросы, среди которых самый важный «кто главнее — Б.Н. или ВС?», и российские избиратели вообще не являются на референдум, тем самым окончательно объясняя, что есть еще третий, забытый, самый важный субъект — здоровый смысл измученного и усталого «совка».

Если месяц назад я еще верил в третий вариант — референдум состоится, то теперь верится совсем плохо. Реален лишь один из двух вариантов его провала. И я думаю, что, хотя с театрально-зрелищной точки зрения, несомненно, эффектнее второй, когда действие все же доводится до конца, до неизбежной «немой сцены», — в жизни скорее осуществится вариант первый. Да, российская политика плохо поддается логике, она руководствуется эстетическими критериями, но кто же сказал, что она эстетически совершенна? Нет, она и эстетически слаба, после 121-го «серьезного предупреждения» ружье, повешенное на стену, все равно не стреляет...

Трагикомедия... Сначала бьемся за референдум, потом радуемся, что — о счастье! — сумели его не провести, мирно выйти из этой ситуации «с непредсказуемыми последствиями». Героически преодолеваем трудности, которые сами себе создаем... Как в знаменитом анекдоте — сперва запускают козла в квартиру, а потом счастливы, что удалось его выгнать...

Клинический диагноз довольно очевиден — много мелких интриг и нет большой идеи; масса частных корыстных и честолюбивых желаний — но нет государственной воли; долгая и нудная игра — а зрители тихо уходят из зала... У вас, господа президенты-министры-депутаты, — своя компания, у нас — своя. Вы не интересуетесь нами — но и мы не интересуемся вами!

Фарс для сторонних наблюдателей, трагикомедия для жителей России, трагедия для тех политиков, которые чувствуют что-то, кроме сидений своих министерских кресел, которые имеют органы, чтобы чувствовать еще что-то...

— Приказано составить записку, почему нейдем вперед.

— А почему?
Князь Андрей пожал плечами.

Л.Н.Толстой. Война и мир

В этом смысле мне по-прежнему жалко Ельцина. Высокое официальное положение мешает отнестись к нему по-человечески, но, несмотря на толстый слой золоченой пудры, мне кажется, что я чувствую его боль, растерянность, его страдание — не только за свою власть, но и за страну, за общую ситуацию, в которой страна оказалась. И за это спасибо — на холеных лицах его советников и противников не отражается вообще ничего, кроме радостного чувства: пиццеварительный процесс идет нормально! А Ельцин — этот популист, стеной отделенный от народа, этот «крутой мужик», только бессильно замахивающийся и хватающий воздух, этот первый демократический президент России, так и не способный выдавить из себя секретаря обкома, — он все-таки живой человек. Страдающий человек, который должен изображать чугунно-литой оптимизм и никому не может крикнуть «SOS!». Некому кричать — потому, что слишком много людей вокруг, которые слишком жадно ловят каждое его слово.

Но что же все-таки происходит? В какие дыры вышел воздух власти?

Возьмем последний «чистый эксперимент» — тот же референдум.

Когда Ельцин громыхнул этой идеей на трибуне VII съезда народных депутатов, в референдуме был некий ясный смысл. Неладно скроено, да крепко сшито. Референдум казался корявой, но увесистой и суковатой дубинкой, которой можно разбить мертвый лед, в какой-то вмерзла власть. «Кому вы доверяете вывести Россию из кризиса — президенту или Верховному Совету?» — вопрос, конечно, юридически диковатый, слишком уж российский. Но смысл в вопросе был. Ельцин знал (и все знали), что если уж выбирать между ним и ВС, то непременно выберут его. Тогда у него впервые появится возможность «материализовать» свое вечное «позиционное преимущество», совершить, наконец, действие, вырвавшись из опутывающей сетки ВС.

Однако политическая борьба в Ро-

ссии больше всего напоминает взаимопроникновение перистых облаков — все растекается и плывет в мешанине слов, намеков, мелких движений с неопределенной траекторией... Что же поделать — ведь борются друг с другом не мужчины, а «облака в штанах». Вполне естественно, что в такой ситуации высшим авторитетом вдруг, ко всеобщему удивлению, был назван председатель Конституционного суда, который ни по своей должности, ни по характеру совсем не является носителем политической воли и крупной политической идеи. Но ни то ни другое не только не нужно российским политикам, но, видимо, так же им чуждо, как, скажем, истеричная лживая болтовня чужда нормальным взрослым мужчинам.

Резкое, ничем не подкрепленное выступление Ельцина мгновенно ушло в болотный туман гнилых компромиссов. Дальше «референдум» заскользил по горке вниз — от четких вопросов к бессмысленным, от референдума, как повода для конкретных действий, к референдуму — как замене любых действий. Ну а там уж и рукой подать до торжественно-прочувствованных отказов от референдума, переговоров на высшем уровне и без переводчика, когда телеведущий, сохраняя полную серьезность в лице, сообщает о решающе-важном политическом прорыве: Ельцин и Хасбулатов 20 минут сидят рядышком и даже договорились друг с другом о «разделе полномочий». Россия опять спасена!.

Почему же вот в такую жалкую детскую игру «для своих», явно не имеющую никакого отношения к реальной, тяжелой и серьезной жизни, превращается политика в России? Да если это и из области «Правового государства», то только феодального — где «великий князь» договаривается с князьями и боярами местными. Договор нарушается ровно через пять минут...

14 февраля под изумительным заголовком «Преступник Ельцин должен уйти!» «День» напечатал текст указа о приостановке деятельности ВС и введении прямого президентского правления, якобы заготовленный еще 4 декабря прошлого года, указа, который Ельцин так и не решился издать.

Я не знаю, подлинный это документ или очередной «протокол сионских мудрецов». Но в любом случае рискну сказать (надеюсь, что меня не обвинят в призывах к свержению существующего строя): такой или подобный документ вполне мог прорабатываться и тогда, и сегодня.

Только вот зачем нужно «президентское правление»?

Беда в том, что именно над этим-то

вопросом «зачем?» и не задумываются (мало задумываются) политики, обсуждая такие проблемы. Для них, в их «тусовке» вопросы «зачем» вводить или «почему» не вводить чрезвычайное положение очевидны — они понимают, что это значит в системе той политической игры, в которую они самозабвенно играют. Ну а когда надо как-то объяснить остальному населению, в игре не задействованному, зачем нужно (или почему категорически не нужно) чрезвычайное положение, тогда говорят о необходимости «навести порядок» — или «сохранить законность», «установить настоящую власть» — или поддержать «разделение властей»...

Между тем все эти наспех сляпанные слова недорого стоят.

Да, власть в прострации и параличе. Но так ли это ужасно для общества, для обычного человека?

Как выяснилось, несмотря ни на что, социальная материя обладает удивительной способностью к самоорганизации, к самоподдержанию. Несмотря на все растущее исчезновение государственных властей (и даже просто милиции) из нашей жизни — живем. Живем, черт возьми! В магазинах не хватаем товар бесплатно, на улицах все-таки друг друга не убивают, свет горит, метро, в общем, работает и даже в школах чему-то учат.

Уже практически без всякой власти (99% населения не может даже понять, чем отличается «префект» от «председателя совета», каково административное деление его города, куда идти жаловаться, и уж тем более не знает, какие законы действуют, какие нет) люди вполне успешно поддерживают некие общественные структуры. Может, и вправду анархия — мать порядка?

Во всяком случае, выяснилось точно, что политики — не дворники, без них (политиков!) не обращающая на их бессилие и бессильные драки друг с другом, прожить можно. Главное, надо, чтобы все политики, особенно оппозиционные, были в одинаковом параличе, чтобы сохранялся баланс бессилия. Пока все так и обстоит.

Поэтому звучащая как нечто самоочевидное фраза «восстановить власть» в действительности почти лишена смысла. Житель России стал куда меньше соприкасаться с государством и, тем более, с безумствующими носителями всех трех ветвей власти — и совсем от того не страдает. Совсем не от того страдает...

Так, может быть, и предоставить, действительно, политиков самим себе?

Нет. Я уверен, что как раз чрезвычайное положение, прямое прези-

дентское правление сегодня в России столь же нужны, сколь и невозможны.

Нужны ради вполне конкретной, жизненно важной для всех цели — остановить гиперинфляцию, пока она не остановила всю социальную жизнь.

Чтобы остановить гиперинфляцию, нужна мощная политическая воля — так же как для того, чтобы столкнуться с горы ком инфляции, нужна была политическая прострация, политическое безволие (кстати, начало этой прострации, как и начало инфляционной скачки, лежит аж в 1987 году — году, когда рубль был в 200—250 раз тяжелее, чем в феврале 1993 года).

Чтобы распушить инфляцию, надо жить по принципу «пусть идет как идет», «после нас хоть потоп». Делать самое легкое — печатать деньги и раздавать убыточным «заводам, газетам, пароходам».

Чтобы остановить инфляцию, нужно сделать самое трудное — прекратить поддерживать убыточное производство, дать ему погибнуть. Дать обанкротиться тысячам заводов и закрыться тысячам контор, дать миллионам людей стать безработными.

И — не поддаваться на их забастовки, волнения, на их справедливые и невыполнимые требования. Раз навсегда на глазах у алкоголика вылить водку в раковину и сказать: «Баста! Больше — не будет!». Вот такую «антиалкогольную кампанию» провести необходимо. И само собой это в обществе никогда не делается.

Для этого, только для этого и нужна прямая президентская власть, диктатура. Без нее сегодня из инфляционного кризиса не выйти. Если бы хватило у Ельцина политических сил на проведение референдума, если бы получил он поддержку (а при прямой и честной политике получил бы наверняка), у него были бы все возможности наиболее мягким путем ввести прямое президентское правление.

Конечно, это был бы фактически государственный переворот, вроде ГКЧП. Но что бояться таких слов, когда инфляция угрожает довести людей до отчаяния и все равно спровоцировать переворот — только уже не «сверху», а «снизу», со всеми драматическими последствиями. Да и вообще — «мятеж не может кончиться удачей. Удачный называется иначе». В распоряжении победителя всегда наш брат — политолог, юрист, журналист, — чтобы хорошо поставленным интеллигентным голосом объяснить, что это и не переворот вовсе, а как раз законнейшее из законных действий...

Но — нету чудес, и мечтать о них нечего!

Случилось то, что только и могло (и должно было) случиться. Вирус политического безволия проник и в кровь нашего президента. Слава Богу только, что в отличие от Янаева и К^о он заранее понял, что, не имея железной внутренней твердости, не стоит и браться за установление — да, нужного, да, необходимого, да, неизбежного, но невероятно трудного и рискованного президентского правления. Второе ГКЧП с дрожащими руками означало бы второй развал государства — на сей раз российского. Правда, увы, и безвольное всепрощение для местных сепаратистов и, главное, безвольное скольжение по наклонной плоскости инфляции означают то же самое — ослабление скреп, на которых держится единая Россия...

Итак. Идти дальше по линии «политики наименьшего сопротивления» — прийти к экономическому коллапсу. Сломать эту политику, мощным движением остановить инфляцию, пойти против желаний миллионных масс может только сильная власть. Для создания этой власти нет сегодня в России ни мощной политической воли, ни ясной идеи (кстати, если этого нет у власти исполнительной, то уж стократно нет у законодательной, и намека даже нет ни на волю, ни на идею у шутов и шулунов из «непримиримо визгливой оппозиции», которая боится только одного — прийти к власти. И очень правильно делает, что боится).

...Здесь автору полагается одно из двух: или как зайца из рукава вытащить — «несмотря ни на что» решение квадратуры круга, или, заломив руки, возопить о «гибели России». Но я не одержим бесом самомнения настолько, чтобы считать, что если уж я (Я!) не вижу выхода, то его и вовсе нет. Есть, наверное... Возможно, есть...

Для себя же делаю лишь один практический вывод. Чтобы жить в России, нужно терпение и усмешливое равнодушие к политическим петардам, которые взрывают, имитируя бурную активность, и слева и справа. А главное, нужно трезвое мужество.

В «Кандиде» Вольтера есть такая замечательная сцена. Герой встречает свою возлюбленную, которую не видел много лет, и восклицает: какое счастье, ведь я думал, что Вы умерли! Ах, люди злы! Мне рассказывали о Вас всякие ужасы и небылицы: что Вас захватили в плен пираты, изнасиловали и вдобавок отрезали Вам половину зада, зажарили и съели. И возлюбленная ему отвечает: нет, все это правда, мой друг. Но от этого не умирают.

Фото В. Шишова

Будущие высшие руководители страны — молодые люди, ныне облеченные властью или приближенные к ней, — делятся на три типа. Первые — те, кто и на виду, и при деле (Гайдар, Шахрай и т.д.).

Вторым, хотя они также на виду, приписать какое-либо дело весьма затруднительно, если, конечно, не считать таковым нарциссические эскерсисы на парламентской, телевизионной и прочих трибунах (позволю себе обойтись без имен, они известны). Наконец, третьи не рвутся в свет и темнят в кабинетах Кремля, Старой площади и «Белого дома». Кто-то из них, очевидно, планирует со временем появиться перед широкой публикой, кто-то — остаться за ширмой с нитями в руках, кому-то и то и другое вообще безразлично, и они просто делают то, что им интересно и что они умеют.

Но страна все-таки должна знать своих героев: это ведь в ее интересах. Однако молодые аппаратчики по примеру старших товарищей бегут известности, как будто боятся, что она проявит то ли их несостоятельность как специалистов, то ли, наоборот, глубокое знание правил закулисной игры. Поэтому я был приятно удивлен, когда несколько часов поговорил с одним из них, и он, как показалось, достаточно откровенно рассказал о себе, своих занятиях, стремлениях, отношениях с коллегами.

Итак, мой собеседник — Сергей Анатольевич Пашин, начальник отдела судебной реформы государственно-правового управления (ГПУ) президента России.

Сергей ПАШИН:

Чиновник, далекий от чиновничества

Биография

Родился в декабре 1962 г. Школа, юрфак МГУ, заочная аспирантура, кандидатская в 1987 г., преподавание судебного права в том же МГУ.

— Когда с новым российским депутатским корпусом стали связывать светлые надежды, а завлаб правовой информатики и кибернетики юрфака МГУ Сергей Шахрай выдвинул свою кандидатуру, я участвовал в его избирательной кампании как один из консультантов. Мы были хорошо знакомы: даже печатались как-то в общей монографии. Потом он пошел в Верховный Совет России депутатом, а я в Верховный суд СССР — старшим консультантом. Шахрай, став председателем Комитета по законодательству, в октябре 1990 г. предложил мне перейти туда. Я отказался: мне было хорошо и спокойно, начальство меня любило (что по тем временам было немаловажно). Да и занимался я своим делом, имел время для научной работы.

А потом Шахрай вспомнил наши прежние отношения, и я по душевной слабости согласился пойти к нему главным специалистом. Он позвонил председателю Верховного суда Евгению Алексеевичу Смоленцеву, тот меня вызвал и выразил сомнение в жизнеспособности российского парламента. Я ответил, что нас с Шахраем связывают личные отношения и раз у него такая ситуация, то я должен работать с ним. Так и вышло.

За время работы в парламенте удалось создать закон о Конституционном

суде, еще один очень красивый закон об установлении судебного контроля за арестами плюс концепцию судебной реформы (последнюю вместе с группой независимых экспертов, готовивших материалы).

А затем Шахрай стал госсоветником, потом он создал государственно-правовое управление. Чуть позже возник аппарат вице-премьера. Но поскольку я всегда считал себя плохим чиновником и тем более никогда не видел себя в роли начальника, то я долго отказывался переходить туда. Это тянулось месяца два. Мы все беседовали и беседовали. Потом как-то Шахрай сказал, что мы будем проводить судебную реформу под покровительством самых высоких сфер, чем меня и купил. Так 6 января 1992 г. я пришел на работу в ГПУ.

Работа

— Управление является единой юридической службой президента, правительства и Совета безопасности. Наша основная деятельность: юридическая экспертиза представляемых на подпись президенту проектов и принятых парламентом законов, на которые президент может наложить вето.

Мы не орган власти, мы не командуем. Наши права связаны с тем, что мы рецензируем документы и визируем их.

— **Как же тогда появляются в некоторых президентских документах юридические несообразности?**

— Я объясняю это тем, что такие документы (раньше чаще, теперь реже) шли мимо нас. Практика принятия решения не вполне совпадает с инструкцией по делопроизводству. Например, Минюст в обход нас представил в парламент очень сырой проект Уголовного кодекса, который и был отклонен. Мы же еще до того указывали на то, что проект является перепевом старого кодекса, базировавшегося на устаревшей социалистической концепции. Или взять повышение зарплаты членам Конституционного суда в разгар дела КПСС. Юридически — это удивительный акт!

Кстати, мы не только работаем над составлением текстов, но и заботимся о том, чтобы эти тексты начали работать.

— **А как появился на свет божий закон о Конституционном суде?**

— Зампред Комитета ВС по законодательству Борис Андреевич Золотухин сказал мне, что нужно разработать такой закон, по которому: во-первых, суд проверял только законы; во-вторых, был огражден от потока жалоб; в-третьих, объявлял какой-то закон недействительным с момента его опубликования; в-четвертых, чтобы обычный суд, посчитав неконституци-

онным какой-нибудь закон, обращался в Конституционный. Из этих четырех рекомендаций мною три были нарушены. Два месяца вечерами после работы я сочинял проект, из которого потом и родился этот самый закон. По замыслу КС должен был обитать в сфере чистого права, а не быть органом правосудия в обычном смысле слова, должен был анализировать только документы и только с точки зрения права.

А с другой стороны, гражданин сегодня в поисках правды может дойти даже до Верховного суда, где ему объяснят, что с точки зрения действующего законодательства его дело решено правильно. Так вот, КС может пересмотреть эту практику, если она не соответствует Конституции. Закон также гласит, что Конституционный суд не обсуждает политических вопросов.

— **Изменилось ли за два года ваше отношение к этому положению закона и не становится ли сейчас любое дело в Конституционном суде политическим?**

— Становится, и это его губит. Но я бы не стал ничего менять в самом законе. Его концепция правильная. Единственное, что бы я сделал, так это не стал бы избирать КС до принятия новой Конституции, потому что попытка стоять на страже старой, отжившей выродждается либо в бессмысленность, либо требует чрезмерной «гибкости» от судей. А я не считаю такую гибкость желаемым качеством для судьи.

— **Скажите, на ваш взгляд, миротворческая позиция Зорькина в печально известном споре двух ветвей власти на съезде как-нибудь связана с концепцией Конституционного суда или это его личная позиция?**

— Думаю, второе. В законе необходимость подобной деятельности за председателем не закреплена. По закону на КС могут возлагаться посреднические функции, но он может от них и отказаться. Но это относится к Конституционному суду, а не к его председателю, который лишь первоприсутствующий, командующий аппаратом, и не более.

— **Но ведь Зорькин выступал от имени КС?**

— Суд выступает в качестве суда при разборе конкретного дела. Суд же, действующий как политический фактор, пусть даже из самых благих намерений, — уже не суд.

Но, учтите, не все, что незаконно, противозаконно. В этом смысле в действиях Зорькина нет нарушения закона. Просто его действия — вне закона. Я считаю, что это вредит и ему как судье, и системе, т.е. Конституционному суду. Ибо он в какой-то мере использует для накопления своего политического авторитета даже не свое долж-

ностное положение, а ореол своего поста. И это я опять-таки, повторяю, не отрицаю, но с «глубоким прискорбием» констатирую.

— **Значит, выбор Зорькина — это уход от профессионального совершенствования в сторону личного политического продвижения?**

— Может быть, не личного. Может быть, это искренняя убежденность в том, что сейчас нужно спасти страну, и именно политическими средствами. Это как бы недостаток сдержанности. Ситуацию понять можно: диспетчер пожарной части кидается сам тушить локальный пожар, а в это время случается глобальный, а диспетчера на месте нет. По-человечески я отношусь с симпатией к тому, что им делается, но юридически не могу признать это законным.

Коллеги

— У меня в отделе замечательные специалисты, мои коллеги в разработке закона об альтернативном судопроизводстве: Сергей Тропин, Виктор Гордеев, Игорь Бойков, Людмила Поспеева. Кстати, у Поспеевой я проходил еще студенческую практику. А теперь она работает здесь, и я считаю, что для меня это большая честь.

Награды

— **В 29 лет вы стали самым молодым «Заслуженным юристом Российской Федерации» (обычно им становятся перед пенсией за выслугу лет). Так за что?**

— За разработку концепции судебной реформы. А в 1991 г. за закон о Конституционном суде я получил денежную премию от Руслана Имановича. Сколько, сейчас уже не помню, но тогда купил на нее стиральную машину.

Творческие планы

— Я склонен к научной работе, далек и от политики, и от чиновничества. Не думаю, чтобы у меня было большое будущее в политике. Хочу сделать еще несколько дел: скажем, чтобы в России заработал суд присяжных или закончить новый уголовно-процессуальный кодекс (как руководитель группы, утвержденной еще парламентом). Сделав это, буду считать, что выполнил свои обязательства и могу уходить на академические хлеба.

— **Если завтра Шахрай снова попросит помочь?**

— Смотря о чем пойдет речь. Но скорее всего буду работать как независимый эксперт.

Интервью взял Алексей КИРПИЧНИКОВ

Михаил ГЛОБАЧЕВ

КАК «ИМПЕРЦЫ» ДОБИЛИ ИМПЕРИЮ

Минувшей осенью, когда Верховный Совет России принял заявление о событиях в Абхазии, зарубежный политолог Дмитрий Саймс, выступая с комментарием в телепрограмме «Итоги», был в недоумении: как же могут люди, считающие себя государственниками, поддерживать втяжек сепаратистов вблизи границ своей страны? Политической мудрости тут уж действительно нет, но есть зато житейское объяснение. Парламентарии помнят, что абхазы не рвались уйти из Союза вместе с Грузией, а даже хотели, чтобы их республика присоединилась к РСФСР. Хотят ли абхазы этого сегодня — еще вопрос. Но до сих пор многие депутаты рассуждают предельно просто: всякий, кто за «Союз нерушимый» или хотя бы просто против его первых разрушителей, — тот «свой человек». Надо только учитывать, что термин «государственники», приставший к этим людям, в политическом спектре одинаково подходит и правым националистам, и левым либералам, поскольку те и другие считают государство высшей формой самоорганизации общества, а расходятся они лишь в желаемом объеме его полномочий. Противоположность же государственников — анархисты, видящие свой идеал в свободной общине.

ФУК И ПШИК

Лозунги госпатриотов, которым приписывают некое «имперское» мировоззрение, внятные самым широким массам: «Нам нужна великая Россия!», «Закон и Порядок!», «Не отдадим врагу ни пяди!»... Воспринимается такое гораздо легче, чем скажем, «защита прав человека» или «основы демократической конституции», — хотя бы потому, что коллективная «справедливость» большинству понятней, чем идеи личной свободы, а показать на карте границы государства куда проще, чем описать пределы, положенные человеческому «я».

И ведь имперское мышление — вполне почтенная историческая реальность; его подлинное отличие — не стремление к территориальным захватам и политической гегемонии, как думают многие, но повышенная открытость, особый «внутренний космополитизм». Такой тип сознания был распространен и в старой России; какое-то время он сохранялся — по инерции духа — и в Советском Союзе. Сохранился ли он до наших дней?

Например, у сограждан, объединенных активным неприятием новых порядков и воинствующей ностальгией.

Целостность любого государства обеспечивают, во-первых, так называемые силовые структуры — правоохранительные органы, армия, спецслужбы, во-вторых, сами граждане, солидарно разделяющие ту или иную «идею общей судьбы». У ее истоков, как правило, находится группа теоретиков — отцов-законодателей или «художников-оформителей».

Что же смогла противопоставить наша конкретная многонациональная сверхдержава начавшемуся три года назад «параду суверенитетов»?

Положенный вроде бы в таких случаях

«звериный оскал» ее силовых структур вышел на редкость беззубым. Органы внутренних дел давно увязли в коррупции, как муха в меду, а судейский корпус не мог шагу сделать без «телефонного права». Спецслужбы, как теперь все больше выясняется, пробавлялись показушным интриганством. Самое большое, на что их хватало, — убрать двух-трех беззащитных диссидентов или в лице своего спецназовского филиала учинить серию мелких диверсий в «горячей точке». Вдобавок КГБ на местах быстро терял управляемость из Центра, срастаясь с республиканскими номенклатурными кланами.

Вооруженные силы задыхались под бременем непрофессионализма и заботности тех, кто внизу. И абсолютно немален был самый принцип их формирования. Патриоты, отстаивавшие рекрутчину со ссылками на «ряд западных стран», старательно обходили тот факт, что всюду в Европе, где действует всеобщая воинская обязанность, призывники сохраняют тесную связь с домом и гражданским бытом (да и масштабы-то там — не «от тайги до Британских морей»). Все же тамошние экспедиционные корпуса — а большинство воинских соединений армии «одной шестой» и было их ухудшенными аналогами — комплектуются исключительно из добровольцев. Вдобавок сверху донизу давил «афганский синдром»... Похоже, все армейские акции по «спасению страны», от Тбилиси до Вильнюса, вдохновлялись не патриотической убежденностью, а обычным бытовым озлоблением. С такими настроениями можно уничтожить несколько человек в Риге, можно даже несколько сотен в Баку, но для сохранения державы — маловато будет.

Что касается «идеи общей судьбы», то она в ипостаси коммунизма окончательно выдохлась, по-видимому, к той славной дате, когда всеобщее благоденствие заменили «по просьбе трудящихся» московской Олимпиадой. После мне уже не попадались сверстники-«семидесятники», не говоря о людях помоложе, готовые идти не то что до Ганга, как писал поэт, но хотя бы до Мытищ, а тем более умирать в боях, «чтоб от Японии до Англии...» Реликты типа Анпилова-Малярова не в счет: это уже клиника. В других мыслимых ипостасях эта идея выдохлась, увы, еще раньше: после разгона большевиками Учредительного собрания.

НОСТАЛЬГИЯ И... НАСТОЯЩЕЕ

Но самые яркие впечатления, как и положено вечно умствующей России, связаны с тонкой верхушечной прослойкой идеологов — доморожденных «бардов империализма». Условно я разделил бы их на 3 группы: напуганные обыватели, по-

местные националисты и «космические» схоласты.

Первых можно лишь от души пожалеть: именно на них пришлось основные тяготы разрухи. Независимо от образования и прежнего социального статуса, ни «имперской», ни другой идеологии у них фактически нет — лишь глухая тоска по временам, когда почти не убивали, а грабили хотя бы не так открыто. Однако и бытовая ностальгия порой стремится оформиться в интеллектуальную систему. Здесь, похоже, находит самое правдоподобное объяснение пресловутый феномен Юрия Власова и других «перебежчиков из стана демократии». Простодушному богатырю хватало до поры — если вспомнить старинное присловье — и сил бороться с тем, что поддавалось изменению, и мужества переносить то, чего отменить никак нельзя. Когда же из-под яркой обертки «народной свободы» по-русски в очередной раз шибануло горечью желчи и трупным запахом — достало у него мудрости отличить возможное от неизбежного...

Провинциальные националисты наглядно продемонстрировали уровень своего мышления еще до распада СССР. От Ленинграда до Кубани «заединчики» пеклись то об имуществе общесоюзных организаций, то о статусе русскоязычного люда в инациональных республиках, то, наконец, о возвращении некоей «исконно русской земле» всех территорий, когда-либо переданных в другие союзные и автономные образования. Ущемленной они соглашались признать лишь свою «малую родину», собственную национальность или бывшее сословие, с вялой брезгливостью глядя на проблемы репрессированных народов и вовсе игнорируя нарушения прав, связанные с этнической чересполосицей в Средней Азии или на Кавказе. Трудно вообразить большую противоположность настоящему «имперскому мышлению».

Никогда не забуду, как генерал Родионов, прозванный Тбилиским, растолковывая союзному съезду свои действия в «кровавое воскресенье», вспомнил нечто о плакатах антирусского содержания, которые несли демонстранты. Воля ваша, но никак не могу представить себе доклад пара английскому парламенту в прошлом веке, где, скажем, подавление сипаев обосновывалось бы не жизненными интересами британской короны, а просто личной обидой гордых сынов Альбиона на нехороших индусов!

Можно вспомнить и российских депутатов — нынешних отважных борцов за родную курортную землю — на их первом съезде летом 1990 года. Некто Михаил Астафьев, объявивший себя единственным законным душеприказчиком гражданина Милюкова, первым принес в зал заседаний трехцветный российский флажок (правда, тут же убрал, убоявшись гнева «куратора» из Центризбиркома). И потом вместе с квалифицированным большинством своих коллег проголосовал за

республиканский суверенитет. Нам, стало быть, свободу от всяких там кураторов, а всем прочим... нерушимое единство с суверенной Россией? Ну уж нет, тут-то и сказали прочие, извини-подвинься.

Но и где-нибудь в Ташкенте сторонников единого государства волновали понастоящему лишь проблемы хапка. Они охотно соглашались оставаться в Союзе — если к ним повернут-таки сибирские реки, сохраняют и умножат им централизованные дотации на поддержку экстенсивного земледелия, обеспечение демографического роста и т.п. Казарменно-блатная установка «сперва съедим твое, потом — всяк свое» действовала повсеместно в бывшем СССР.

Каковы барды — таков и империализм. Обветшалая сталинская шинель, из которой вышли «заедино-неделимчики», сыграла с ними злую шутку: не зная иных империй, они рвались защищать свою прежнюю — лоскутную. Со стороны это выглядело так, будто условия капитуляции — то ли противника, то ли своей собственной — взялись обсуждать задолго до решающего сражения. «Россия была и останется мировой державой!.. Она сделает все, чтобы таким был и оставался Советский Союз!» Попробуйте, опять-таки, заменить в этих призывах Россию Англией, а Советский Союз Британской империей — чепуха ведь получится. Однако с таким жалобным кличем наши «объединенные патриотические силы» вышли на выборы 1990 года — и, как известно, с треском проиграли «демократам».

Теперь, лишившись головы заодно с «мягким подбородком», патриоты Южных Курил истово рыдают над тремя волосинками. Когда-то Александр II трезво рассудил, что Аляска с ее истощившимися за-

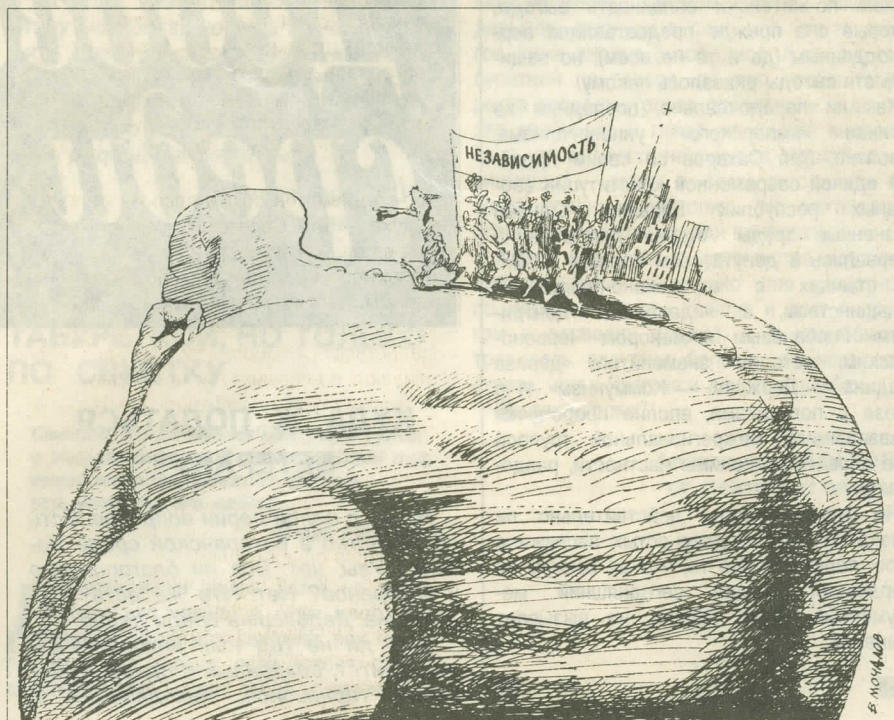
пасами пушнины превращается в обузу для центра; пытаться же осваивать на таком расстоянии другие ее богатства в то время было безнадежно. Можно спорить, не продешевил ли он в цене, но трудно поверить, что российский император был худшим патриотом и геополитиком, чем «социальный демократ», отставной чекист или бывший комсомольский вожак...

Таковы дела земные.

Но есть еще и «космизм». Он тоже бывает разный: в прошлом веке, например, жил в России философ Николай Федоров, мечтавший усилиями духа всех людей воскресить умерших предков. Ради этого предполагалось, в частности, отказаться от интимных радостей: во-первых, мешает сосредоточиться на заветной цели, во-вторых, ожившим покойникам может не хватить места под солнцем.

Теперь космисты уж не те: их коллективный организатор Александр Проханов призывал отречься всего-навсего от потребительских благ, бросив все силы народные на создание военной техники «завтрашнего дня». Эта идея тянулась кроваво-красной нитью через всю прохановскую прозу с тех пор, как он забросил душещипательные очерки из провинциальной жизни и сделался «соловьем Генштаба».

Новейший его ориентир — «русские евразийцы», которые оперировали «огромными геополитическими организациями, расовыми концепциями, пракультурами...» Из всей их теории Проханов выбрал и развивает одно положение: об извечной, глобальной схватке добродетельной расы «континентальных евразийцев», православных и мусульман, со злокозненными «островными атлантистами» — инославными христианами и иудеями.

Но вот незадача: если с этих позиций объяснять, допустим, провал восстания Прохановым афганской кампании, то получается, что одни евразийцы не просто отвергли братскую помощь других, но готовы были объединиться против них хоть с атлантистами, хоть с самим шайтаном. Где же тут геополитическая, расовая «комплиментарность» — если воспользоваться термином почтенного теоретика евразийства Льва Николаевича Гумилева? Сегодня эту самую «комплиментарность» вся наша половинка Евразии, похоже, испытывает лишь к атлантистским дензнакам с портретами отцов-основателей одной из самых успешных «идей общей судьбы». Они, в отличие от члена б. КПСС беллетриста Проханова, уверенно толкующего о «философии религии», успели прочесть Евангелие и усвоить смолоду, что Всевышний дал людям не только заповеди Ветхого Завета, но еще и некоторые права...

Если на неведомом пути глядишь не под ноги, а в космос — легко, споткнувшись о родную кочку, шлепнуться оземь и расквасить нос.

Вот, кажется, и весь выбор вариантов совкового «имперства». Его представители, в лучшем смысле осознающие себя хранителями духа многонациональной государственности, как видно, повывелись давно. Те, что имеются, как бы сказать... довольно «фаллоцентричны» (от слова «фаллос»; так однажды выразился — не в шутку, а вполне серьезно — прохановский соратник по духовной оппозиции, философ-мистик Александр Дугин). Ну и получили — соответственно...

Что же негодовать на результат? Империя, сохранившая только таких сторонников, просто не могла не развалиться. Можно по-житейски оплакивать выгоды, которые она прежде предоставляла верноподданым (да и то не всем), но защитить эти выгоды оказалось некому.

Как ни парадоксально, последним из могикиан «имперского» универсализма, вероятно, был Сахаров со своим проектом единой современной конституции свободных республик Евразии. Однако жизненные труды Андрея Дмитриевича прервались в депутатском корпусе СССР, в стычках с агрессивно-послушным большинством, с «идеальным центристом» Горбачевым и майором Червонописским, автором знаменитого девиза «Родина — Держава — Коммунизм». И в союзе с политиками, вполне пророчески назвавшимися межрегиональной группой (оба слова — синонимы частности, разделения).

Не берусь судить, действительно ли страна на рубеже девяностых заслужила таких политиков. Но то, что во многом их стараниями создан сегодняшний межеумочный облик России, не вызывает сомнений.

Дедовщина среди дедов

Фото Э. Кудрявицкого

КУДА Ж ПОДАТЬСЯ ВETERАНУ?

Начну с целой серии вопросов. Есть ли единство в ветеранской среде России? Увы, нет. Все ли благополучно у ветеранов? Нет. Что же есть? Дедовщина. Дедовщина среди дедов.

Чуть ли не год наш инициативный оргкомитет, созданный в одном из военных гарнизонов, находящихся в

Солнечногорске, пытался объединить ветеранов, зарегистрироваться, открыть свой счет в банке, чтобы помогать друг другу. Жилье, земля, торговля, приватизация, трудоустройство, и, конечно, здоровье людей, отдавших десятки лет службе в армии, — вот наши проблемы. Нас поддерживали все ветераны, живущие в нашем военном городке, а это почти 700 человек. В большинстве инстанций, где мы консультировались, также от-

неслись с пониманием и обещали поддержку. Но... Григорий Петрович Яшкин, генерал-полковник в отставке, председатель Совета Всероссийского союза ветеранов Вооруженных Сил, неожиданно прибыв на наше учредительное собрание, гневно обрушился на нас за нашу «самодельность», и в результате мы, ветераны, оказались лишены права на создание своей организации.

А председатель Солнечногорского городского комитета ветеранов войны и труда Виктор Григорьевич Лобачев так просто обвинил нас в раскольничестве. В результате загубили наше дело в зародыше. А почему, собственно, загубили? И кто?

Сейчас по городам и весям России существует несчетное множество самых разных ветеранских организаций: Великой Отечественной войны, Афганистана, подразделений особого риска, вооруженных сил, офицеров запаса, труда, правоохранительных органов и т.п. Все это «разнообразие» замыкается на московские штабы, возглавляемые представителями партийно-генеральской элиты М.Труновым, Н.Скомороховым, Г.Яшкиным, Г.Береговым, В.Андреевым, Г.Титовым и другими «почтенными» мужами, погрязшими в мрачных спорах из-за дележа сфер влияния. Вот кому выгодно регистрировать множество организаций, в уставах которых формально записаны одни и те же цели — социально-правовая защита ветеранов! А что реально существует? Рождение всевозможных союзов, советов, обществ, ассоциаций и т.п. — ловкий расчет смекалистых отставных генералов. Ветеранам от них пользы никакой. И о каком единстве можно говорить, если председатель одной структуры, генерал Г.Яшкин, называет председателя другой структуры, генерала В.Андреева... мошенником, если процветает спекуляция товарами, в том числе поступающими из-за рубежа по линии гуманитарной помощи; если тот же В.Лобачев злобно отзывается о генералах Г.Яшкине и других как... об одной шайке-лейке? В этом суть их «бурной» деятельности. Окостенелые чиновники стремятся оставаться при ветеранах, как при доходном месте, до отхода в вечность.

Что нужно семидесятилетнему человеку? С различных трибун Яшкин заявляет, что его главная забота — сохранение офицерского корпуса. Это сказки. Тем не менее «сказитель», пользуясь старыми связями, беспрепятственно посещает высокие инстанции и успешно добывает все необходимое для себя и подчиненного аппарата. У министра обороны и московской мэрии он выбил бюджет, помещения в старинном

особняке на Гоголевском бульваре, служебную «Волгу» с персональным водителем... На этом все закончилось.

Фактически эти так называемые лидеры никого, кроме себя и своего верноподданного чиновного окружения, не представляют. Низы им не нужны. Получаются «паровозы» без вагонов.

Размышляя над всем этим, приходишь к выводу о необходимости серьезных перемен в ветеранском движении. Надо под ветеранские дела подводить, как в США и некоторых других странах, солидную государственную основу. Необходим какой-то единый общероссийский центр по делам ветеранов, объединяющий местные организации, действительно работающие для людей. И не нужны будут тогда никакие союзы, советы, президиумы, комитеты, бюро.

Разве они способны, к примеру, решить вопрос о компенсации людям, не один год прослужившим на атомных полигонах? Тот же Яшкин, кратковременно по вахтенному графику побывавший в районе Чернобыля, получил спекудостоверение и дополнительные льготы, а тысячи офицеров и прапорщиков, прослужившие от двух до пяти лет на новоземельском атомном полигоне, не могут ничего добиться. Ведомства даже не отвечают на запросы военкоматов о подтверждении пребывания людей на атомном полигоне.

То, что происходит в ветеранском движении, не менее опасно, чем так называемая дедовщина в казармах, официально именуемая неуставными взаимоотношениями.

Видимо, прав еще один генерал — А.В.Ручкой, писавший в «Известиях» 8 октября 1992 года: «Легче пойти в атаку на батарею врага, чем победить коррумпированных чиновников». Бессилие? Пока, к сожалению, да, если так думает даже вице-президент России. Что уж остается нам, так сказать, рядовым ветеранам?

Александр ЛУКИН,
подполковник запаса

г.Солнечногорск, Московская обл.

ТАБУРЕТКОЙ, НО ТОЛЬКО ПО СВИСТКУ

Смешно, когда мужик цветущий густо, с родной державой съевший соли пуд, внезапно обнаруживает грустно, что, кажется, его давно ...

Игорь Губерман

Дорогие наши деды! Даже не тогда, когда вас клюнет в одно место жареный петух или свистнет рак на горе, нет! Вот только если клюет рак, а свистнет петух — вот тогда и начинается

шевеление в вашей среде. Только тогда и начинает шурупить русский мужик — бессмысленный и беспощадный.

Да ветераны и не возмущались бы вовсе, будь Яшкин поумнее (бред, конечно), разреши он собрание. Ничего бы он не терял, а приобретал бы еще одну первичку и победно бы рапортовал о «дальнейшей консолидации». Если бы... Но на то он и Яшкин, что не был умнее!

Но ветераны возмутились, и слава Богу!

А все равно: слишком сильна в них вера в государство наше. Отсюда и обращения к Грачеву, мол, Ваше превосходительство, ведь воруют. Отсюда и прожекты о министерстве, долженствующем всех удовлетворить. Будто бы сядет в главном кабинете министерства такого некий седоголовый подполковник Лукин, который все понимает и посему будет творить только добро и для солнечногорских, и для темноовражских каких-нибудь ветеранов. Черта с два! Тот же Яшкин там и сядет. Собственно, он уже и сидит. Он и его камарилья. Только называется это не министерство, а Российский союз ветеранов или как там еще...

Решать проблемы ветеранов вот таким образом — совковая утопия, подобно тому, как решать проблему мяса созданием министерства мясной промышленности. Министерство есть — мяса нет!

Короче, с дедовщиной так, по закону, «правильно» и «культурно» не борются. Опыт борьбы с этим «нехарактерным для армии в целом явлением» учит: будешь жаловаться командиру, а тем более «писать в газету» — вообще замордуют. Так что готовьтесь одни доблестные солнечногорские деды к защите от других, не менее доблестных.

Реакция на дедовщину должна быть неадекватной. Скажем, тебя назвали дерьмом, плюнули в лицо или что-то другое, тоже вполне безобидное. А ты его табуреткой по голове, да так, чтобы табуретка пополам (голова пополам не надо — это трибунал), и глаза посильнее вытаращить, чтобы никто не сунулся. Но потом — внимание! — могут и «темную» сделать. А тогда можно и повторить. Но опять-таки осторожно потом, могут и прирезать.

Здесь все дело в количестве «дедовщинствующих». Насколько мне известно, по дорогам Европы топало, и друг с другом в разведку ходило, и в Чернобыле травилось все-таки больше «личного состава», чем у Яшкина и других в штабах.

Ну, так что же?

Александр КАСАТОВ,
ст. лейтенант запаса

Андрей ГОЛУБОВ

ПОСАДКИ В ГАНДЕРЕ НЕ БУДЕТ?!

В одном из последних номеров «Столица» (№ 2 (112), 1993 г.) обращалась к теме беспорядков, творящихся в российских аэропортах. То, что сегодня происходит в наших авиагаванях, несомненно, впечатляет и даже ужасает. Но наивно думать, что у наших бывших врагов, ныне преспокойно продолжающих «догнывать», дела обстоят гораздо лучше. Да, там почище, поспокойнее, не хамят и не тащат в «кутузку». Но бывает всякое. Разница лишь в том, что они все возникающие проблемы пытаются решать оперативно и по возможности цивилизованно. Получается это, естественно, не всегда. Впрочем, судите сами.

Запах российских сигарет в транзитном зале аэропорта маленького канадского города Гандер в провинции Ньюфаундленд постепенно выветривается, хотя и остается стойким. Сегодня сотни наших соотечественников, жителей других стран СНГ и наших бывших братьев по соцлагерю уже не «радуют» рабочих и служащих аэропорта своим присутствием. Канадцы, с одной стороны, довольны, с другой — встревожены. Но об этом позже. Тишина и покой пришли в аэропорт совсем недавно. Но еще меньше месяца назад все здесь было по-другому.

Четыре раза в неделю самолеты Аэрофлота, следовавшие из Москвы в Нью-Йорк, Мехико, Лиму, Гавану, ряд других городов и обратно, делали там так называемую «техническую посадку» для дозаправки горючим. Рассчитанная на час-полтора, эта техническая посадка, как правило, затягивалась до трех-четырёх, а то и пяти часов. Нет, канадские рабочие и служащие работают споро и быстро, не притерешься. Причина задержек, сильно затягивавших и без того длительный и тяжелый перелет, была в другом. Многие пассажиры ощущали как бы вдруг, что одного часа им в Канаде мало, и решали продлить свое пребывание в этой суровой по климату, но радушной и гостеприимной по характеру жителей стране.

Когда объявлялась посадка обратно в самолет, они просто не возвращались на борт. Одни находили иммиграционного чиновника или полицейского, подходили к нему и говорили хорошо заученную со слов друзей и знакомых фразу: «Я беженец. Хочу остаться в Канаде». Другие — «технологий» было несколько, — устроившись на мягком диванчике в центре зала, но подальше от своей группы, просто отодвигали от себя на метр-полтора пластиковый посадочный талон, что в большинстве случаев не оставалось незамеченным теми же чиновниками или полицейскими. Этот знак означал следующее — «Я готов. Подходите и берите меня тепленьким».

Как только выяснялось, что есть «перебежчики», начиналась утомительная процедура выгрузки багажа 250—350 (в зависимости от типа са-

молета) пассажиров. Все приглашались на взлетную полосу для опознания своего багажа и предъявления собственной ручной клади. Длилось это до тех пор, пока на бетонке не оставались лишь вещи попросивших убежище. Их, естественно, проверяли на наличие взрывчатки и прочего «криминала», но, как правило, безрезультатно. Задачи просто у людей были другие.

Очень хорошо помню один достаточно комичный эпизод. На балконе второго этажа транзитного зала в окружении двух иммиграционных чиновников стоял, растерянно улыбаясь, молодой человек с небольшой папочкой и громко повторял по-русски: «Я вас не задержу, у меня из вещей только папочка вот». Ответом ему были не очень любезные голоса снизу типа: «Ты чё, самый умный, что ли? Не задержу, говорит. Еще человек пять осталось. Все равно несколько часов сидеть».

Автору этих строк приходилось летать через Гандер раз шесть. И если в 1987—1988 годах с каждого рейса оставалось человека два-три, то уже в 1990—1991 годах ежерейсовый «урожай» канадских иммиграционных служб составлял в среднем 10—15 русских, украинцев, молдаван, евреев, поляков, чехов, кубинцев и др.

Однако 1992 год побил все рекорды. Так, абсолютное достижение было установлено 9 декабря — с борта аэрофлотовского самолета, прилетевшего из Гаваны, сошли 111 человек, в том числе 107 граждан бывших советских республик (двое — из Шри-Ланки, двое — из Перу). Всего же за год более 2,5 тысячи человек прервали свой полет, начав путешествие в неизвестное — новую жизнь в новой, незнакомой стране.

Иммиграционный центр в Гандере весь минувший год работал с перегрузками. Информационные агентства разносили по миру слова руководителя центра Пола Грина: «Пока справляемся. Тяжело. Приходится использовать внутренние резервы». Внутренние резервы — это привлечение дополнительных людей, сверхурочные часы в дни аэрофлотовских рейсов, уплотнение обязанностей всей дюжины сотрудников центра. Порядок был отработан до мелочей и многократно «обкатан». Зарегистрировав беженцев, их сажали в автобус и отправляли в один из двух отелей в городке или жилой дом, отведенный для этой цели. Прибывшие ни копейки, соггу, ни цента не платили за жилье и получали своеобразные (надо заметить, достаточно приличные, особенно по нашим «совковым» меркам) суточные.

Не любопытства, а лишь точности и объективности ради заметим, что средства на все эти многотысячные поначалу и многомиллионные к январю этого года расходы брались и берутся из кармана канадских нало-

гоплательщиков. В Гандере бывшие аэрофлотские пассажиры проводят (употребляя настоящее время, поскольку и сегодня их там сидит-кукует превеликое множество) неделю-другую, потом рассасываются по другим провинциям. Достаточно большой процент потенциальных «новых канадцев» прибывает с адресами знакомых или родственников, иногда очень-очень дальних, у которых и стараются бросить якорь хотя бы на первое время. Не так давно одна канадская газета писала, что некая Алла нашла в Оттаве некую Тамару, приходящуюся дочерью двоюродной сестры мужа. Как ни крути, а все же родственники, хоть и дальние. У некоторых знакомых и родственников у самих-то финансовые концы с концами не сходятся, но некоторые стали на ноги и помогают «новеньким».

На новом месте надо ждать примерно 6—8 месяцев, пока подойдет очередь и заявки кандидатов в канадцы будут рассмотрены.

Маршруты беженцев из СНГ, Восточной Европы и Латинской Америки пересеклись в Гандере не случайно. Канада была и остается одной из немногих стран, не сажающих претендентов сразу же на обратный рейс. Например, в ирландском аэропорту Шэннон, где многие аэрофлотские рейсы также садятся для дозаправки горючим, с претендентами в беженцы разбираются быстро и легко, немедленно препроводя их обратно в салон лайнера. Двусторонние иммиграционные соглашения с Ирландией действуют строго и четко.

С канадской стороны таких соглашений нет и пока не предвидится. Кроме того, по канадским же законам власти должны принять к рассмотрению заявку любого беженца, вступившего на землю страны. В соответствии с международным правом беженцем считается человек, покинувший свою страну по причине обоснованного страха преследования из-за расовой, национальной, религиозной принадлежности или по политическим мотивам. Заявитель должен доказать, что возвращение на родину угрожает его свободе или жизни. По последним данным, в 1992 году около 60 процентов всех рассмотренных заявок на статус беженцев от граждан бывшего Советского Союза признаны обоснованными. В большинстве своем это русские, украинцы и евреи из Молдовы.

Гражданам, скажем, России или Украины гораздо труднее. Ведь надо представить достаточно веские доводы того, что их свобода или жизнь, в случае если они снова ступят на родную землю, окажется в опасности.

Накатывавшиеся на Гандер одна за другой волны беженцев создали для канадцев массу новых проблем, усугубив старые. Уважая собственные законы, канадские власти не могут

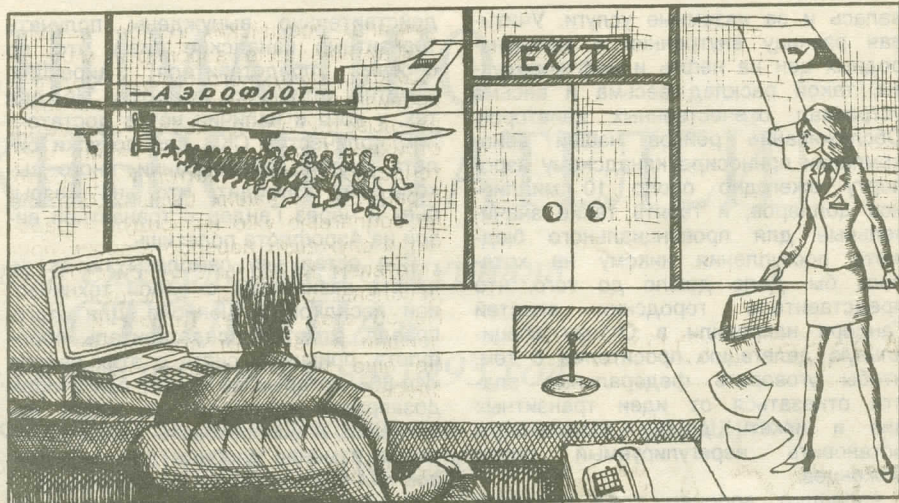

Рис. А. Пантелеева

просто захлопнуть ворота перед носом прибывающих пассажиров. К тому же Канада очень дорожит своей международной репутацией гуманной страны, где могут найти приют страждущие. Тем не менее к концу прошлого года нараставший не по дням, а по часам вал невозвращенцев все же переполнил чашу терпения канадских властей и они начали действовать одновременно по нескольким направлениям.

Парламент страны начал подготовку нового иммиграционного законодательства, которое при наличии определенных условий даст иммиграционным чиновникам право отказывать беженцам в предоставлении вида на жительство без обязательных сейчас длительных слушаний. Одним из таких условий является, например, то, что заявители прибыли из «безопасных стран». Власти составляют список таких стран, где обеспечиваются права граждан и куда возвращение не грозит неприятностями. Россия и Украина, судя по всему, войдут, если уже не вошли, в эти списки.

Другим фронтом борьбы канадские власти избрали визовой режим. За несколько часов до наступления нового 1993 года все представительства Аэрофлота в Северной Америке, на Кубе и в ряде других латиноамериканских стран были уведомлены по факсу о том, что отныне все пассажиры, летящие куда бы то ни было с промежуточной посадкой в Гандере, должны иметь в паспортах транзитные канадские визы. Думаю, не стоит объяснять, с какими трудностями и временными затратами это сегодня сопряжено, в особенности для тех, кто летит «отсюда — туда».

В визовом вопросе местные власти попали в жесточайшие ножницы своих же интересов. С одной стороны, им нельзя не учитывать не то что открыто враждебное, но, скажем так, несколько недоумевающее отношение многих ньюфаундлендцев к бе-

женцам. Вот что недавно заявил журналистам председатель местной торговой палаты Питер Стэси: «Многие смотрят на это негативно. Они говорят: вы прибыли из другой страны, вас селят в хорошем отеле, вам дают деньги на жилье. Может быть, в эти тяжелые времена было бы лучше тратить деньги сперва на нужды домашних?»

На аналогичные размышления, похоже, наводит и вид беженцев «новой волны». Как утверждает мэр Гандера Дуглас Шеппард, «нынешние беженцы — не те, что были пару лет назад, — болгарско-румынского типа. Нынешние гораздо лучше одеты. меховые шапки, дубленки, дорогие и модные пальто, кожаные высокие сапоги и т.д. У них есть деньги, у многих — немалые деньги. Все они читали или слышали о Канаде и просто хотят перепрыгнуть иммиграционную очередь». Ведь ни для кого не секрет, что процедура оформления простых иммиграционных документов намного длительнее и сложнее, чем документов невозвращенцев.

Да, с одной стороны, расходы на содержание претендентов в беженцы, пока они находятся в Ньюфаундленде, несет провинциальное правительство. По данным руководителей социальных служб провинции, в 1992 году затраты на эти цели возросли более чем на треть по сравнению с предыдущим. Это, конечно, нелегкое бремя.

С другой стороны, однако, власти очень и очень не хотели бы, чтобы Аэрофлот по какой-то причине стал обходить, точнее сказать, облетать Гандер. Как ни крути, а взаимодействие Аэрофлота с властями провинции и руководством аэропорта Гандер являло собой хороший пример взаимовыгодного и перспективного экономического сотрудничества. Долгие годы наши танкеры доставляли к канадскому побережью топливо для наших лайнеров. Этой же «сырой валютой» наша страна частично расплачи-

валась и за наземные услуги. Учитывая разницу внутренних и международных цен на нефть и нефтепродукты, такой расклад весьма и весьма устраивал отечественных авиаторов. Обслуживание рейсов нашей авиакомпании приносило канадскому аэропорту ежегодно около 10 миллионов долларов, и терять такие значительные для провинциального бюджета поступления никому не хотелось бы. Дело дошло до того, что представители городских властей Гандера направили в Оттаву специальную делегацию просителей с тем, чтобы уговорить федеральные власти отказаться от идеи транзитных виз и искать другие возможности остановить нерегулируемый поток беженцев.

Аэрофлот, впрочем, тоже оказался не прост. Сначала канадцам было дано понять, что, если они будут упорствовать в визовом вопросе, Аэрофлот вообще откажется от посадок своих самолетов в Гандере. А затем наши доблестные авиаторы перешли от слов к делу. Как мне сообщили в региональной коммерческой дирекции стран Америки Аэрофлота, сегодня в Гандере садится лишь один аэрофлотский рейс в неделю — нью-йоркский. Все пассажиры этого рейса

действительно вынуждены получать транзитные канадские визы, что, по словам представителя дирекции, заметно отпугнуло клиентов. Но для тех, у кого в наличии нет в достаточном количестве СКВ для покупки билета другой авиакомпанией, иного выхода нет. Выходит, что «на безрыбье» и через Гандер с транзитной визой на Аэрофлоте полетишь.

Все остальные самолеты летят до пункта назначения с одной технической посадкой в Шэнноне. Для этого, правда, отметил представитель Аэрофлота, пришлось снять с этих рейсов «Ил-86», который не может без второй дозаправки «дотянуть» до места назначения, и использовать менее вместимые и менее удобные для пассажиров «Ил-62» различных модификаций.

Однако проблема до конца еще не решена. В России перекраиваются расписания рейсов и заменяются самолеты, люди бегают по посольствам за визовыми штампами. В Канаде аэропортовые службы Гандера терпят убытки, лишая местный бюджет столь необходимых ему поступлений.

Провозгласив свободу передвижения, Москва вряд ли пойдет на возвращение к практике безапелляционных запретов. Аэрофлот, особенно в нынешних «архирночных» услови-

ях, также не захочет терять клиентов и нести убытки. Наконец, канадские власти уже не в состоянии выдерживать мощного натиска беженцев с наших самолетов. Желая продолжать взаимовыгодное сотрудничество с российской авиакомпанией, они страстно хотят лишь одного — превратить этот лавинообразный и нерегулируемый поток беженцев и невозвращенцев в цивилизованный регулируемый поток беженцев и невозвращенцев в цивилизованный регулируемый ручеек. Каким же образом? Визы? Запреты? Полеты «мимо» (читай — нарушение старых и прочных экономических связей)? Первое не подходит, второе тоже не пойдет. Третье вообще как-то странно.

Конечно, найти решение непросто. Но хочется верить, что возможно. Что, не страдая от неизбежной беготни за визой, можно будет наслаждаться при заходе на посадку в аэропорт Гандера суровой канадской природой, ее дремучими лесами и голубыми блюдцами озер и, пристегивая ремни безопасности, мурлыкать себе под нос слова доброй известной песенки:

*...Над Канадой небо синее,
меж берез дожди косые,
так похоже на Россию,
только все же не Россия...*

НОВЫЙ КОВЧЕГ В ПОТОПЕ ИНФОРМАЦИИ

Во время всемирного потопа Ной построил ковчег и спас в нем от смерти свою семью и меньших братьев.

В наше время газетного потопа новый еженедельник «Московский Обозреватель» спасет Вас от конъюнктурных сплетен и вдопига дезинформации, хлынувших на наше сознание.

К БЕРЕГУ ИСТИНЫ!

Еженедельник «Московский Обозреватель» объединяет лучшие материалы российской печати, предлагая вашему вниманию блестящую коллекцию избранной периодики.

Московский
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Фирменный Знак

— это
первый
шаг.

Zventa

И сделать его нужно так, чтобы потом не было мучительно больно.

292-47-08

НЕПОДУКПНАЯ СТРАЖА

Охранные / промышленные / телекамеры:

- ✓ работа в сумерках
- ✓ малые габариты (вплоть до размеров дверного глазка),
- ✓ высокое разрешение.

ЛЮБЫЕ ОХРАННЫЕ СИСТЕМЫ.

292-47-08

Zventa

ВНИМАНИЮ ЗАРУБЕЖНЫХ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Редакция еженедельного журнала
«СТОЛИЦА»
 продолжает подписку на 1993 год

По вопросам подписки обращайтесь непосредственно в редакцию по адресу:
 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22.

Телефоны: (095) 928-23-49, 928-27-69.
 Телефакс (095) 921-29-85.

Стоимость подписки за 1 номер:

Европа: 2,68 USD (обычной почтой), 2,98 USD (авиапочтой);
 США, Канада, Израиль, Япония: 2,98 USD (авиапочтой).

Редакция гарантирует рассылку журналов из Москвы в день выхода.

NAME _____

ADDRESS _____

TOWN/CITY _____

POSTCODE _____ COUNTRY _____

13 weeks 26 weeks 52 weeks

Please find enclosed my cheque in favour of STOLITSA WEEKLY

I will pay to your bank account with THE BANK FOR FOREIGN ECONOMIC
 AFFAIRS, Moscow, Russia. ACCOUNT NUMBER: 59870531

SIGNATURE _____

Пожалуйста, пошлите этот купон и денежный чек
 (или копию платежных документов)
 по нашему адресу: 101425, Москва, ГСП, К-51, Петровка, 22. «Столица».

МОЖЕТ, ВЛАСТИ ПЕРЕСТАНУТ ДРАТЬСЯ?..

Да, появилась такая хрупкая надежда на то, что ставшие уже традиционными взаимные перепалки между Моссоветом и городской мэрией наконец прекратятся, обе власти займутся все-таки тем, для чего, собственно, мы их и выбрали: сделают жизнь московскую опрятнее, удобнее и, Бог даст, сытнее... А появилась эта надежда после того, как на сессию Верховного Совета Российской Федерации был наконец вынесен проект «Закона Российской Федерации о городе Москве — столице Российской Федерации». Начинать его обсуждать еще чуть ли не два года назад, перебрали за это время множество вариантов, внесли уйму поправок, изменений и прочего. Насколько он отвечает ожиданиям московского начальства?

— Независимо от того, что этот Закон существенно ограничивает возможности исполнительной власти, мы — за то, чтобы он был скорее принят, — твердо сказал мне **Юрий Михайлович ЛУЖКОВ**, мэр Москвы.

— Во всяком случае, он поможет вам, хозяйственнику, эффективнее справиться с экономикой города?

— Я надеюсь. Хотя, как вы понимаете, напрямую на экономику Закон не влияет. Однако ясно просматривается давно ожидаемая всеми стабилизация функций исполнительной и представительной властей, а уже через эту стабилизацию более упорядоченно будут решаться вопросы хозяйственного управления городом,

на основе более тесного взаимодействия властей и четкого разделения их функций. То есть представительная власть уже не будет напрямую вмешиваться в нашу хозяйственную деятельность, ей там просто нечего делать... За ними, за депутатами, останутся лишь функции разработки нормативных документов, бюджет города.

— Вы сказали, что все-таки и этот вариант Закона ограничивает ваши, исполнительной власти, возможности. В чем?

— В том, что целый ряд практических вопросов, которые сейчас решаются нами, исполнительной властью, переносятся теперь в прерогативу власти законодательной — Московского Совета... Тем не менее, повторюсь, мы идем на это, чтобы наконец-то упорядочить, формализовать, разложить по полочкам функции каждой из систем. А ведь это смешение функций, неразбериха происходят сплошь и рядом: например, Фонд имущества (подотчетный Моссовету) и Москомимущество (подчиненный нам) фактически занимают одним и тем же... С этим нужно кончать, и принятие Закона — первый шаг. Затем — принятие Устава города. Он будет разрабатываться и приниматься — я это подчеркиваю — Моссоветом. Не мэрией. Но, конечно, должен быть согласован и с нами, и с Верховным Советом, и с президентом. И, естественно, тоже должен учитывать баланс интересов представительной и исполнительной властей. А когда оба документа будут приняты, можно говорить, что структура власти и система управления в городе созданы, что они базируются на цивилизованных компромиссных условиях, и, значит, можно надеяться, что будут эффективно работать.

— И «драка» на высшем уровне в Москве прекратится?

— Должна. Здесь уже оснований для конфронтации не будет: ни нормативных, ни правовых, никаких. Конечно, могут остаться отдельные трения между личностями... Понимаете, личные амбиции — и в первую очередь депутатского корпуса — накладываются сегодня на неопределенность законодательной базы, и получается как бы двойной удар по хозяйству

Москвы. А с принятием Закона хотя бы одна часть удара (правовая) исчезнет...

Председатель Моссовета **Николай Николаевич ГОНЧАР** тоже считает принимаемый Закон компромиссным:

— Без этого компромисса не обойтись. Но надо строго проследить, чтобы этот Закон во всем соответствовал положениям ныне действующей Конституции. И еще, конечно, необходимо, чтобы все формулировки Закона были однозначно толкуемы. Кроме того, я был бы против, если бы какие-то спорные сегодня положения были перенесены из Закона в Устав города. Это бы означало, что конфликт между властями может продолжаться до утверждения Устава.

— Все же, по-вашему, в чем он, этот конфликт?

— Главное, что мы никак не можем поделить, — это, конечно, собственность. Поэтому в принимаемых правовых документах по Москве главное — чтобы соблюдался Закон о собственности. Вспомните, с чего в Москве все началось — с конфликта по поводу приватизации предприятий торговли! В одной из публикаций Г.Х.Попов говорил об отличиях номенклатурной приватизации от номенклатурной. Так вот, сегодня уже можно четко сказать, что в Москве была проведена чистейшая номенклатурная приватизация! Известно ведь, что торговля — это сегодня самая прибыльная в экономике отрасль, что бы там ни говорили: в тяжелую промышленность никто сейчас денег не вкладывает, а в торговлю вкладывают, да еще как. И что получилось? Эта самая прибыльная часть

собственности, которая должна была в основном обеспечить «вес» ваучеров, практически выведена из приватизации! А представьте себе, что было бы в Москве, если бы мы могли объявить: на чековые аукционы выставляются около 4000 столичных магазинов? Теперь — увы, не можем... Конечно, это приводит к реальному обесцениванию ваучеров. На них просто нечего приобрести!

— Что требовал Моссовет в части приватизации?

— Мы требовали, чтобы все происходило в рамках существующего Закона об именных приватизационных счетах. Только и всего!

Таким образом, повторяю, ключевой вопрос во всех взаимоотношениях властей в Москве — вопрос о собственности.

— Так что же, приватизированную московскую торговлю предстоит отнимать у новых владельцев? По-моему, так уже начали делать...

— Ни в коем случае! Убежден, что всю приватизированную муниципальную собственность, которая уже «ушла» куда-то, не надо деприватизировать. Я категорически против этого! Мы же опять только внесем хаос в едва-едва начавшие формироваться отношения собственности. Существуют иные пути, экономические: например, регулирование этих отношений системой налогообложения. Иначе народ окончательно уверится в том, что его в который раз крепко надули. Теперь уже — с ваучерами...

Короче говоря, главная наша проблема — не политическая, а все-таки экономическая. Главное, за что сегодня борется Моссовет, — удастся ли москвичам войти в рынок необманутыми. Несмотря на частные наши несогласия с Законом, мы согласны его принять скорее, чтобы уже начать работать на пользу москвичей. То есть так, чтобы это была именно польза москвичей, а не своя польза от имени москвичей...

Итак, Верховный Совет большинством голосов одобрил «Закон о городе Москве — столице Российской Федерации» и разослал его на доработку в парламентские комитеты и комиссии, чтобы окончательно принять до 15 марта. Доживем?..

Григорий КРОШИН

ТАКОЙ НАРОД ПОБЕДИТЬ НЕЛЬЗЯ

Российский народ, привычный к невзгодам, можно победить разве что дутом. Но, поскольку его сейчас вроде бы не производят, опасность, что изведут под корень умелых и находчивых, начисто отсутствует.

Крылова помните? Про беду, пирожника и тачание сапог? Не прав был дедушка русской басни. Кузнецкий хлебоприемный пункт в Пензенской губернии ежемесячно тачает 150 пар мужских сапог. Сапоги, утверждает «Постфактум», на меху. И где его достает производственно-коммерческий цех по выпуску товаров народного потребления, ума не приложу. Но, говорят, успешно конкурирует с местной обувной фабрикой и в феврале запустил обувку для прекрасной половины человечества. К 8 Марта, значит.

Верю в светлое экономическое будущее борцов с монополизмом. Ибо то же агентство сообщило, что в Чистопольской тюрьме заключенный ухитрился гнать самогон. Правда, зэк не простой — участвовал в захвате автобуса с детьми и угоне самолета в Израиле. Да, не оскудела земля умельцам...

А в то же время в Астрахани возникли трудности с жидкостью со сходной химической формулой. Местное объединение «Фармация» прекратило выпуск спиртосодержащих лекарств, сообщает газета «Волжские новости». С 96-градусным ректификатом возникла напряженка. Медики, наверное, стали меньше пить. Но беда, что послеоперационные раны начали обеззараживать бензином. Эскулапам, конечно, виднее.

Но что если и с горячим возникнут проблемы? Прижигать, что ли, начнут?

Не знаю, как реагируют на нововведения больные. А вот в одном магазине Самары, где расплатились фальшивой купюрой, сначала огорчились, а потом наверняка посмеялись. Подпольные гознаковцы оказались с юмором. Посмотришь на бумажку: на одной стороне нарисована тысяча, на другой — пять. Одно утешает — это теперь не суммы. Вон даже рубли перестали печатать — говорят, нет спроса.

Стимулом к напряжению мозговых усилий служит не только желание любым способом сшибать деньги. Здоровая конкуренция стимулируетсяграничными умельцами, более поднаторевшими в бизнесе. Число государств, желающих ударить автомобилем по российскому бездорожью, множится в геометрической прогрессии и берет в партнеры отнюдь не разгильдяев. В край, куда Николай сослал декабристов, устремились китайцы. Хотя с нашими предпринимателями создать российско-китайский автозавод. И обещают до конца года пустить по Забайкалью модернизированный пятиместный пикап «Сунгари» с новым неудобопроизносимым названием «Ингода-катик». Выйдут на проектную мощность, обещает ИТАР—ТАСС, и половину из 10 тысяч вездеходов начнут ежегодно продавать жителям Читинской области. А турецкая государственная компания «Мустафа» намерена построить в Туве, в верховьях Енисея, завод по расфасовке экологически чистой — родниковой воды. И не лень им возить прозрачную жидкость к Средиземному морю из такой дали? Видимо, о своем здоровье забываются.

Итальянцы же — наоборот — о нашем. Совместное предприятие «Сибитал» в городе Киселевске Кемеровской области ошачливило жителей шахтерского края первой партией кроссовок с товарным знаком итальянской фирмы «Симод». Сырье, замечу, использовать будут исключительно импортное. 600 тысяч человек в год смогут надеть итальянскую обувь и бегать трусцой, забыв о забастовках.

Голодное брюхо глухо не только к учению, но и к спорту. Поэтому надежда на китайских крестьян. Тамашние любители покопаться в земле берут в аренду овощные плантации в Еврейской автономной области. Хотят поставить нам на стол помидоры, огурцы, капусту, перец и так далее. Наши неторопливые труженики села смогут наблюдать, как реализуется в действии китайская модель создания пищевого изобилия, суть которой, на мой взгляд, сводится к одному — работать надо.

Ну а поскольку, повкальвав, не грех и отдохнуть, то лучше всего это сделать в Диснейленде. Именно так, сообщает «Постфактум», решило АО «Росит», которое намерено построить в Ростове-на-Дону детский центр «Весь мир» по аналогии с известным американским оригиналом. На десяти гектарах под стеклянной крышей разместятся пять отделов — по числу континентов. Первых посетителей «Весь мир» примет 1 января 1995 года. К тому времени, надеюсь, будет преодолен конституционный кризис, мы простимся со съездом, изберем кого надо в парламент и заработаем достаточное денег, чтобы ездить в настоящую Европу, а не в Ростов-на-Дону.

Александр АГОПОВ

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

КОРПУС МИРА НА НАШЕМ РЫНКЕ

Заокеанские граждане продолжают поражать своим альтруизмом. Ну, когда они безвозмездно распространяют слово Божье, это понятно. А вот бескорыстный бизнес — это не фунт изюма. И тем не менее сто американцев приехали на Дальний Восток именно с такой целью. Там они были торжественно посвящены в волонтеры Корпуса мира. Американцы прошли курс обучения русскому языку и получили назначение на работу в коммерческие и государственные структуры городов Дальнего Востока. На церемонии посвящения, сообщает агентство «Постфактум», присутствовали российские начальники американцев.

БОГАТЫЕ ВО ВСЕ НЕ ПЛАЧУТ

У исполнительницы главной роли в мексиканском сериале Вероники Кастро есть братья. А в городе Сасово, что в Рязанской области, есть станкостроительный завод. Что, спрашивается, общего между родственниками актрисы и предприятием, расположенным в малоизвестном городе? Все просто: фильм стал популярен в России, и богатые родственники Вероники нанесли визит в эту далекую от Мексики страну. Здесь-то они и положили глаз на продукцию сасовцев. В результате — о чудо! — в мексиканском городе Торре, видимо, будет налажено производство токарного оборудования на основе российской технологии. Контракт уже заключен, сообщает ИТАР—ТАСС.

КУДА ТЫ ЗАВЕЛ НАС, НЕ ВИДНО НИ ЗГИ...

Так теперь к нынешним сусаниным не обращаются — они стараются честно отработать полученные деньги и не ставят цели завести кого-нибудь в глушь. А число добровольных проводников, например, в Смоленской области множится. Жители российского пограничья бросают основную работу и подаются в проводники. Ведут проселочными дорогами негодяев с грузами в ближайшее зарубежье. В отличие от легендарного костромича, отдавшего жизнь за царя, они приносят отнюдь не пользу, а — напротив — вред. На границе с Белоруссией российская милиция задержала в минувшем году 2118 тонн меди, 1243 тонны алюминия, 330 — латуни и так далее.

**Организация
поможет
купить
и продать
на Ваших
условиях
любые
квартиры.**

**Тел.
292-56-16**

ИЗ ПОДВАЛА — В ОТКРЫТЫЙ КОСМОС

В № 28 за прошлый год наш журнал опубликовал статью «Луна и миллиард на «Рога и копыта», посвященную деятельности Виктора Щекочихина, президента Российского союза частных собственников (РСЧС), Московского союза частных предпринимателей (МСЧП), руководителя Ассоциации «Земляне». Материал был написан на основе информации, полученной от бывших подчиненных Виктора Щекочихина, пожелавших из соображений безопасности остаться анонимными. Господину Щекочихину настолько не понравились изложенные в статье факты показуши в работе РСЧС, что глава Союза подал на журнал в суд. Несмотря на то, что в исковом заявлении Щекочихин слезно пожаловался на нанесенный журналом Российскому союзу частных собственников «существенный моральный ущерб», Свердловский районный суд отказал главному собственнику страны в рассмотрении иска. Верность такого решения суда и достоверность публикации в «Столице» в очередной раз подтвердилась на днях, когда в редакцию пришла бывшая сотрудница РСЧС и, не скрывая своего имени, пожалела на страницах журнала высказать свое отношение к организаторской, хозяйственной и космической деятельности В.Щекочихина. Мы решили предоставить ей такую возможность.

За несколько месяцев, прошедших с опубликования фельетона «Луна и миллиард на «Рога и копыта», в жизни «наемников» щекочихинского подвала мало что изменилось. Те же авралы, та же нищенская зарплата, те же бесконечные увольнения и приемы на работу. Только с наступлением зимы добавились сырость и холод. Иногда прорывает трубу и вода заливает коридор. Кроме людей, в подвале проживает пять кошек, которых подобрала маленькими котятками машинистка Ира.

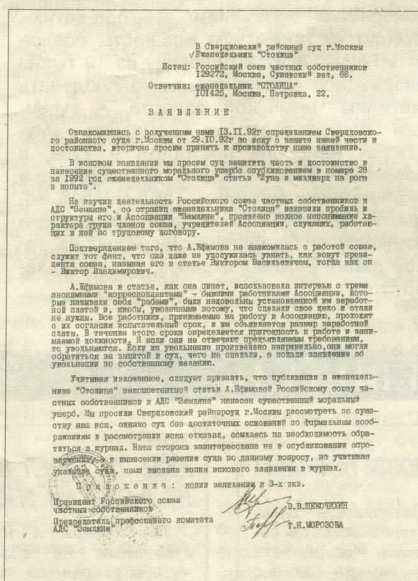
Дважды в неделю у дверей кабинета Щекочихина в конце рабочего дня выстраиваются очереди безработных с биржи труда. Это претенденты на должности инженеров, экспертов, референтов, экономистов, юристов, бухгалтеров, методистов, программистов, редакторов, корреспондентов, корректоров, специалистов по озеленению, по научно-техническому прогрессу, по приватизации земли, зав. учебно-методическим центром. Ну разве есть в Москве другое такое место, где требуются еще подобные специалисты и должности? Один раз с биржи труда приходил даже некто, представившийся коротко — «хозяйственный руководитель» и претендующий ни много ни мало на должность «директора пансионата». Правда, у Щекочихина и его родственников пока еще нет ни пансионата, ни даже площадки под его строительство. А вот земля уже есть — 600 гектаров в Московской и Рязанской областях. Активно и планомерно прорабатывается вопрос о «приватизации земли» в Сибири, на Урале, в Тамбовской области и других регионах России. Этим занимается специальная группа из трех человек. Земли выделяются, естест-

Щекочихина должны работать на одном энтузиазме.

Контра «Рога и копыта» — триединая организация РСЧС + МСЧП + АДС «Земляне» — как две капли воды напоминает захудалую бюджетную контору доперестроечных времен — та же структура, те же порядки: и тот, кто вкалывает, и тот, кто отсиживает свое рабочее время, получают у Щекочихина примерно одинаковую зарплату. Но у «частно-семейной» ассоциации Щекочихина есть и специфические черты. К примеру, то, что расходная часть бюджета на виду, а вот доходная скрыта для большинства в тумане. Расходная часть — это зарплата всех обитателей подвала, вполне приличная у родственников и близкая к «прожиточному минимуму» у «наемников», это аренда подвала для конторы и периодическая аренда престижных помещений (Дом журналистов, Российская академия управления, здание бывшего Комитета защиты мира на проспекте Мира и др.) для проведения различных мероприятий (конференций, «круглых столов», семинаров), это расходы на бумагу, размножение и печатание программ, пригласительных билетов, тезисов докладов, трудов конференций, почтовые расходы, расходы на «приватизацию земли». Ну и конечно же приемы, фуршеты, которыми иногда кончаются важные мероприятия, а также так называемая благотворительная деятельность: стипендии аспирантам и золотые медали «Земляне» за лучшие работы в области космонавтики. Хотя стипендии и медали существуют пока только на бумаге, но заявки на них делаются давно — и в многочисленных интервью президента «Земляне» журналистам, и на пресс-конференциях, и в резолюциях 1-й и 2-й конференций по космосу.

Что касается платности проводимых мероприятий, то это миф. Из 150 человек, зарегистрировавшихся на 2-й научно-практической конференции «Деловые люди и хозяйственное освоение космоса», только 11 человек уплатили оргвзнос. Но даже и бесплатно звать достаточное количество народа на конференции довольно сложно.

С массовостью всех мероприятий у Щекочихина вообще дела обстоят неважно. Даже на «торги» биржи РСЧС созывают людей из числа «наемников», чтобы изображать публику. Причем ни разу ни одной сделки при мне не было совершено. Три коммерческие палатки, принадлежащие Щекочихину и якобы приносящие доход РСЧС, стояли заколочеными почти все время, пока я работала в ассоциации. Как-то в ассоциацию устроились на работу три очень активных торговых работника и создали так называемый торговый дом РСЧС. Они так старались зарекомендовать себя с лучшей стороны, что принесли ассоциации неданную в ней долю прибыли — полтора миллиона, после чего Щекочихин, ко-

венно, под фермерские хозяйства, но бурная фантазия Щекочихина уже рисует на них некую «космическую игрушку», коттеджи для иностранцев, пансионаты. Отсюда, из воображения, и появилась должность директора пансионата...

Прием-собеседование руководителем РСЧС никогда не начинается в назначенный час, он специально затягивает время, дабы люди из очереди потомились, понервничали и прониклись важностью персоны, принимающей их на работу. Текущие кадры в подвале — поистине феерическая, поскольку стимулировать наемный труд таким банальным способом, как повышение зарплаты или улучшение условий труда, претит жизненным принципам Щекочихина. Люди

всеобщему изумлению, уволил всех троих со словами: «Если они мне принесли такую прибыль, то сколько же они положили себе в карман!». На том торговый дом Щекочихина и прекратил свое существование.

Похоже, конкретный бизнес с целью получения прибыли является делом слишком мелким, хлопотным и непрестижным для «частного предпринимателя» такого масштаба, как В.Щекочихин. Пока другие кооператоры пытались расширить свое дело или хотя бы удержаться на плаву в борьбе с рэкетирями и местными властями, Щекочихин занялся беспроигрышным в нашей стране делом — созданием всяческих символических союзов, общественных организаций: РСЧС, МСЧП, АДС «Земляне», и в результате из мелкого предпринимателя — собственника трех палаток превратился в лидера частнопредпринимательского общественно-политического движения, на волне которого при умелом лавировании можно влиться в те заповедные сферы, откуда идет распределение (именно распределение) всех жизненных благ.

Кроме научно-практических конференций, неразрывно связывающих имя главного «частного собственника» с аэрокосмическим комплексом, Щекочихин проводит в Доме журналистов «Постоянно действующий (ежемесячный) Круглый стол руководителей частнопредпринимательских хозяйственных структур, общественно-экономических объединений и политических партий, защищающих отечественное частное предпринимательство», с обязательным участием представителей «властных структур и государственных служб», а также деятелей науки.

Среди приглашаемых и Е.Гайдар, и А.Козырев, и А.Чубайс, и А.Нечаев, и Н.Комов, и С.Шахрай, и О.Лобов, и А.Шохин, и Г.Явлинский, и многие другие.

А партии какие вокруг Щекочихина «объединились!» «Независимая гражданская инициатива», Российская буржуазно-демократическая, Российская партия свободного труда, «Демократическая Россия», Российское движение демократических реформ, «Живое кольцо», Партия экономической свободы, Крестьянская партия России, парламентская фракция «Радикальные демократы», Республиканская партия Российской Федерации.

Разумеется, именитые «представители властных структур и государственных служб» — люди весьма занятые, редко заглядывают на «круглый стол», чтобы выслушать монологи Щекочихина. Но сегодня он приглашает именитых людей, а завтра уже и его приглашают. И к кому? К самому президенту России. И Щекочихин вручает Ельцину материалы 2-й научно-практической конференции по космосу и приглашение на 3-ю.

В той прошлогодней статье написано про «простаков», которые встают под знамена «Рогов и копыт».

Но ведь безработные с биржи труда идут к Щекочихину не под «знамена» — идут за хлебом. Эти же слова можно отнести к тем сытым, высокопоставленным «простакам», которые встречаются с Щекочихиным не в подвале, а на его пресс-конференциях и фуршетах. Можно ли считать «простаками» наши «властные структуры и государственные службы»? Не является ли сам Щекочихин и ему подобные порождением наших «властных структур и государственных служб»? Похоже, щекочихины нужны нашим властям — нужны как очередные символы, как передовики, но уже не «социалистического соревнования», а «капиталистического зарождения», нужны как фальшивое доказательство углубления реформ. Только если «социалистическим передовикам» раздавали ордена и медали, то «капиталистическим» раздают российские земли и льготные кредиты. Не слишком ли дорога цена за символы? Неужели кто-нибудь из госслужащих всерьез верит, что люди, которые не могут наладить нормальную работу ни своего подвала, ни трех небольших торговых точек, способны поднять фермерские хозяйства всей России?..

А как обстоят дела с космическими проектами Щекочихина? Третья международная научно-практическая конференция «Деловые люди и хозяйственное освоение космоса», которая состоится в апреле, в честь Дня космонавтики, должна, по его замыслу, вылиться в мощную «пропагандистскую общественно-политическую» акцию, которая покажет всему миру, как глубоко идут в России демократические реформы и как деловые люди — частные предприниматели России протягивают руку помощи отечественной науке и промышленности.

Главные стратегические задачи в подготовке конференции: 1) обеспечить присутствие минимум пятидесяти иностранцев, которых Щекочихин будет принимать за свой счет, без долларовых оргвзносов (гостиница, питание, транспорт, все, кроме билетов. Знай наших!); 2) обеспечить самый высочайший уровень представителей Оргкомитета под председательством Щекочихина. В этот Оргкомитет должны войти наипервейшие лица от аэрокосмического комплекса и Российской академии наук: главные академики и самые выдающиеся герои-космонавты, генеральные конструкторы, генеральные директора, первые лица от «властных структур», курирующие аэрокосмическую и экономическую науку и космонавтику, включая «военную», причем обязательно и от команды президента, и от правительства, и от законодательных органов, комитетов и комиссий. Ну и, конечно же, деловые круги России. Как нам объявил Щекочихин, Олег Иванович Лобов, председатель экспертного совета при президенте России, уже дал свое согласие войти в Оргкомитет.

Лично я успела обзвонить многие научные структуры, объяснить по телефону секретарям, помощникам, референтам, как связаны с космосом РСЧС, МСЧП и АДС «Земляне». Я приглашала генеральных конструкторов (замов — ни в коем случае) представлять в Оргкомитете щекочихинской конференции. И никто меня, представьте, не отшил. Просили только прислать приглашение по факсу...

Конференция должна объявить научному миру, что в будущем на базе «Земляне» будет создан ДЕПАРТАМЕНТ, курирующий всю аэрокосмическую науку и промышленность. Всеохватывающие направления Щекочихиным уже обозначены: 1. Конверсия аэрокосмического комплекса. Новые технологии и материалы. 2. Экология и мониторинг. Природные ресурсы. 3. Связь, радио и телевидение, транспорт. 4. Образование, культура, медицина, здравоохранение. Ну и, конечно же, планируется открыть филиалы «Земляне» за рубежом. Одним словом, даешь место под солнцем новому частногосударственному учреждению!

Я представляю себе, как самые генеральные из всех генеральных, а за ними герои-космонавты, а за ними члены правительства, парламента и администрации президента получают в конвертах от Щекочихина свой гонорар за представительство или, еще лучше, приезжают на своих лимузинах к нам в подвал, в бухгалтерию, чтобы все по-честному, с НДС и подоходным налогом... И еще — как иностранцы спрашивают на приеме-фуршете, какие, собственно, предприятия аэрокосмического комплекса принадлежат Виктору Щекочихину, а какие «представителям властных структур», потому что «не хотят вкладывать свои капиталы в государственные предприятия, а только в частные», частнособственнические, щекочихинские.

Но, слава Богу, ничего этого я больше не увижу: ни кошек и крыс, ни академиков и космонавтов, ни журналистов и телекамер, ни «представителей властных структур», ни фуршетов. И никогда не узнаю, что делает Щекочихин со своими землями, откуда он берет деньги на все эти «мероприятия». Потому что на днях уволилась из подвала «по собственному желанию, в связи с несоответствием условий и оплаты труда «поставленным задачам». Из подвала одновременно со мной ушла вся наша инновационная группа — три очередных кандидата наук с биржи труда.

А за два дня до меня уволилась одна из долгожительниц подвала — машинистка Ира. Уволилась потому, что ей не разрешили больше держать в подвале кошек. Со слезами на глазах она сказала: «Из подвала должны уходить люди, а не кошки. Это их место». И была, в сущности, права.

Татьяна СИГАЛОВСКАЯ

Фото В. Авсиевича

Есть у меня один добрый знакомый. Сколько его знаю — все он носит со своей идеей глобальных экономических преобразований у нас в стране. Берет первого попавшегося за грудки и начинает доказывать, как спасти Россию. В былые времена куда он только не обращался! Какие пороги не обивал! Побывал он, конечно, и на Старой площади, дошел аж до помощников каких-то больших лиц. Те его внимательно выслушали, снизошли даже до споров, но в душе послали куда подальше.

В самом начале перестройки он было заподозрил, что его идеи украли и начали потихоньку внедрять в жизнь. Но вскоре убедился, что ничегошеньки в экономике у нас по-прежнему не получается, и очень просто объяснил очередной провал тем, что всех секретов он в свое время не выдал.

Что я вдруг сейчас вспомнил о своем знакомом? Да случилось тут повстречаться с одним фермером, человеком не менее одержимым. Отпахал он двадцать лет в должности главного агронома в колхозах и совхозах необъятной нашей родины. И так ему все это надоело, так хорошо он понял неэффективность подобного ведения хозяйства, что при первой же возможности ушел в фермеры. А уйдя в фермеры, начал рассуждать, как разумнее и доходнее работать. Живя в Ржевском районе Тверской области, понял, что самой экономичной культурой в этой зоне является лен. Начал вести наблюдения за различными сортами, отобрал наилучшие. Словом, родилась у него программа «Русский лен». Если тезисно (с небольшими комментариями) — эта программа выглядит так.

ЖАННА Д'АРК СПАСЛА ФРАНЦИЮ. СПАСЕТ ЛИ РОССИЮ ФЕРМЕР ЗУБРЕЕВ!

*Удастся лен, так шелк;
Не удастся, так щелк!*

В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

Сейчас производство и переработка льна связаны с огромными потерями (по мировым ценам на 1 августа 1992 года, как показывают расчеты Зубреева, они составляют от 400 млн. до 1,4 млрд. долларов).

Потери складываются из-за:

а) неправильного подхода к уборке льна;

б) несвоевременной сдачи льна на завод (ввиду отсутствия вентилируемых хранилищ как на заводе, так и в хозяйствах производителей убранный лен попадает под дождь и либо теряет свои качества, либо гибнет);

в) неэффективности производственного процесса (отходы льна на заводе просто-напросто не используют-ся).

Далее. Для фермера сегодня становится невыгодно выращивать лен, так как:

а) примерные затраты на производство с учетом доставки на перерабатывающие предприятия приблизительно равны закупочным ценам, т.е. рентабельность равна практически нулю. При неблагоприятных же климатических условиях вообще выходит сплошной убыток;

б) переработка льна и сбыт готовой продукции монополизирован полностью — вся прибыль достается монополистам-промышленникам (стоимость изделий из льна в тысячи раз дороже закупочных цен).

Выводы:

хранение и частичная переработка льна должны производиться непосредственно в хозяйстве. А для этого нужен модуль по переработке льна с гибкой технологией, позволяющей получать прямо на месте батист, льняное волокно, ткань и бумагу (или их полуфабрикаты).

Вот вроде и все (правда, Зубреев вам **все** и не расскажет — вдруг украдете). Конечно, это голая схема. У фермера цели большие: и это не только обеспечение всех нас добротным и по доступным ценам товаром, что тоже, кстати, немаловажно. Он мечтает создать, как бы в миниатюре, иную, немонополизированную систему хозяйствования на селе — когда труженик видит плоды своего труда, видит, что, работая по-людски, он и жить может по-людски: думать о доме, о детях, а не только о бутылке, не бояться гонений, не авралить бесконечно.

Зубреев хочет наладить конкретное дело, причем наладить так, чтобы и другие могли последовать его примеру. В этом смысле он очень категоричен: считает — тот, кто умеет что-то ценное делать, должен и других заставить жить по принципу «Делай, как я». Иначе из трясины не вылезти. На Запад он не надеется — больно нужно кому-то, чтобы деньги из-под носа уплывали...

У фермера Зубреева уже есть земля. Есть единомышленники. Есть идеи и готовая программа. А еще ему нужны люди, желающие помочь поставить дело и довести до ума задуманное. Но найдутся ли такие — вот в чем вопрос.

Беседы с Зубреевым навели меня на в общем-то невеселые мысли. Неужели, подумал я, мы, горожане, настолько далеки от села, насколько наши правители — от всех нас? Ведь умные люди предупреждают: рушится село, деградирует деревня. А мы что — ничего. Пока можно в магазинах что-то купить, ну и ладно, слава Богу. Вот когда совсем уж подопрет — тут завопим и... раззудись плечо, размахнись рука.

И еще. Вдруг мне показалось — наше сельское хозяйство, как репка из сказки. Тянут-потянут, а вытянуть не могут. Дед тащит, баба тащит, внучка прибежала, а все никак. Мышки не хватает. Может, фермер Зубреев и есть та мышка, что репку осилит. Хотя он ну о-о-очень на мышку не похож.

P.S. Тот мой старый знакомый очень хотел, чтобы о нем написали. Даже заголовок придумал. Я им воспользовался, естественно, немного изменив.

Олег ПРОХАНОВ

Дизайн-студия
МАСТЕР

Печати и штампы

Визитки и бланки

208-63-34

М. «Сухаревская»,
Ананьевский переулок,
5, кв. 7

**ФИРМА
«СТАРТ-СЕРВИС»
ПРЕДЛАГАЕТ:**

бытовые компьютеры,
программное обеспечение,
литература, устройства к
компьютерам

**ЭТО ЛУЧШИЙ ПОДАРОК
ВАШЕМУ РЕБЕНКУ!**

Наши адреса:
— секция «Электроника» в магазине
«Мелодия»
(Ленинский пр-т, д.148, метро «Юго-
Западная»)
— магазин «Старт-Сервис» в компью-
терном центре
«Эльф-1» (Земляной вал, 13, метро
«Курская»)
— оптовая закупка или продажа в
офисе фирмы «Старт-Сервис» (Ленин-
ский пр-т, д. 152, корп. 1)

Телефоны: 433-24-77
327-56-39
434-12-14

**НА СТРАЖЕ ВАШИХ
ИНТЕРЕСОВ —
«АРГУС»**

«АРГУС-212»
— малогабаритная станция
охранной сигнализации, слу-
жащая для охраны несколь-
ких близко расположенных
объектов:

квартир, гаражей, дач, ком-
мерческих палаток, офисов и
т.д.

Число каналов станции мо-
жет варьироваться от 4 до 24
по желанию заказчика.

Высокая надежность и чувст-
вительность ОС «АРГУС-212»
обеспечивается за счет исполь-
зования комплекта аналоговых
и интегральных микросхем.
Фирма обеспечивает установ-
ку, наладку, гарантийное и пост-
гарантийное обслуживание ОС
«АРГУС-212».

Контактные телефоны:
923-19-71
361-34-22

СИСТЕМУ «АРГУС»
ТРУДНО ОБЕЗВРЕДИТЬ!

ЭТО ВЫ МОЖЕТЕ НЕ ЧИТАТЬ!

Но тогда Вы не узнаете об уникальной возможности
вложить деньги в строящиеся отдельные благоустроен-
ные квартиры в Москве и коттеджи в ближнем Подмо-
сковье, причем строительство производится по
рекордно низким ценам, а по вкладу кроме того начис-
ляются выгодные проценты. Эта возможность —

**ЖИЛИЩНЫЕ СЕРТИФИКАТЫ
СИСТЕМЫ «МАЛЕКС»**

Покупайте их в МП «Атрис» по адресу:
Москва, ул. Рогожский поселок, д. 3
(ст. м. «Марксистская»)
☎ 902-09-02, 489-05-53, 278-35-38.

**ЦЕНТР ТЕХНИЧЕСКОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ ФИРМА**

«КРОН»

- ремонт копировальных аппаратов
«CANON», «МИТА», «RICON», «SANYO», «SHARP»
- заправка картриджей
- поставка комплектующих и расходных материалов
- продажа копировальных аппаратов

Тел.: 432-90-00, 431-05-98

Факс: 431-19-98

Москва, ул. Новаторов, д.14, корп.2.

Наклейки

отличного качества

по низким ценам

2-цветные — 1 кв.см — 30 коп.
3-цветные — 1 кв.см — 35 коп.

Визитные карточки
1- и 2-сторонние.

Тел. 921-44-91

БАНКОВСКАЯ ПРАКТИКА НЕ ТЕРПИТ СУЕТЫ

Сегодня этот банк можно назвать одним из старейших банков новой России. И это будет совершенно справедливым — 15 февраля Союзпрофбанку исполнилось три года. Он стал одним из первых коммерческих банков еще в бывшем Советском Союзе и назвался тогда Банком профсоюзов СССР. Наш собеседник сегодня — председатель правления Союзпрофбанка Георгий Иванович ЛЕТУНОВ.

— Мы являемся российским банком, но из-за того, что банк учреждался профсоюзными организациями со всех концов тогдашнего Союза, и сегодня в составе учредителей представлены практически все страны СНГ, за исключением, пожалуй, лишь Прибалтики. У нас теперь есть даже зарубежный филиал на Украине, в ближайшее время предполагаем создать несколько филиалов в странах Средней Азии. Существует и около десяти филиалов на территории самой России, которые создаются прежде всего в промышленных зонах, к примеру, крупные филиалы у нас в Омске, Красноярске, Александрове — райцентр во Владимирской области, занимающий первое место в России по выпуску цветных телевизоров известной марки «Рекорд».

Вообще мы сегодня основное внимание уделяем работе филиалов с конкретными промышленными предприятиями, с конкретными регионами. Думаю, что в этом будущее всех банков. И те банки, которые не будут опираться на нормально функционирующую промышленность, в какой-то момент останутся без клиентуры. Ведь когда-нибудь все же должен кончиться период первоначального варварского накопления капитала, и тогда начнется нормальное строительство новой экономики.

— Вы являетесь крупным коммерческим банком...

— Я сказал бы точнее: по сегодняшним меркам это крупный средний банк. Начинали мы с уставного фонда в 120 миллионов, сегодня у нас собственных средств 600 миллионов, и в начале марта на общем собрании учредителей мы планируем увеличить уставной фонд до 1 миллиарда рублей, а к концу года, вероятно, до 2—3 миллиардов. В этом году мы начинаем активную внешнеэкономическую деятельность — в ближайшее время должны получить генеральную лицензию на этот вид деятельности.

— А какие услуги ваш банк оказывает своим клиентам?

— Практически весь спектр услуг, существующих в банковской практике России. Прежде всего это предоставление кредитов, услуги по хранению средств как населения, так и предприятий, то есть активные и пассивные операции банка: кредитование и привлечение депозитов и вкладов. Кроме того, мы занимаемся факторингом, трастовыми операциями... Проще сказать, чем мы не занимаемся.

Трастовые операции мы активно используем для работы с ценными бумагами. Ваучер пока ценной бума-

гой не назовешь, но вот акции государственных предприятий, которые можно приобрести за ваучер, и есть ценные бумаги. Поэтому мы по поручению наших клиентов покупаем ваучеры у населения и вкладываем их в приватизируемые предприятия.

— **А может ли стать вашим клиентом частное лицо?**

— Да, мы работаем и с частными лицами. В нашем банке открыты счета многих частных предпринимателей, которые занимаются предпринимательской деятельностью, не имея даже своих предприятий.

— **Какой же суммой надо обладать, чтобы открыть расчетный счет в вашем банке?**

— За открытие счета мы берем 20 тысяч рублей. Это своего рода имущественный ценз по открытию счета, правда, по современным меркам не слишком высоких. Но это все относится только к расчетному счету.

Если же мы открываем текущий счет, вкладной счет частного лица, то в этой ситуации мы никаких денег с него не берем и не ограничиваем вклад какой-то конкретной суммой.

— **То есть бабулька, скопившая две-три тысячи рублей и прочитавшая ваше интервью, может прийти в ваш банк и положить свои деньги «на книжку»?**

— Пожалуйста, пускай приходит. Мы платим по личным вкладам до 80 процентов в зависимости от срока, на который кладется сумма. Так что бабулька будет получать неплохие проценты со своего вклада.

— **А как быстро вы сможете открыть расчетный счет, скажем, мне как новоиспеченному частному предпринимателю?**

— Если все документы в порядке, то за 1—2 дня. Но, говоря 1 день, могу уточнить, что при определенной оперативности самого клиента это все может быть сделано в течение 2—3 часов.

Самые бюрократические организации во всем мире — это банки. Банковская практика не терпит суеты, суета при таком огромном количестве денег может привести к трагическим последствиям. Это все равно

как если бы хирург начал суетиться за операционным столом.

— **Мы с вами уже говорили о том, что прошлый год для вас был вполне успешным: открывались новые филиалы, увеличивалось число клиентов. Но насколько тяжело вам все это далось?**

— Да, 1992-й год был годом не из легких. И не только для нас, но и для всех коммерческих структур в нашей новой строящейся экономике, не знаю даже как ее назвать — капиталистической, рыночной...

— **Базарной...**

— Я не склонен так думать. Понимаете, это действительно экономика, которая находится в стадии строительства. Даже так — она и разваливается и строится одновременно. И самое ужасное, что все время ее строят разные бригады. Одна бригада строит — у нее один проект, приходит другая — все ломает и начинает строить по собственному проекту. А потом приходит третья, рушит то, что построила вторая, восстанавливает построенное первой, да еще добавляет что-нибудь новенькое по своему техническому заданию. А при этом в доме, который все время перестраивается, живут люди, которым на время ремонта выехать некуда. И то на них потолок обрушится, то кто-нибудь в яму провалится, то сквозняк по всему дому гуляет... Неуютно жить в таком доме.

Так жили в 1992 году мы все. Хотя, наверное, банковская система пострадала в большей степени, чем какая бы то ни было. Да вот взять хотя бы дело о фальшивых авизовках, так называемых «чеченских авизо». Хотя Чечня пострадала не совсем справедливо. Первые фальшивки и в самом деле исходили оттуда, но потом к этой афере подключились почти все регионы страны. А вина за то, что подобное могло случиться, лежит целиком и полностью на прежнем руководстве Центрального банка России, которое, развалив старую банковскую систему, не сумело создать новую, не смогло даже предусмотреть, что в период развала возможны злоупотребления подобного рода. Хотя любому мало-мальски грамотному банковскому работнику со-

вершенно ясно, что если бы аппарат Центрального банка России внимательно изучал существующую банковскую отчетность, то того, что потом назвали «чеченским делом», просто бы не было. Но, к сожалению, тогда ЦБ России больше думал о борьбе с Госбанком СССР, который через некоторое время сам приказал долго жить. Потом у Центрального банка России началась дележка портфелей и т.д. Это были чисто кабинетные игры, которые в итоге привели к тому, что мы сейчас видим: к полному развалу системы расчетов в стране.

Банковские системы за рубежом строились веками. А мы, не успевшая наша система поработать год, разворачиваем ее на 180 градусов. Еще год — еще на 90. Сегодня нужно успокоиться, собраться, глубоко вдохнуть и подождать, пока вся эта муть немного оседет и банковская система сможет работать нормально.

Но вообще я считаю, что будущее за специализированными коммерческими банками, каждый из которых займет свою нишу и будет обслуживать определенный регион, отдельную отрасль промышленности, даже отдельную небольшую социальную группу. И еще раз повторю — я верю в то, что пройдет некоторое время и страна вступит в стадию спокойного строительства экономики. Тогда и банковская система наконец-то начнет работать так, как это происходит в любой нормальной стране.

119146, Москва,

Комсомольский проспект, 13,
а/я 582

Тел.: 246-21-80, 246-60-03

Факс: 246-57-54

АКЦИОНЕРНЫЙ ПРОФСОЮЗНЫЙ БАНК
«СОЮЗПРОФБАНК»

ВЕРНИСАЖ ОТ ЧУРБАНОВА

**Весь мир объемлет сразу
Смертельная тоска:
Выходят по приказу
Конвойные войска...**

Михаил Дудин
Марш победителей

Здесь каждый третий прохаживает в военную форму, а двое остальных так или иначе связаны с армией. Здесь приземистые мрачные строения, а по улицам то и дело снуют «уазики» с солдатами за рулем. Здесь втиснуться в троллейбус практически невозможно, хотя никто никуда не спешит — жизнь идет строго по расписанию.

Лефортово. Красноказарменная (не слово — золото!) улица, 9а. Целый месяц ультрасовременная радиостанция «Европа-плюс» прокручивала зазывную рекламу здешнего Учреждения. Откликнулось на призыв посетить его... шесть «неорганизованных» человек. Я — седьмой. А в посетителях Учреждение нуждается. Ибо какой же музей без посетителей?

Ну да, это Центральный музей внутренних войск МВД России. Директор... простите, начальник музея полковник Анатолий Белаш (оклад 6750 руб.) с сожалением говорит, что для одиночек-энтузиастов музей закрыт, принимаются только групповые заявки:

— К каждому ведь экскурсовода не приставишь. Надо все рассказать-показать человеку... да и заодно проследить, чтоб не спер чего ненароком. А если группа, так 20 рублей перечисляете (за всех!) — и ходите-наслаждайтесь экспозицией. За группой и проследить легче, и отчитать потом.

А «переть» из музея есть что: 378 единиц вооружения (со снятыми бойками, разумеется, но все же), 1207 знамен воинского отличия. Среди них три золотые звездочки Героя Советского Союза, 33 ордена Ленина, 94 — Красного Знамени, 32 «отечки» (Отечественной войны) и т.д. Подарочные сабли-кортики разные, золотые часы... Думаю, что если бы четырнадцать здешних «научных сотрудни-

ков» сговорились бы реализовать все это по рыночным ценам, то были бы обеспечены до конца своих дней...

— Не знаю, над этим как-то не задумывался, — говорит Александр Горюнов, начальник отдела по работе в войсках и с населением, бывшего отдела пропаганды (оклад 4750 руб.). — Мне семь месяцев до военной пенсии осталось, вот и служу тут. Говорят, Ельцин скоро пенсии нам повисит — так не пропадем. А с миллионами куда податься-то?..

Освобождение заложников в исправительно-трудовой колонии (диорамный макет)

Вот вход в музей. Снаружи — каменный истукан, изображающий воина ВВ, внутри — плексигласовый короб со стремительно обесценивающимися червонцами-четвертинками и надписью, что эти деньги пойдут семьям погибших в мирное время взвзшников. Жертуйте, граждане.

Экспозиция, составляющая 30% музейного фонда (70% — в запасниках), занимает десяток больших комнат и начинается почему-то двуглавым российским орленком. «Ага, перестраиваются!» — соображаю. Внутри же — ворохи сталинских почетных грамот, фотографии конвой-

ных подвигов, знамена, старые газеты, награды... О, а вот это уже интереснее!

Полое внутри бревно, изготовленное заключенным для побега. Пропеллер от самодельного летательного аппарата, сделанного из бензопилы «Дружба» для вылета за пределы ИТК. Самодельные пистолеты-ручки. Тетрадь-тайник с лезвием-пилкой для побега из тюрьмы. Самопальная подзорная труба для наблюдения за передвижениями охраны ИТК. И это — лишь малая часть того, что обнаруживается порой у эков при шмоне. Остальные «экспонаты» такого рода, как оказалось, строго засекречены — во избежание... А вдруг посетителя музея завтра в колонию упекут? Так чтоб не знал, как бежать. Такая вот забота.

— А это — отец-основатель нашего музея, единственный, кто еще сидит по «узбекскому делу», — рассказывает А. Горюнов.

— Чурбанов!

ДЕТИ В ШКОЛУ СОБИРАЛИСЬ...

Взорвать собственную школу попытались два восьмиклассника из города Набережные Челны. Правда, опыта у «диверсантов» оказалось маловато, поэтому самодельное устройство взорвалось в руках одного из них, не причинив, впрочем, тому особого вреда. После этого случая, сообщает милиция, в школы города стали поступать десятки анонимных звонков с предупреждениями о готовящихся «террористических актах».

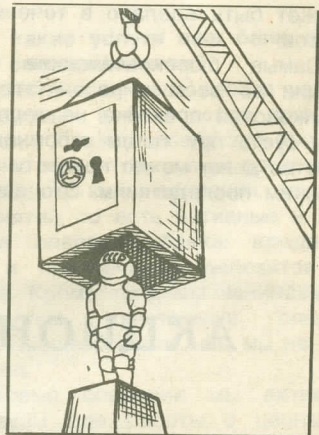
Э. Р.

СЛОВНО ВДОЛЬ ПО ПИТЕРСКОЙ ПРОНЕССЯ НАД ЗЕМЛЕЙ

Газета «Нижегородские новости» сообщила, что в городе Заволжье произведена попытка похитить трехметровый памятник первопроходцу космоса Ю. Гагарину. То ли устыдившись, то ли не сдюжив, злоумышленники оставили бедного Юрия лежать около пьедестала.

Городские власти после этого случая намереваются залить памятник в бетон, дабы у населения не появилось более соблазн стащить шестьдесят килограммов чистой меди, из которой отлит тот, кто сказал: «Поехали!».

Андрей СМЕРНОВ
(СН «Губерния»)

Николай ПОПОВ

НЕТ РАБОТЫ В ЛАГЕРЯХ

В Екатеринбурге безработица докатилась и до эков. В здешних исправительно-трудовых учреждениях оказалось около шести тысяч заключенных, которым абсолютно нечем заняться. Сверхдешевая рабочая сила у предприятий города почему-то не пользуется спросом. А руководители ИТУ тем временем признаются, что «контингент» нечем кормить. Теперь областные власти проводят кампанию по предоставлению льгот тем предприятиям, которые используют «свободное» время заключенных.

Олег ДУЛЕНИН

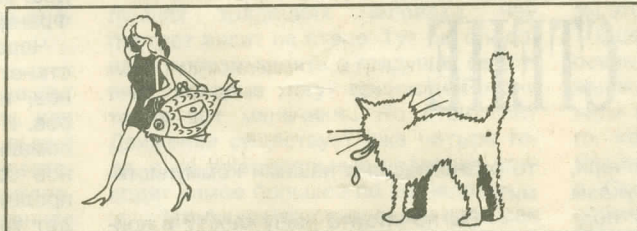
ЛОВИСЬ, РЫБКА, БОЛЬШАЯ И ПУШИСТАЯ

Туфли на «рыбьем меху» — последний писк моды. Прознав про это, в новороссий-

ском рыболовецком колхозе «Черноморец» решили заняться делом, доселе в родном краю невиданным, — здесь идет строительство первого в России цеха по выделке... рыбьих шкур. Оказывается, из шкуры (иначе говоря, из чешуи) того же лосося или горбуши можно делать шикарные туфли, экзотические ремешки, а также сумки и кошельки. Когда данная продукция появится на прилавках, утвердят специалисты, все модницы падают с ног.

А пока цех еще не начал работать, в «Черноморце» заготавливают сырье — складывают лососиньи шкуры в холодильники. Чтоб не пропали.

Дмитрий ЕРМАКОВ

Сергей ТЕПЛЯКОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Недавно со мной произошла ничем не примечательная история.

В парке Горького я встретила своих знакомых. Один из них, компьютерщик, работал в какой-то фирме. Другой (он был с женой) принадлежал к числу молодых предпринимателей, уровня невысокого. В том же парке мы нашли небольшое кафе...

Взяли бутылку «Амаретто», мороженое. Потом еще бутылочку. Жена предпринимателя собиралась стать учительницей, и разговор зашел о школе, о том, как она изменилась за последние годы. Перешли к воспоминаниям, рассказывали всякие забавные истории. Просидели мы около трех часов и расстались очень довольные друг другом. Платили, естественно, кавалеры.

На обратном пути мне в голову пришла ужасная мысль. А что если бы в этот день я случайно встретила со своими милыми, симпатич-

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

ВСЕ БУДЕТ — И КОНЬЯК, И ЦЫГАНЕ...

ными, интеллигентными знакомыми, которые в коммерческие структуры не вписались и зарабатывают немного?

Мы бы решили полчаса посидеть в кафе. Заняли бы столик. Один из ребят сбежал бы в ближайший магазин и купил бы какой-нибудь дешевый алкоголь, разлитый в бутылки из-под минеральной воды. Так как я не пью всякую гадость, я просто сидела бы и смотрела, как напиваются мои собеседники. И ела бы мороженое. Не исключено, что мне же за него и пришлось бы заплатить. О чем бы мы говорили? О том, что все дорожает — и водка, и масло,

и доллар, и носки. Кто-нибудь сказал бы, что носки он недавно купил, и довольно дешевые. И снял бы сапог, чтобы продемонстрировать.

Потом алкоголь бы кончился. Не бежать же снова в магазин! Решили бы отправиться к кому-нибудь в гости. Но ехать в метро, потом трястись в автобусе, по дороге опять покупать липкую сладкую гадость? Зачем? Один вспомнил бы, что у него поллучка только завтра, другой — что еще надо купить картошки. И на этом бы мы беславно расстались.

Эти свои соображения я высказала нескольким зна-

НА МУДРЕЦА — ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

За неимением отечественных специалистов по бизнесу новорожденные российские школы и академии вынуждены прибегать к услугам иностранных преподавателей. Однако компетентность последних порой может вызывать сомнения.

Так, например, в Татарской академии содействия бизнесу трехнедельный курс лекций по менеджменту читал некий «магистр финансов и международной торговли» Дефорст Уильям Полгроув. На проверку магистр оказался отставным моряком-подводником. Он не пожелал примириться с жизнью пенсионера и сменил профессию. Окончил курсы по маркетингу, получил сертификат, а переработав книгу не очень известного в США автора, начал учительствовать в России.

Элла РЫЛОВА

комым. Из той, второй категории. Решительно все признались, что именно так и было бы. Причем признались с глубокой скорбью и заламыванием рук. Более того, действие моего нехитрого рассказа оказалось смертоносным. Пять человек ввали в глубокую депрессию, один — решил срочно поменять профессию. Кроме того, рассказ передавался по цепочке, и общее количество жертв, таким образом, неизвестно.

Можно, конечно, вспомнить классика: «О бедность, бедность, как унижает душу нам она!» Хотя я лично подозреваю, что дело не только в деньгах. Есть какие-то трудноуловимые, но все же реальные причины того, что жизнь, кровь, энергия перетекают... а куда, собственно? Куда-то, наверно, перетекают. Единственный вывод, который я могу сделать из этой истории: шоколадное мороженое очень хорошо идет под «Амаретто».

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

СЕМЕРО В КОМНАТЕ — МЫ И ТРОЦКИЙ. ФОТОГРАФИЕЙ НА БЕЛОЙ СТЕНЕ

— Хороший у тебя почерк, Игорь. Таким почерком указы о расстрелах будешь подписывать.

— (В мою сторону.) Это шутка. На самом деле мы за приход власти мирным путем.

— Все говорят о мирном пути, — заметил Игорь, продолжая заполнять членские билеты. — А потом — море крови и горы костей. Это естественная логика истории. Если на вас лезут с танками, вы же не станете обороняться голыми руками. Тут важно знать, чего вы хотите добиться. Главное не средства, главное — цель.

Со стены на нас смотрел вождь в пенсне, с всклокоченными черными волосами. Мы вошли в эту комнату две минуты назад, зажгли свет, включили обогреватель. Ребята искали чайник. Не нашли, а ведь был, и наверняка его куда-то засунула уборщица. Я устроилась на стуле у стены. Надо мной висели таблицы падения жизненного уровня в капиталистических странах, старательно выполненные водянистым фломастером. В углу — этажерка с сочинениями Ленина и Маркса, а также палки, доски и прочая ерунда, которую клубному завхозу, очевидно, девать было некуда, а выбросить жалко.

Нас было четверо, ожидали еще по крайней мере троих. Игорь кивнул на последний номер газеты:

— Это же оппортунизм чистой воды. Такого не придумал бы даже Каутский. И мы печатаем у себя

оппортунистическую статью.

Парень в шапке-ушанке, для которого предназначались эти слова, развернул на столе «Рабочую демократию» и стал читать статью, ища в ней оппортунизм.

— Подумай, какие из-за этого могут быть последствия. (В мою сторону.) У нас маленький тираж, но это не значит, что мы можем позволять себе ошибки.

— А почему вы не называете себя коммунистами, большевиками, ленинцами, наконец? У вас есть какие-

то разногласия с нашими коммунистами?

— Вы почитайте нашу газету и поймете.

Разница, действительно, есть.

В свое время мне попало в руки несколько номеров журнала «Ком-

Карикатура времен гражданской войны

мунистический Интернационал». На обложке суровый пролетарий рубит цепи, связывающие земной шар. Адрес редакции: «Петроград, Смольный, каб. Г.Зиновьева». Год издания 1919. Один из постоянных авторов — Троцкий. Тот, кто воспитывался на разного рода «историях партии», изданных в восьмидесятые годы, поразится, насколько иной была коммунистическая идеология тогда, в начале революции, как изменилось все — и цели, и мысли, и стиль, и язык.

Очень много холодных книжных абстракций, всякого рода «измов»: социал-реформизм, социал-ревизионизм, тред-юнионизм. Цитаты из Гегеля, Шекспира — революцию делали образованные люди. И иступленный, экзальтированный романтизм людей, которые свято верили, что диктатура пролетариата скоро победит во всем мире и ждать осталось недолго, быть может, год или два. А тогда: «Республика Советской Франции будет несокрушима».

Через шестьдесят пять лет и язык станет попроще, и задачи поскромнее, и никаких тебе мировых пожаров. И про Советскую Францию будут помалкивать, а все больше про мирное сосуществование двух систем. И пролетарий на картинках уже не будет таким зверским, а превратится в симпатичного и безозубого передовика производства. А авторы тех жестокостей, сухих, экзальтированных статей будут поминаться лишь с приложением «предатель», «иудушка», «контрреволюционер», и даже из энциклопедий их имена будут мстительно убраны.

А потом еще лет через пять их идеология неожиданно воскреснет в четырехполосной газете «Рабочая демократия», которую бородатый мужчина будет продавать у музея Ленина. Вот вам цитаты.

«Сегодня рабочее государство не будет изолировано границами такой слаборазвитой страны, как Россия в 1917 году, но охватит, как пламя, развитый мир. Новое общество будет основано на подлинной и добровольной всемирной федерации социалистических государств».

«Так как исчезнут социальные условия (нищета, бездомность, безработица), являющиеся почвой для преступлений, отпадет необходимость в полицейской силе и тюрьмах».

«План производства будет открыто обсуждаться на всех уровнях общества и контролироваться снизу в демократическом порядке».

Эмблема — сжатый кулак на фоне пятиконечной звезды. Именно эта эмблема рядом с портретом Троцкого и висела на стене в маленькой комнате клуба «Красная Пресня», куда

раз в неделю приходят десять—пятнадцать молодых людей.

— Маркс умер в 1883 году, — объясняет мне Игорь. — Ленин — политически — в 1922-м. Троцкий же дожил до второй мировой войны, когда с капитализма, по его выражению, уже второй раз была снята мерка. Мерка для гроба, вы понимаете. Поэтому мы называем себя троцкистами.

— Вы ведете агитацию среди рабочих?

— Да, хотя это трудно. Мы приходим на их собрания или стоим у проходной и раздаем листовки. Я не могу сказать, чтобы против нас активно выступали, — нет. И многие сочувствуют нашей позиции. Но, наверное, думают: «Все это правда, но что я один смогу сделать?» Или просто своими делами заняты. К нам недавно приехал товарищ из Австрии, он был поражен: какой шаг назад сделало за последнее время российское рабочее движение. Раздробленность, отсутствие единой линии. Как во времена Плеханова...

Иногда мне кажется, что вокруг нас происходит парад эпох, как бывает парад планет. На рынке бабка играет на баяне и поет жестокие песни, мальчишки торгуют сигаретами — это, значит, послевоенная разруха. На Красной площади меняется караул у Мавзолея, мальчишки в форме чеканят шаг, иностранцы щелкают фотоаппаратами — спокойный брежневский застой. Зато рядом, в ГУМе, — сияние витрин в валютных отделах, рекламные плакаты фирм. На станции метро нищий кричит: «Покайтесь, скоро будет конец света!» На груди иконка, вокруг толпа, ахают — это вообще из прошлого века.

Каждой эпохе отведен свой участок, они взаимодействуют, общаются, можно переходить из одной в другую. Вот так и я, зайдя в клуб «Красная Пресня», оказалась среди этих людей, для которых Плеханов, Каутский, Радек, какой-то Отто Бауэр, а также человек с фотографии на стене — и есть реальность. А всякие ельцины, черномырдины, гайдары — лишь бледные тени, которые скоро сметет со своего пути История.

— Сколько человек в вашем движении?

— Это внутрипартийная тайна.

— Кто ваш лидер?

— Это тоже тайна.

— Игорь, — вы мне говорили, что вы инженер. Почему лично вы решили стать троцкистом и бороться за диктатуру рабочих?

— В Доме книги на Калининском я купил книгу Троцкого «Преданная революция» и понял его правоту. Кстати, вот вам парадокс истории: буржуаз-

ный Дом книги продает сочинения Троцкого на свою голову.

— Я тоже инженер и работаю на заводе, — вступает в разговор мужчина лет 35, интеллигентный, с добрыми глазами. — Мне больно смотреть на то, что там творится. Квалифицированные рабочие на первоклассных станках изготавливают каркасы для коммерческих ларьков. Скоро могут начаться массовые увольнения. Вы считаете, что это — прогресс?

— Поймите, — добавляет молодой человек в очках. — Все, что существует, рано или поздно должно умереть — это закон природы. Если есть капитализм, значит, когда-нибудь он должен исчезнуть. После этого либо наступит хаос и конец цивилизации, либо появится новое справедливое общество. И я, как нормальный человек, должен бороться за это общество. Если для этого требуется пролить кровь — я ее пролью.

О крови вообще говорили много. В лучших традициях человека, чей портрет висит на стене. Тут бы следовало поразмышлять о грядущих бедствиях, которые могут принести России такие вот мальчишки... Но стоит ли? Движение существует уже четыре года, а на еженедельные собрания приходят самое большее по 20 человек.

— Чтобы зарегистрировать себя как партию, нам не хватает сторонников. Нас немного, конечно. Зато — молодежь. А у Анпилова: половина — седые, половина — лысые.

— Вы, я вижу, с Анпиловым не ладите.

— Они за возврат к бюрократической сталинской системе. Прочитайте «Преданную революцию», там все объяснено.

— Я распространяю нашу газету у музея Ленина, — добавляет один из вновь пришедших. — Рядом продают «День», «Советскую Россию», «Молнию», их сторонники разводят агитацию. Приходится, естественно, спорить. Недавно подошли двое парней. Один — из «Русского национального собора», другой — русский фашист. У него так на рукаве и написано — «Русский фашист». Поинтересовались, кто я такой. Я объяснил нашу позицию. Они говорят: «Мы этого не понимаем. Мы понимаем Стерлигова — он за народ. А если вы победите, вы позовете со всего мира евреев и станете делить Россию». Хотя в нашем движении ни одного еврея нет...

Зато в движении есть англичанин. Он устанавливает братские связи с российским троцкистским движением.

Иностранцы, говоря, напрягшись и почитав Достоевского, способны понять, что такое русская душа. Но понять загадочную, иррациональную и полную тайн душу западного человека действительно невозможно. Англичанин

Роберт приехал из своей милой страны специально для того, чтобы в хороших ботинках, хороших джинсах и хорошей кожаной куртке, придающей ему явное сходство с отечественным коммерсантом, сидеть в захлащенной комнате маленького клуба и слушать доклад Игоря о какой-то написанной шестьдесят лет назад статье их общего кумира. При этом ему еще холодно было, бедняге, он устроился далеко от обогревателя и весь вечер, съевшись, молчал. Но, когда я сказала, что на Западе коммунистические идеи вроде бы утратили привлекательность, он тут же включился и заявил, что мы совершенно неправильно представляем западную жизнь и что в этом году в Дании 700 тысяч пенсионеров едва не умерли от голода и холода.

Говорил он по-русски, но с сильным акцентом. И поэтому я не разобрала и с ужасом переспросила: «Умерли?» «Нет, — вежливо объяснил он. — Но у них увеличилась вероятность угрозы этой смерти».

Еще мне объяснили, что наступила осень капитализма и что даже сейчас мы живем лучше, чем Запад. Напомнили слова Зиновьева (нового, не того, который редактировал «Коммунистический Интернационал») о том, что в Советском Союзе в брежневские времена он был гораздо свободнее, чем сейчас. Потом Игорь читал доклад по статье Троцкого, добавляя свои комментарии.

Я сидела сбоку от него, видела его четкий профиль и страницы блокнота, исписанные действительно хорошим, ясным почерком.

Вот действительно — родился человек не в свое время. В девятнадцатом году он выступал бы на митинге перед тысячами рабочих. И призывал бы их думать не о средствах, а о великой цели. А сейчас — шестеро слушателей плюс я плюс портрет вождя на стене. И пластмассовый дед-мороз на столе, зеленый, пустой внутри. В таких дедах-морозах детям дарят конфеты на новогодних елках.

А может быть, наоборот, как раз в свое время он и родился? Потому что иначе году в тридцатом его бы непременно арестовали. А в тридцать седьмом — во второй раз, и уже окончательно. А так — окончит он сейчас доклад, да и отправятся все потихоньку по домам — мимо киосков со «сникерсами», ликерами, духами «Чарли» и прочими дарами угасающего буржуазного общества.

Напоследок я спросила у Роберта:

— Может ли сейчас в Великобритании произойти социалистическая революция?

— Вполне возможно, — ответил он с мягким английским акцентом.

На этом мы и разошлись.

Не знаю, как вы, а я свое пребывание в рядах ВЛКСМ вспоминаю часто. Славное было времечко, такое, знаете ли, романтичное: «Мои адреса телефонные разбросаны по городам», Че Гевара — Виктор Хара, конференции-резолуции, стройотряды, безалкогольные свадьбы, румянец во всю щеку, портвейн «Агдам»... Куда, куда вы удалились, златые дни? Замучила ностальгия — и я решил совершить небольшой променад по местам комсомольской юности...

Вот бывший Фрунзенский райком. Много лет назад, в бытность мою научным сотрудником Государственного музея выдающегося писателя-патриота всех времен и народов, орденосца Николая Алексеевича Островского, состоял я здесь на учете. Взносы платил как положено.

Итак, зашел. И попал в старые добрые времена. Попал в Союз молодежи «Тверской». Меня принял первый секретарь Андрей Владимирович Родченков. Оказывается, на последнем съезде ВЛКСМ было принято историческое (эпохальное?) решение об учреждении Российского союза молодежи. Ну а где искать кадры? Других кузниц руководящих работников, помимо партии и комсомола, в этой стране за последние семьдесят лет не было. И кого ни копни — все оттуда. Только кто-то, как болван, отрещивается от своего прошлого, а кто-то — нет. Андрей Владимирович не отрещивается. Он начал работать в райкоме — тогда еще коммунистическом — в 1988 году. В 1990 стал первым секретарем. Потом переквалифицировался маленько... О райкоме. В штате — восемнадцать человек. Зарплата у первого — пятнадцать «штук». У инструкторов — семь, пять с половиной. Споры нет, деньги смешные. Но кто сказал, что в этой жизни деньги хоть что-то решают? Все решает связи, положение в обществе... А связи у комсомольцев всегда были неплохие. Видимо, поэтому платит ныне Союз молодежи «Тверской» за аренду своего роскошного особняка в центре Москвы 250 тысяч рублей. В... год. Хорошая сумма. Замечательная. Правда, не буду кривить душой, и дела тут делаются хорошие. Бывшие комсомольцы помогают ветеранам войны. Проводят, как и раньше, в благолепные годы, соревнования на призы клубов «Кожаный мяч», «Золотая шайба»... Поди ж ты!

А больше всего меня поразило то, что до сих пор функционируют «первички», т.е. первичные организации на предприятиях. Есть «первички» и у «Тверского». Например, в МАДИ, в фирме «Инпрестрой», в «Главмосархитектуре»... Чудеса да и только.

Что же касается финансирования,

Евгений СТЕПАНОВ

БУДУ ВЕЧНО МОЛОДЫМ, ИЛИ НЕ РАССТАНУСЬ С КОМСОМОЛОМ

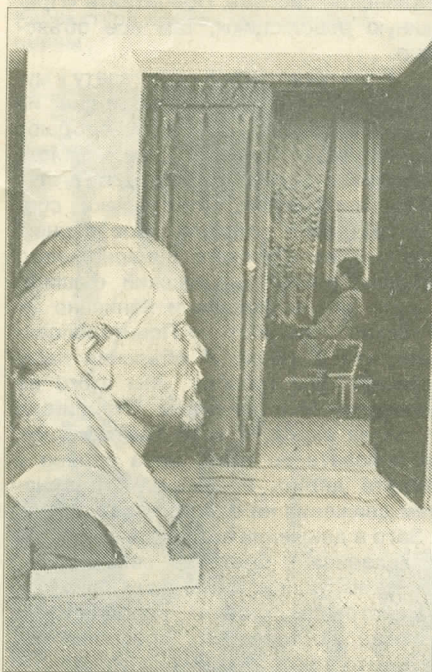

Фото В.Курохина

то здесь все ясно: союз «Тверской» живет за счет дочерних коммерческих структур. Вот, например, фирма «Транссервис». Располагается в том же особняке. И кадры там тоже такие знакомые, такие комсомольские...

Бывший Перовский райком ВЛКСМ. С этим заведением у меня были когда-то просто нежные отношения. Мой приятель, видный комсомолец, зав каким-то отделом Сашка Пашук надумал однажды помочь мне с выпуском книжечки стихотворных переводов. Я тогда перевел стихи Рембо и Германа Гессе. Сашка стишки в целом одобрил, но в частности осуждающе заметил: «Старик, неужели Рембо тоже стишки сочиняет? Он же вымышленный герой! А то, что ты переводишь фашистского преступника Гесса, — это, извини, грубая политическая ошибка». Может быть, мой приятель шутил. Но вот когда дело дошло до типографии — тут уже даже намек на шутку не было. Весь скромный тираж арестовали. Я потом даже очень гордился. И требовал, чтобы меня считали вторым Гроссманом...

Увы, не нашел я в этом здании бывшего приятеля. Да и никакого Союза молодежи там нет, сплошные муниципальные учреждения.

Не пахнет комсомолом в бывшем Волгоградском райкоме, где меня когда-то в торжественной обстановке принимали в ряды юных строителей коммунизма. Комсомолом не пахнет, а вот коммерческими организациями пахнет. Да еще и как! На последнем этаже бывшего райкома висит скромненькая вывеска — «Многопрофильный концерн «Гермес», клиринговое агентство по продаже контрактов «Черное золото»...

Не нашел я Союза молодежи и в здании бывшего Бауманского райкома (ныне это райсовет). Но пока искал комсомольцев, нашел многое другое. Там на первом этаже есть указатель — где что находится. На первом, втором, пятом этажах — райсовет. А что на третьем и четвертом — неизвестно. Я поднялся именно на эти этажи. Охранник грозно спросил: «Куда? Ваши документы!» Ответил, как учил меня много лет назад мой журналистский учитель Саша Перов (ныне главный редактор «Коммерсанта»): «Лицо — это мой документ». Почему-то пропустили. Видимо, Перов и охранника этого тоже учил. Оказалось: на этаже находятся фирмы «Клишин и партнеры», «Контакт», какие-то еще организации. Спустился на этаж ниже. Три комнаты на этаже занимает Фонд демократии и стабильности. Директор фонда — Андрей Михайлович Максимов — пригласил к себе в кабинет. Рассказал, что распоряжением

бывшего мэра Москвы, добрячка Г.Х.Попова, это помещение передано оргкомитету Движения демократических реформ. Затем на базе одного движения образовались два других: Межгосударственное движение демократических реформ (оно здесь занимает почти весь этаж) и Российское движение демократических реформ. А у Фонда демократии и стабильности, посетовал Максимов, только три комнаты. Тесновато. Создан фонд рядом крупных промышленных, торговых, финансовых организаций. Частных, что интересно. И предназначен для финансирования демократически ориентированных политических партий.

«Каких именно партий?» — полюбопытствовал я. И получил замечательный ответ: «Условно говоря, от Попова до Вольского...»

Вопросов больше не имея, проследовал дальше по этажу. Теперь меня принял уже руководитель пресс-службы Межгосударственного движения демократических реформ Юрий Христович Михайлов. Спросил я у него: «Чем же конкретным вы занимаетесь?» «Многим, — ответил, — вот, например, недавно провели «круглый стол» под названием «Об общих принципах урегулирования межнациональных конфликтов». Приняли декларацию. Раз правительства не могут решить национальные конфликты, значит, мы должны».

Ну, дай-то Бог.

В бывшем Таганском райкоме на стене прочитал бессмертную фразу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Ну и картинки там красивые. Жизнерадостные, целеустремленные красноармейцы в буденовках. Правда, пришел я поздно. Представителей Молодежного союза не застал, а вот сотрудники производственно-коммерческой фирмы «Люмин» работают. Им положено — капиталисты. Пашут день и ночь.

Поговорили они со мной охотно и прямодушно. (Вообще, работать в России журналистом — дело несложное. Никто от тебя ничего не скрывает, даже удостоверение спрашивают крайне редко.)

Поинтересовался: «У вас частная фирма?»

— Частная, конечно.

— Арендуете помещение?

— Мы на субаренде. Здание принадлежит Госкомимуществу, но мы добиваемся, чтобы оно было выделено непосредственно нам.

— Простите, но ведь субаренда, кажется, запрещена?

— Правильно, поэтому мы и обратились в Госкомимущество.

Парировать нечем.

На следующий день познакомился с

председателем Таганского молодежного союза Инной Николаевной Третьяковой.

«Занимаемся мы в основном учащейся молодежью, — рассказала товарищ Третьякова, — с подростками занимаемся. Но работать все труднее и труднее. Раньше, когда работала инструктором райкома комсомола (и прошла путь от инструктора до секретаря), я приходила в райсовет и мне всегда помогали. Даже три года назад. Сейчас все по-прежнему одобряют наши дела, но помогать не хотят. Правда, есть спонсоры».

Ну куда же сейчас без спонсоров! У Таганского молодежного союза в спонсорах числится объединение «Партнер» (оно размещается в этом же здании, и именно райком учредил эту организацию несколько лет назад.)

За аренду помещения Таганский молодежный союз не платит ни копейки. Выкладывает денежки «Партнер». Хотя настоящий арендатор — центр «Молодежная творческая мастерская», который тоже ничего не платит. Повествуя об этом, Инна Николаевна не смеялась. Да и я не хохотал.

В приемной территориального управления «Мещанское» (это здание бывшего Дзержинского райкома) самая приметная личность — секретарша. Она мне простодушно сообщила, что помимо Северо-восточной префектуры, «Мещанского» и Дзержинского райсовета здесь также находятся и коммерческие структуры, например, фирма «Герман».

И еще много посетил я бывших райкомов. Везде та же ситуация. Везде — коммерческие структуры, союзы молодежи, политические центры...

Ну а потом я отважился заглянуть и в святая святых бывшего ВЛКСМ — в ЦК. С ЦК у меня тоже связано немало забавных и радостных воспоминаний. Когда-то при военно-патриотическом отделе (кажется, так он назывался) и Всесоюзной ассоциации воинов-интернационалистов выпускал я газету «Резерв». Впрочем, «выпускал» — громко сказано. Вышел только один номер. Да, планы были грандиозные, мой товарищ и сосед председатель Ассоциации г-н Запертов говорил мне: «Потерпи, Женька, будет у тебя настоящая редакция, с машинами и вертолетами...»

«Это что же, фронтная газета будет?» — испуганно спрашивал я. А Запертов только улыбался. В общем, половину первого и единственного номера «набил» я стихами и стихотворными переводами одного единственного автора. Какого — вы, конечно, понимаете. И разразился маленький скандалчик. Куратор газеты, добрейший Василий Георгиевич

Криворотенко (он был тогда замом начальника отдела ЦК), получил кучу выговоров, прикинулся больным и долго не показывался на работе. Высокые руководители намеревались «разобраться» и со мной, но я вовремя смылся из Москвы.

И вот спустя много лет я снова в здании военно-патриотического отдела ЦК. Дверь дубовая, вахтер. Меня — как прессу — пропустили. Но, увы, не нашел я там Васи Криворотенко, заступника моего дорогого. Размещается тут теперь Российский общественно-политический центр, образованный указом аж самого президента.

Последний пункт путешествия — главное здание бывшего ЦК ВЛКСМ. Теперь это ЦК Российского Союза Молодежи. Вывески «ЦК ВЛКСМ» больше нет, но портрет Ильича на входе сохранился.

Принял меня первый секретарь ЦК Вячеслав Лощевский. Говорили мы часа два о том о сем. Лощевский — симпатичный тридцатидвухлетний человек. В юности занимался строительными отрядами, считает это лучшим временем в своей жизни.

Признался: «Деньги комсомольские на местах уже кончились, но союзы молодежи создаются во многих регионах, число членов растет».

Да, мощь у ЦК, конечно, не такая, как прежде. Многие «меньшие братья» (БММТ «Спутник», издательский комплекс «Молодая гвардия») либо уже отделились, либо хотят жить своим умом. Но собственность есть. РСМ является учредителем «Молодежной газеты», гостиницы «Юность», имеет дом отдыха «Елочка». Думаю, много еще чего имеет.

Под занавес путешествия положение выдать какое-никакое резюме, чтобы читателю все стало ясно и понятно. Но как прикажете резюмировать, если самому корреспонденту абсолютно ничего не ясно и ничего не понятно? Какая-то каша: молодежные союзы, кожаные мячи, ритуальные пляски вокруг «артековского» костра, мэры, префектуры, коммерсанты, первые секретари — все смешалось в доме Облонских, то бишь в домах комсомольских. Я, наверное, с заданием не справился: так и не понял, где, в конце концов, заканчивается ВЛКСМ и где начинается РСМ, где РСМ перетекает в коммерческие структуры, какое отношение глава столичной администрации может иметь к политическим движениям, а политические движения — к городской собственности. И наконец — кто же ловит рыбку в этой мутной водичке? Тайна сия велика есть. И пусть с ней потомки-историки разбираются.

ВСЕ ЛЮБЯТ СКАЗКИ

Замучила тема «Богатых, которые плачут». Даже ленивые журналисты прошли уже по этому бедняге-фильму разящим юмором, сокрушительным презрением и банальным разоблачением, что, впрочем, не только не трудно, но уже и журналистский штамп. А почему, собственно?

Да, примитивно, да, кино без режиссуры. Ну и что? Смотрят-то почему, почему такой взрыв эмоций? И, простите, люди отнюдь не дикие, не темные, а вполне интеллигентные, начитанные и неглупые.

Я думаю, просто все это. Есть сказки для детей, есть сказки для взрослых. Вернее, не так. Наверное, точнее было бы сказать — есть сказки. Кто не любит сказок? Все любим. И наш сериал — сказка.

Что мы ищем там? Благородство. Победу добра над злом. Похоже, так бывает теперь только в сказках. Но ведь люди устроены нормально, и если даже они прожили жизнь в ненормальном мире, это совсем не значит, что утеряны все здоровые инстинкты.

Пройдет мода на секс, эротику, несчастные эти меньшинства, пройдет иллюзия, будто помоечная мораль утвердилась и все позволено. Много чего пройдет. А благородство, добро и чистота не пройдут никогда, потому что хотя бы, что любому, даже очень эмансипированному и модернизированному, человеку до судорог хочется доброты, благородства и человечности.

Посмотрите, как благородны герои сериала! Они, может быть, сусально благородны, с большим перехлестом, но ведь на то и сказка. Посмотрите, какие злодейские злодеи те, кто не благородны!

Я мало видела серий, но мама, и родственники, и знакомые так горячо обсуждали по телефону эту чужую, постороннюю, совершенно их не касающуюся жизнь, что я невольно прониклась уважением к этому кино без кино.

Нет, совсем все не просто с этим фильмом.

Что же, значит, семидесятилетняя жизнь за колючей проволокой, павлики морозовы, аполитичность, которая подразумевала под собою безнравственность, вся забитость и убогость нашей жизни ничуть не замутила в людях главного? Значит, они продолжают все правильно понимать? Точно определять, кто есть кто и что есть что? И волнует их и притягивает не зверство, не жестокость, не насилие. Разве этого мало?

Сказка ложь, да в ней намек. Добрым молодцам урок. В добрых молодцах, слава Богу, нужды никогда не было. Нынешние добрые молодцы, такие современные, такие интеллектуальные, такие ироничные, глубоко презирают люд, что намертво припечатался к страстям Марианны. Ну так всенародно и всепечатно презирают, так глумятся, так самовыражаются! Бедные, бедные. Им бы хоть раз в жизни в трамвае место

уступить — не инвалиду — а просто другому. В дверях его, другого, не толкнуть. Кусок хлеба подать, накормить кого-нибудь — не прилюдно, а так, чтоб незаметно. Женам своим что-нибудь простить, детей потерять. Или это доблесть — бросать детей и бегать от алиментов?

Может, потому именно пострадавшие наши простодушные женщины рыдают, видя, как счастливый отец берет сына? Может, потому обмирают мужчины, что знают — Марианна не бежит по любовникам, а настойчиво, твердо и бесстрашно приучает к себе сына?

О, сказки! Хорошо, что хоть они не были отобраны у нашего детства. Иначе, может быть, окончательно бы озверели.

Проще всего смеяться над убогим деревенским дурачком. А он ведь юродивый. Он такое знает! Что и не снилось нашим мудрецам.

С. ДАВИДОВА

Москва

СОЦИАЛИЗМ С ЛИЦОМ ПОКОЙНИКА

Мавзолей! «Главный гроб страны» по А. Митрофанову в последнем за прошлый год номере «Столицы». Гроб, да еще главный — лучше не скажешь. Он перед глазами с детства, тиражированный миллионами фотографий и картинок. Десятилетиями перед истлевающим трупом, что внутри, мы ликовали, смеялись, демонстрировали физкультурные упражнения, потрысали цветами и снопами колосьев, плясали на ходу лезгинку и «лявониху»... И все это регулярно, два раза в год до самого недавнего времени. Десятилетиями этот труп попирали ногами вожди всех поколений. Махали народу ручками, демонстрируя себя, а потом в полном соответствии с языческими законами сами уходили на заклание, на расстрел, в лагерь, в небытие. А может, поделом? Не топчите труп, не ликуйте, стоя на покойнике!

Что вы скажете, увидев проходимца, стоящего, переминаясь с ноги на ногу, на родной для вас могиле? Где, в какой стране это возможно — превратить захоронение в трибуну? Чтобы октябрю, топоча ножками, с цветами в руках весело бежали по лежащему внутри покойнику к тем, кто наверху, пока еще живым? Насколько извращенный мозг надо иметь, чтобы придумать обряд — посещение мавзолей! Ильич! Отец родной! А вы бы хотели, чтобы ваш настоящий родной отец или дедушка лежал вот так, открытым? Чтобы вы при случае под настроение могли показать его друзьям-приятелям: вот, мол, это батя мой, что-то сдал он, лет десять назад вроде лучше был... Уверен, любой содрогнется от одной мысли, что такое возможно. А в мавзоле — хоть бы что! Вроде так и надо.

Для меня же мавзолей всегда был символом социализма, не с человеческим лицом, а с лицом покойника.

Р. БЫЗОВ

Респ. Коми, пос. Жешарт

НЕ ХОДИТЕ ТУДА, ГДЕ ГРЯЗНО!

Россия родила таких гениев музыки, как Чайковский, Глинка, Римский-Корсаков, Рубинштейн, Рахманинов... Много еще можно перечислять. Но это вчера. А сегодня? А сегодня у нас «гениев» и «звезд» вообще не перечесть. По их количеству мы трижды перегоним Америку, даже несмотря на то, что их президент играет на саксофоне, а наш и на трубе не может. Не перестаю удивляться убожеству этих «гениев», когда смотрю телевизор и слушаю радио (у меня профессия такая — пенсионерка: стирай, убирай, готовь и смотри себе и слушай).

«Мы ведем беседу со звездой эстрады композитором, поэтом и исполнителем Сергеем Бездариным. Сережа, сколько тебе лет? (Почему «тебе», а не «вам»?)

— Я не люблю говорить о возрасте.
— А дети у тебя есть?
— Девочка и мальчик.
— А кто твоя жена?
— У меня жены нет. Я живу со своей женщиной. (А что, еще и с чужой можно?)

И этих «сереж» миллионы. Песни у них «хороши» — под стать им самим. Текста всего две строчки, но поют их до-о-лго. Я уже и белье постирала, а очередной «гений» все долдонит. А музыка? Клянусь, на любую «новую» мелодию нового композитора я могу спеть слова вчерашней песни другого композитора.

Но больше всего раздражает, когда телевидение показывает, как эти «композиторы, поэты и исполнители» купечески гуляют. Извините, празднуют что-то. Боже, они же не умеют ни одеваться, ни сидеть за столом, ни танцевать, ни беседовать! Впрочем, это неудивительно. Удивляет другое. То, что на эти пиры во время чумы приходит и почтенная публика, настоящие, уважаемые всеми актеры, режиссеры. Неужели (простите) пожрать на халяву хочется?

Когда-то давно я слышала беседу с одним дипломатом об этикете. Он объяснял, среди прочего, что на приеме, в рестораны дама должна приходиться с маленькой сумочкой и класть ее на пол возле своего кресла. «А если там грязно?» — воскликнула одна из участниц беседы. «Где грязно, туда не ходите», — ответил дипломат.

Я и представить себе не могу, чтобы на очередной купеческий телеразгул заглянул выпить бокал шампанского Дмитрий Лихачев или Виктор Астафьев. Прошу и других настоящих мастеров, которые нет-нет да и появятся на «гулянке»: не смешивайтесь с пеной, не ходите туда, где грязно!

С. ДОЛГОВА

Москва

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОСУЩЕСТВЛЯЕТ ВЕСЬ КОМПЛЕКС УСЛУГ, СВЯЗАННЫЙ С
ПОКУПКОЙ-ПРОДАЖЕЙ ЦЕННЫХ БУМАГ И ВЫПЛАТОЙ ДОХОДОВ

С 1 ЯНВАРЯ 1993 ГОДА
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РОССИИ ВЫПУСКАЕТ
ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ - СЕРТИФИКАТЫ
(достоинством 5.000, 10.000, 50.000 и 100.000 рублей)

Сертификат Сбербанка России -
ЭТО НАДЕЖНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ ДЕНЕГ.
Государство гарантирует полную сохранность денежных средств.
вверенных Сбербанку России.

Сертификат Сбербанка России -
ЭТО ВЫСОКАЯ ДОХОДНОСТЬ.
Фиксированная процентная ставка за первый год хранения
средств на сертификатах Сбербанка России
установлена в размере - 65%.

Процентная ставка, начисляемая по сертификатам,
периодически будет индексироваться в зависимости
от состояния финансового рынка.
Одновременно учреждения Сбербанка России предоставляют
услуги по хранению сертификатов,
а также принимают сертификаты в обеспечение
при выдаче ссуд владельцу.

ПО ЖЕЛАНИЮ
ВЛАДЕЛЬЦА
В ЛЮБОЕ ВРЕМЯ
СЕРТИФИКАТЫ
БУДУТ ПРИНЯТЫ К ОПЛАТЕ УЧРЕЖДЕНИЯМИ СБЕРБАНКА
ПО ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИИ
(при этом не потребуется документ,
удостоверяющий личность владельца).

**СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ
БАНК**
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ —
ЕДИНСТВЕННЫЙ АКЦИОНЕРНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ
БАНК РОССИИ, ГДЕ СОХРАННОСТЬ СРЕДСТВ ВКЛАДЧИКОВ
ГАРАНТИРУЕТСЯ ГОСУДАРСТВОМ

С 1 ЯНВАРЯ 1993 г.
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РОССИИ
ВВЕЛ НОВЫЕ УСЛОВИЯ ПРИЕМА,
ХРАНЕНИЯ И ВЫПЛАТЫ ДОХОДОВ
ПО СРОЧНЫМ ВКЛАДАМ:

Принимаются на срок не менее 1 года

Размер и максимальный
срок хранения не ограничены

Доход — 60%

Доход начисляется не только
на сумму вклада, но и
на проценты, причисляемые
к остатку вклада в конце года

Новые условия распространяются на все
срочные вклады, внесенные до 1 января 1993 года,
как на определенный, так и на ограниченный срок,
а также на все действующие специальные
счета, на которые зачислялись суммы компенсации
в связи с Указом Президента СССР от 22 марта 1991 г.

**ОДНОВРЕМЕННО ПОВЫШЕН ДОХОД
ПО ЦЕЛЕВОМУ ВКЛАДУ
НА ДЕТЕЙ — 80%**

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК РОССИИ ПРЕДЛАГАЕТ НОВЫЙ ВИД ВКЛАДА

СРОЧНЫЙ ДЕПОЗИТ

Срочный депозит
принимается на срок
3 месяца, 6 месяцев и 1 год

На 1993 год процентная ставка составляет:

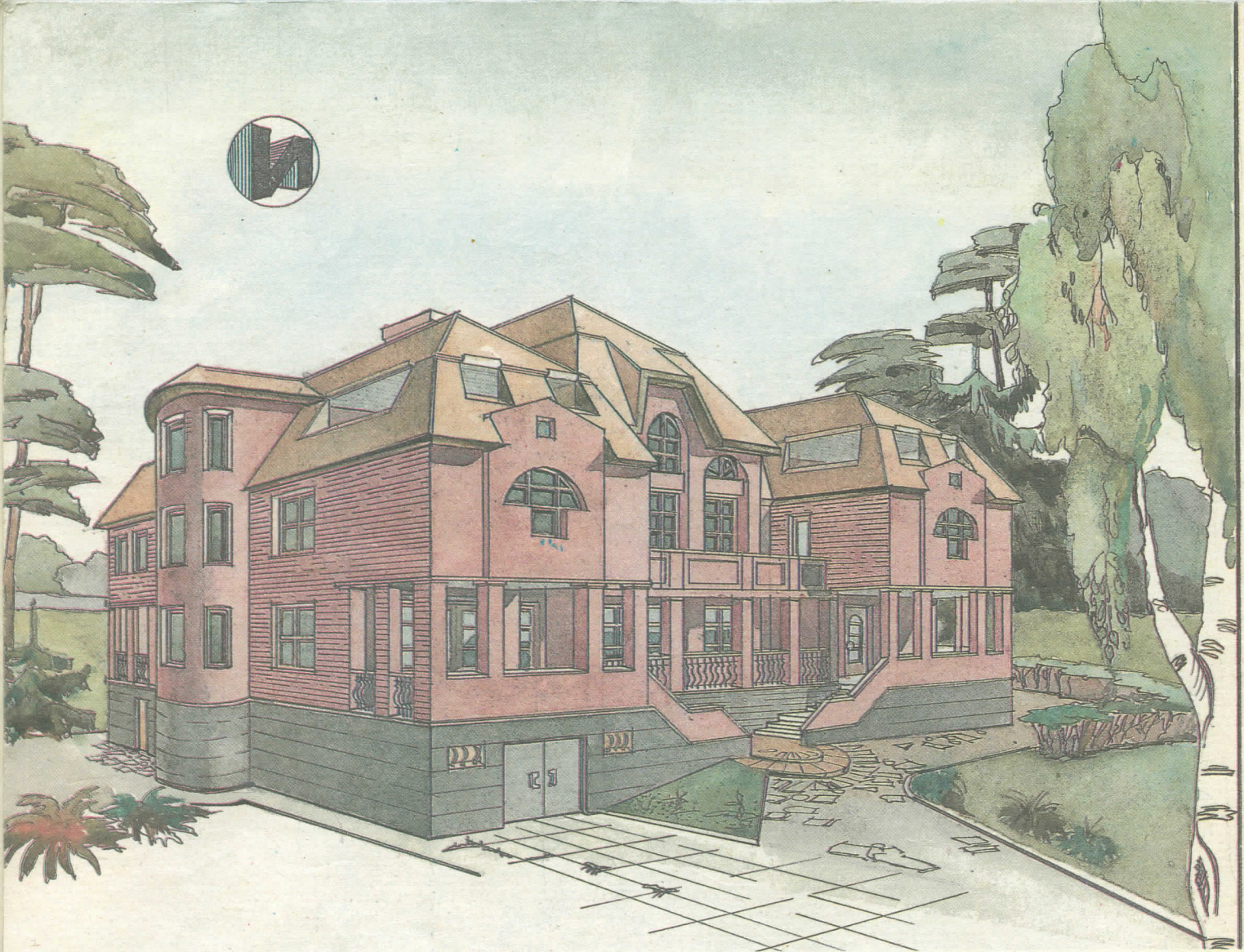
НА СРОК 3 И 6 МЕСЯЦЕВ --
80% ГОДОВЫХ

НА СРОК 1 ГОД -- 90% ГОДОВЫХ

Минимальный размер
срочного депозита --
100 тысяч рублей

Более подробную информацию
Вы сможете получить в ближайшем
отделении Сбербанка

БУДЬТЕ КАК ВСЕ – КУПИТЕ СЕБЕ ЗАГОРОДНУЮ ВИЛЛУ!

Жить лучше за городом. Особенно если удобства и комфортность Вашего загородного дома превосходят городскую квартиру. Приятно после работы подкатить к своему загородному дому, переодеться в домашнюю одежду, окунуться в теплый бассейн, поужинать в уютном каминном зале и посидеть с любимой книгой в библиотеке или зимнем саду.

Это не картинка из западной жизни. Такие дома строит сейчас в Подмосковье НПО «Интекс». Мы беседуем с его директором кандидатом технических наук, лауреатом Государственной премии Михаилом Харитом.

— Мы знаем, что «Интекс» может не только строить, но и предоставлять землю под строительство. Говорят, при этом для вас не являются запретными самые престижные районы ближнего Подмосковья — Жуковка, Барвиха, Раздоры, Николаина Гора, Уборы.

— Действительно, у нас есть «земельная группа», которая подберет вам по вкусу участок от 15 до 60 соток в любезном вам районе ближнего Подмосковья и оформит покупку всего за два дня. Сейчас при выборе района клиенты обращают особое внимание на экологию, и наиболее выигрышными по этому показателю являются участки по Успенскому, Рублевскому и Ильинскому шоссе, где традиционно находились дачи советского истеблишмента. А Николину Гору сейчас даже называют «московским Беверли-Хилсом». Помимо хорошей экологии там очень элитарное соседство. Если пожелаете, то через забор будете по утрам здороваться с... Если же клиент желает жить чуть дальше от Москвы, мы сейчас можем предоставить удивительные по красоте земельные участки в районе Звенигорода: сосновый бор, берег озера, чистый, пьянящий воздух.

— Итак, земля у клиента есть. Теперь надо выбрать, что на ней построить. Что вы можете предложить?

— У нас есть каталог, содержащий более сорока разработанных проектов на любой вкус и почти любой кошелек (начиная от пятнадцати миллионов). Самый маленький дом — размером 9х9 м, самый большой (пока) — 25х25 м. Двух-, трехэтажные, с двухсветными гостиными, с зимними садами, бассейнами, каминными залами, гаражами и прочими атрибутами комфортной жизни, — эти дома могут быть выполнены как в строгом европейском стиле, так и в стиле старинных замков, готическом или стиле русского барокко. Если же ни один из разработанных проектов не удовлетворяет ваш изысканный вкус и вы можете сформулировать свои пожелания, то квалифицированные архитекторы разработают для вас индивидуальный проект.

Заодно с проектом виллы по каталогам сотрудничающих с нами известных западных фирм можно выбрать отделочные материалы, обои, сантехнику, отопительные котлы, электроарматуру и светильники. Например, одна из итальянских фирм поставляет нам бронированные двери, отделанные деревом, окна с металлическими жалюзи, внутренние деревянные лестницы и перила. При желании вы можете иметь полностью импортную внутреннюю отделку.

— Наконец выбор сделан и мож-

но приступать к работе. С чего начинается строительство?

Для того чтобы дом простоял долго, а не накренился через пару лет, проводятся инженерно-геологические изыскания: бурятся 6-метровые скважины, определяется состав грунтов, их прочностные и деформационные характеристики. Геодезисты «привяжут» будущий дом на местности, и стройплощадка готова к началу собственно строительных работ.

Сначала завезут стройматериалы, проблем с которыми, кстати, мы никогда не испытываем. При этом практикуем такую схему организации работ, при которой закупка, поставка и складирование стройматериалов на участке заказчика производятся сразу. Это удобно не только нам, но и заказчику, деньги которого сберегаются от инфляции...

— При нынешних ее темпах для заказчика немаловажны сроки строительства. Как быстро можно построить такой дом?

— Само возведение дома «под крышу» занимает 5—6 месяцев, затем, в течение одного-двух месяцев, будут подведены газ и тепло (или установлены индивидуальные обогревательные котлы), московский телефон и вода (возможна установка системы полного автономного водоснабжения с насосной станцией), полностью закончена внутренняя отделка. Ландшафтные архитекторы (пока еще экзотически звучащая специальность) создадут на вашем участке микро-рельеф, придающий ему неповторимость и некий шарм. В саду появятся арочные мостики, скрытые под кронами экзотических растений. Вокруг участка вырастет элегантный забор с системой охранной сигнализации (включая телекамеры). При вашем на то желании подберут садовников, оранжировщиков, горничных. Вам остается лишь окончательно рассчитаться и застраховать свою «крепость», что, кстати, тоже можно сделать с нашей помощью.

— Известно, что на Западе при любом серьезном строительстве между заказчиком и подрядчиком существует третья сторона — банк, выступающий для заказчика гарантом выполнения строительной фирмой оговоренных объемов работ с необходимым качеством и в установленные сроки, а для подрядчика — гарантом платежеспособности клиента. Применяется ли подобная практика у нас?

— Я думаю, что мы первыми в России начали действовать по аналогичной схеме. При желании клиента у нас таким гарантом выступает крупная страховая компания. Конечно, и

Директор НПО «Интекс» Михаил Харит

мы и заказчик платим компании определенную страховую сумму, за которую заказчик имеет гарантию того, что ему построят дом в оговоренные сроки, а мы — гарантию того, что в случае неплатежеспособности клиента страховая компания профинансирует доведение строительства до конца.

— Знакомый, строящий у вас дом, заглянув на стройплощадку поздним вечером, был просто поражен, застав там работающую при свете прожектора бригаду. До того он был убежден, что таких рабочих просто не бывает. Где вы их набрали?

— Я готов согласиться с тем, что кроме как у нас таких рабочих действительно не бывает, и такие кадры — наша гордость. Конечно, пришли мы к этому не сразу, отсев за годы работы был большой, но в результате мы смогли вплотную подойти к европейскому уровню качества строительства. Большинство наших рабочих с одним, а то и с двумя высшими образованиями, каждый универсален. Кстати, вся строительная техника — наша собственная, и нам ничего не приходится арендовать на стороне.

— Вы говорили мне как-то, что сами не ожидали, что у нас столько богатых граждан. Но, видимо, еще не все из них построили себе загородный дом с помощью объединения «Интекс». Как стать вашим заказчиком?

— Связаться с нами можно по телефонам 180-85-98 и 180-61-42. Мы сохраняем полную анонимность клиента, не разглашаем место строительства и не используем выстроенные объекты для рекламы.

Беседовал Вадим КАНТОР

Эдуард ДОРОЖКИН

О БЕДНОМ ПОТОМКЕ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО...

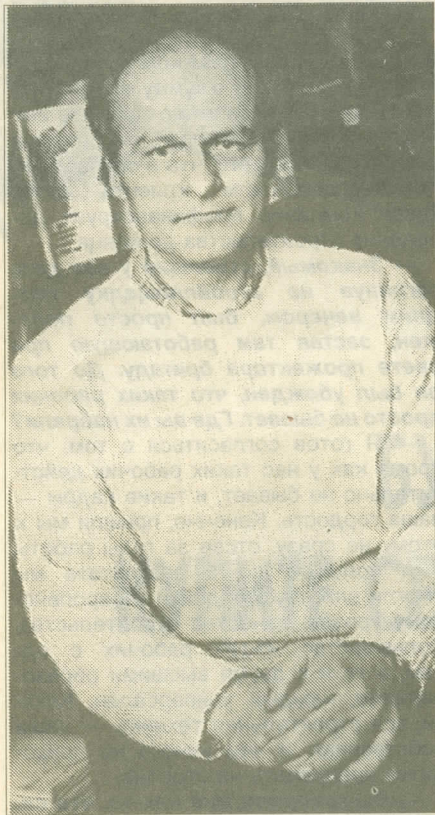

Фото В.Шишова

Заголовок моему герою не понравится. Он — мой герой — рассказывать о своих трудностях не любит, чего-то просить — для него высшее наказание. Он очень гордый. И голова поднята всегда высоко. Не то что у знаменитого предка, который стоит перед кинотеатром «Россия».

К потомкам публика относится плохо. Виною тому — многочисленные дети Ширвиндта и Газманова, заполонившие телевизионный экран. Даже талант отцов меркнет на их фоне. А что уж говорить о номенклатурных потомках? Это — правнучка Брежнева, это — дочка Галича, а это — ой!.. — сын посла в Зимбабве. И охватывает меня не священный трепет, а жгучая ненависть — уж простите. Но выяснилось — у разных людей и потомки разные. У великих — великие. У мелких — мелкие.

Прапраправнук поэта Александра Пушкина любит красивую речь. Он — Андрей Александрович Кологривов — выражается так: «Чем могу быть вам полезен?», «Видите ли...», «Знаете ли...». Напоминает немного эмигрантов из числа «больших» дворян.

Рассказывать историю Андрея Кологривова можно очень долго, в ней много неожиданностей, много поворотов. Больше несложившегося, неудавшегося, чем получившегося и обрадовавшего. Иногда в таких случаях констатируют: «Не сложилась жизнь, не сложилась». Но что-то мне мешает выставить подобный диагноз. Что?

Мы многое вычеркнули из нашей жизни, многое не допустили в нее, кругозор наш сужен до предела. И, стоя в очереди за поблекшим листом капусты, мы уже не помним, что Пушкин сжег десятую главу «Евгения Онегина», а Гоголь и вовсе второй том «Мертвых душ». Мы не можем предположить, что впереди или, быть может, за нами в той же очереди за капустой стоит человек, в жилах которого течет благородная российская кровь. Андрей Кологривов в очередях стоит. Но он — из тех людей, которым капустного листа обычно не достается. Последний забирает предстоящий Пронькин.

А как хорошо все начиналось! Дочка Пушкина Наталья, выйдя замуж за принца Насауского, уехала за границу. А у Александра Александровича Пушкина — сына поэта — было аж тринадцать детей. Тринадцать внуков и внучек великого поэта. Причем внучка Мария была замужем за племянником Гоголя, так что четверть всех нынешних потомков Александра Сергеевича одновременно являются и родственниками Николая Васильевича.

Единственный сейчас человек, который получил фамилию Пушкин законным путем, — это Григорий Григорьевич Пушкин. Остальные — Пушкины не совсем настоящие. Дело в том, что к моменту начала Великой Отечественной войны у некоторых потомков Пушкина была фамилия Геринг, звучавшая очень непатриотично. И многие обратились в правительство с просьбой поменять фамилию. Коли-

чество Пушкиных резко увеличилось.

История же Андрея Александровича такова. Александр Александрович Пушкин командовал во время русско-турецкой войны полком, участвовавшим в том числе и в знаменитой битве на Шипке. В том же полку служил Павел Аркадьевич Воронцов-Вельяминов, который после окончания кампании взял в жены старшую дочь своего командира. Вскоре они переехали в Белоруссию. Там родилась бабушка Андрея Александровича — Софья Павловна. Личность, как я мог заключить из рассказов внука, легендарная.

У Софьи Павловны в доме висел портрет Пушкина, того самого. Ничего удивительного, если речь идет о потомках великого поэта, в этом нет. Но с портретом этим связана интереснейшая история.

Во время гражданской войны в небольшом белорусском городке власти менялись часто, чуть ли не каждый день. То белые, то красные, то немцы, то поляки, а то и просто бандиты. А на центральной улице стояли рядом два дома — Воронцовых-Вельяминовых и профессора Вольфсона, который впоследствии был упомянут в «Архипелаге ГУЛАГ» — «умирающий профессор Вольфсон». Но и в те годы жизнь у профессора была не из легких. Кто приходит — от того и прячутся. Поначалу занимавший меньшевистские позиции, Вольфсон превратился внезапно в большевика. И Софья Павловна, когда приходили «красные», пряталась в доме профессора. Когда «белые» — все было наоборот. Но в один прекрасный день пришли бойцы совсем уж непонятной идеологической ориентации — дом бедного Вольфсона был разгромлен и разграблен подчистую. Сам профессор уцелел чудом, вовремя спрятавшись в доме Воронцовых.

Когда же все успокоилось, Вольфсон с Софьей Павловной явились на пепелище. Печально оглядевшись по сторонам, погорелец сказал: «Софья Павловна, вы спасли мне жизнь. Возьмите что-нибудь на память». Софья Павловна предложением этим даже оскорбилась. Но Вольфсон настаивал, и в результате долгих поисков из руин был извлечен этот самый портрет Пушкина.

С жизнью мужа Софьи Павловны связана история еще более грустная. Будучи офицером царской армии, он до последней возможности сражался с гнусными совдепами. Но жизнь повернула по-своему, и в результате нескольких пертурбаций он попал в Лондон, где тут же получил предложение работать в престижной военной академии. С негодованием отвергнув это предложение, «антисоветчик» начал

обдумывать план возвращения на родину. Внимательно покопавшись в военно-морских архивах, он обнаружил, что еще со времен первой мировой войны англичане задокументировали в России два военных корабля. Было даже устроено судебное разбирательство. И, к несчастью, правое дело восторжествовало.

Забрав на борт всех желающих возвратиться в Россию, отважный офицер уверенно повел корабли к советским берегам. Туманным... Сразу по прибытии вся команда была арестована и отправлена по лагерям. Далее судьба честного деда похожа на пунктирную линию. То выпустят, то посадят. И так до тридцати восьмого года. До расстрела.

Все последующие события происходили исключительно по-советски. Когда началась коллективизация, Софья Павловна с превеликим трудом перебралась в Москву. Так что отец Андрея Александровича родился уже в первопрестольной. Воспитывался — вместе с братом — в «образцово-показательном» детском доме, поскольку московская прописка была только у Софьи Павловны.

Некоторое улучшение в жизни Пушкиных наступило, как ни странно, в 1937 году, когда отмечалось столетие со дня смерти Пушкина. Была даже образована специальная комиссия при Совете Министров СССР, которая с каким-то особенным рвением занялась выяснением судьбы потомков поэта. В результате «выяснения» многим из них — вот уж воистину время контрастов! — была оказана серьезная материальная помощь. Но куда важнее была поддержка другого рода. В то время еще действовала статья Конституции, запрещающая детям «эксплуататорских классов» поступать в высшие учебные заведения. Специальным распоряжением Совмина для потомков Пушкина было сделано исключение.

В пятидесятном году семья «потомков» переехала на Новопесчаную улицу, и здесь жизнь снова потекла по классическим советским образцам — детский сад, средняя школа, районная поликлиника и районная же библиотека. Затем — новый переезд. Дед по материнской линии — заслуженный врач России — получил квартиру в высотном доме у Красных ворот. И тут случилось для потомка великого русского поэта, как писали в школьных учебниках, нечто не совсем обычное.

Андрей Кологривов полюбил физику. Произошло это не в одночасье, но логики соединения физика с лириком я все равно понять не могу. Ну, положим, был бы другом моей семьи автор учебников по астрономии и многих научно-популярных изданий Борис

Александрович Воронцов-Вельяминов (пусть даже и родственник), ну, положим, слушал бы я с интересом его рассказы о далекой планете Сатурн. Но чтобы выйти во двор и с помощью различных самодельных устройств разглядывать звездное небо — нет уж, увольте. Не хватает мне этого поэтического размаха, не хватает сил увлечься чем-то (сложным — !) раз и навсегда. Нет у меня этого желания во что бы то ни стало проникать в природу вещей. А Андрей Александрович поступил именно так.

А там — покатило. Андрей Александрович любит рассказывать про то, как он поступал в физико-математический кружок при Московском университете. Тогда из четырехсот претендентов было отобрано всего шестнадцать человек. И Андрей Кологривов был в их числе. Повод для гордости? Безусловно. После окончания Московского энергетического института (не понимаю, почему не МГУ), где потомок Пушкина учился на кафедре с очень сложным — из соображений секретности — названием, был знаменитый ФИАН (Физический институт Академии наук), погружение в проблемы мощных лазеров и термоядерного синтеза.

Но все хорошо не бывает. Кандидатскую диссертацию Кологривова «пустили» с трудом. Научный же «успех» присваивался другими. Но особенно обидно стало Андрею Александровичу в момент, когда Государственную премию в области науки и техники вручали высокому начальнику за работу, проведению которой тот всячески препятствовал. Академик этот здравствует и по сей день. Считается в определенных кругах серьезным авторитетом по части термоядерного синтеза. А Андрей Александрович...

Андрей Александрович — безработный. Мы относимся к безработице как к чему-то очень неблизкому. Очень отстраненно относимся. И вот сидит передо мной человек — умный, милый человек, — который не может сказать: «Я опаздываю на работу» или «Не пойду на работу — голова разболелась». Работы — нет. Возможно — будет. Сейчас Андрей Александрович — ученик. Учится не то что бы на слесаря, а на... электромонтера. Будет заниматься ремонтом электрооборудования на заводах. Действительно — дело прибыльное. Как каретники — в пушкинские времена.

Интересовал меня и такой вопрос — имя Пушкина вредило или помогло? Оказывается, вредило. И последней своей работы Андрей Александрович лишился из-за «порочной» связи. Хотя формально его просто «сократили».

А дело было так. Решил как-то

Александр Рущкой устроить прием для потомков Пушкина, проявить свое «человеческое лицо». Пригласили и Кологривова. Это уже там, у подъезда, выяснилось, что «вы в списках не значитесь», а с работы отпрашивался «к Рущкому». И появился после этого в отношениях с начальством какой-то холлодок, в том смысле, что «вот Рущкой тебе и поможет». Да так и не помог.

И одет сейчас Андрей Александрович даже на фоне нашей привычной нищеты небогато. И вид у него, прямо скажем, не самый радостный. Но, черт возьми, не гаснет надежда, не гаснет. Надеется Андрей Александрович, что, быть может, появится что-нибудь «в пушкинском плане». Например, возмут работать в музей — исследовать или экскурсии второклассников водить. Или Всероссийское пушкинское общество поможет. Возглавляет его, кстати, некто Александр Сергеевич Пушкин. Контр-адмирал. Единственное «но» — во время «раскулачивания» пропали все документы. Так что подтвердить ему знатное родство нечем. Но это уж я от себя говорю. Сам Андрей Александрович свято уверен в том, что если говорит — «потомок», значит, так оно и есть.

«Когда становится совсем тяжело, когда разом обостряются все вопросы, мысль о том, что ты — потомок Пушкина, начинает согревать. Жить становится намного легче. Вроде бы не казанская сирота на этой земле» — в этих словах весь Андрей Александрович. Я первый раз в жизни встретил человека, который, говоря о тьмечке земного, суетного, следует этому принципу во всем. То есть не просто декларирует его, а живет им.

А вот в «интеллигентских» вкусах своих Андрей Александрович типичен. Теперь телевизор не смотрит. (Да есть ли он у него?), а раньше нравилось «Пятое колесо». Газеты? Сейчас слыхом дороги. А так — «Независимая», «Куранты», «Московские новости». Традиционный, в общем-то, набор. А вот книги — необыкновенные. Приложение к журналу «Вопросы философии». Философские, значит.

В Дворянское собрание Андрей Александрович вступать не хочет. Отталкивают религиозная нетерпимость, сермяжность, внутренние склоки. Нравится же Общественный совет потомков героев 1812 года. «Организация, которая не ввязывается в политику». А от политики Андрей Кологривов очень далеко. Впрочем, это, наверное, генетическое, от великого предка доставшееся...

...Параллельно выяснилось и другое — оказывается, мы с Андреем Александровичем родились в одном и том же доме. Имени Грауэрмана, на Новом Арбате. Пустячок, а приятно.

Если вы зашли в кафе в самом центре столицы, а вас внезапно взял за шкуру невеста откуда взявшийся омоновец... Если вы вышли из дому и не успели позавтракать, а вчера получили гонорар и потому позволили себе отобедать в небольшом кафе, а там — омоновцы... Если вы от рождения носаты, и с утра небриты, и только угнездились за столиком кафе, как откуда ни возьмись ОМОН настойчивым мигом за воротник приставил вас к стене, и по карманам у вас стремительно шарят чужие руки...

Так вот, в случае всего вышеперечисленного стойте тихо, не дергайтесь, не поминайте права человека и не пеняйте на свое сходство с приезжими из Закавказья. Созерцайте собственные ладони и исключите сопротивление из каждой мышцы своей — не так поймут. Учтите: идет война. А вы случайно оказались в театре, хоть не покупали билета. В театре военных действий. И вам еще предстоит рассказывать и вспоминать, как вы были статистом в драме, масштабы и смысл которой постичь не всякому дано. Пусть правоведа спорят, есть ли у нас вместе с наркоманией еще и наркомафия и наркобизнес. Театр уж полон.

Место действия

Хозяина кафе, квадратного старика с лохматыми брежневскими бровями, зовут Надыр. В Москве он уж скоро как 35 лет, здесь родились и работают его дети. Дочь закончила институт, сын — техник, оба уважаемые люди. И Надыр — человек уважаемый. В кафе, взятом лишь год назад в аренду, с капиталистической скоростью крутятся девицы в белых ха-

от светло-коричневой до темной. Огий курят, а раствор его колют, им пропитывают бинты.

В этом кафе можно купить и опий. Но чаще — «стекло». Это ампулы синтезированного наркотического вещества, большие или маленькие. В маленьких размещается и редкая пока еще контрабанда. Но и без нее можно прожить. На рынке всегда есть опийный раствор и сырец — черные, похожие на пластилин комочки. Макаковая соломка в ассортименте (в нес-

Ксения КЛИМОВА

Эдуард КУДРЯВИЦКИЙ (фото)

МАКОВАЯ СОЛОМКА В АССОРТИМЕНТЕ

латах и истекают пахучим жиром крутобедрые куры в гриле. У Надыра дорого, но вкусно. Кофе варят в песке на раскаленной жаровне, и кто не знает адреса этой точки, найдет ее за квартал по запаху. Рядом — ГУМ, рядом — банки и офисы, рядом — стоянка для автомобилей. С посетителями проблем нет. Народ тих и солиден, коньяк и ликер составляют карту спиртного.

Обстановка кафе незатейливая. Кроме гриля, кофеварки да трех рядов столиков интерьер дополняет скусающий милиционер с дубинкой. На его силы никто не рассчитывает. В случае если за столиком задержится подбирающий объедки нищий, девушки в халатах грозятся позвать «ребят». Но зовут редко — на хлебник исчезает, уложив в желудок, как в чемодан, остатки непрожеванной курицы.

И все чинно, неторопливо, повосточному. Зачем шуметь, слушай? Какой, говоришь, тимьяк? Какая султыга?

Огий — он же тимьяк, опиуха, карахан, султыга, химканка, симплек. Представляет собой твердые бесформенные комки, таблетки или жидкость, имеющую характерный запах. Цвет комков от темно-коричневого до черного, жидкости —

кольких вариантах). Марихуана, гашиш.

Не так давно, когда умелец из химического вуза синтезировал у себя на кухне нечто, имеющее трехступенчатое название и убойную наркотическую силу, рынок слегка трянуло. Расплодись такие умельцы — вмиг наводнят прилавки дешевой продукцией. Ведь мысль на месте не стоит, и то, что существовало только в ампулах, глядишь, явится в более удобных таблетках. Прогресс!

Умельца задержали при первой же попытке пробиться за прилавок — молодой и неопытен. А опытные занимают, между тем, свои нагретые места. Да и где он, мистический прилавок? А везде — в кафе, на рынках, на стихийных толкучках у конечных станций метро, в подворотнях. А конкретно и в этом кафе — у стены, за столиком справа от входа в служебное помещение. Под стенкой и располагается главный ряд столиков — биржевой, торговый. Никто здесь на еду не отвлекается, перед деловыми людьми скромно стынет чашка кофе или чая и тоскует надломанная шоколадка.

Время от времени, как тать из ночи, в дверях на кухню появляется Надыр и коротко шевелит бровями в сторону теплой компании земляков, присевшей за ближний столик. Это зна-

чит, что ему надоело. И тогда главный в команде — статный красавец в черной дубленке — встанет и выйдет, засунув руки в карманы, на крыльцо, вроде бы приглядеть за новенькой машиной. В остальное время он может не вставать и не выходить. Может вообще не совершать никаких активных действий. Потому что он, торговец наркотиками (на жаргоне — барыга), товар в руки не берет.

Товара здесь и нет. Как правило, ампулы, мешочки, сверточки, упаковочки хранятся где-нибудь поблизости. В водосточной трубе, подворотне, на стройке, в доме под снос или ремонт, коих достаточно в любом квартале в центре. Пришли покупатели, послали своего, узнали почем. Сидят, курят, тянут кофеек или коньячок. Деньги мелькнули и исчезли в кармане черной дубленки или в куртке близсидящего юноши. Опять сидят, курят, что-то обсуждают, встают и подходят к грилю, покупают сигареты. В броуновском движении людей по тесному зальцу и не усмотришь, кто именно отправился в ту самую подворотню, когда именно прибыл товар. Помощник быстро смотался в укромное местечко, принес, передал, и все довольны. А к Надыру — со всем уважением.

Так длится рабочий день мирных барыг. Компании их формируются по

принципу землячеств. Там, где обосновались посланцы древней Гянджи, нечего делать нахичеванцам и бакинцам. Гянджа, похоже, утратив имя Кировабада, утратила и треть мужского населения. Те, кто не торгует, воюют. Эти предпочли откупиться от войны. Летом приезжал человек из родных мест, собирал с каждого по 3 тысячи на войну. В месяц. Какова ставка сейчас — неизвестно, наверное, и война подорожала. Впрочем, это не так важно для барыг — опиий стоит от 2 до 2,5 тысячи за 1 грамм. Ампула — 5,5—6 тысяч. У оптовиков покупают дешевле, получая навар в 1—2 тысячи с каждой ампулы. Покупателей иногда «кидают» — ампулы расплавляют, наливают в них водичку и опять запаивают. Самое интересное, что, вколов такой псевдоуспокоитель, наркоман в первые минуты ощущает подлинный кайф. Привычка действует.

Время действия

В час, когда мамы тащат в детсады упирающихся сонных малышей, в час, когда старушки выпускают погулять через форточки кошек, мужчинам или пора на работу, или плохо после вчерашнего, в сумрачный сырой час

собак, автофургонов и промерзлых луж из пункта А в пункты Б, В и Г выехали три машины. Остальные торчали в трех последних пунктах с ночи.

На переднем сиденье вымытых до неприличия «Жигулей» двое спортивно и неярко одетых мужчин. На вопрос, куда едем, отвечают загадочно: в адрес. И все время поют — какое-то попури из клена опавшего, калены красной, коней, которые хотят пить, и юбочки из плюша. В антрактах между песнями объясняют, почему так много осужденных за хранение наркотиков и так мало за сбыт — сбытика не просто поймать «на кармане». Попутно уточняют, что гашиш, упомянутый в романе Александра Дюма, и банальная анаша — одно и то же.

Гашиш, синоним анаши. Он же опиетки, план, дурь, чернушка. Сырая или высушенная порошкообразная масса или бесформенные комки, спрессованные в плитки, шарики, таблетки с характерным запахом. Получают гашиш из любых видов и сортов конопля путем специальной обработки, отделения, измельчения и просеивания. Цвет — от светло-зеленого до коричневого. Способ употребления — курение.

И потому сидеть бы в наше время графу Монте-Кристо за хранение, а может быть, и за сбыт — он же пред-

лагал попробовать юному своему другу гашиш, не говоря уже о любезной Гайде. А это, между прочим, до 15 лет с конфискацией. Вот бы накрылись все его сокровища. И — попутно — фантазируем, что неплохо бы часть сокровищ пустить на повышение зарплаты оперуполномоченным, которые по долгу службы обязаны рисковать жизнью, а плата за риск пока очень отстаёт от средней полочки среднего графа. Заодно следует обмен новостями, кого недавно и чем ткнули в грудь (хорошо если кулаком). И кто вытащил собравшегося сбегать противника через лобовое стекло автомобиля, предварительно просадив это стекло рукой за неимением в тот момент другого оружия.

Стоп. «Скинем номера». В три минуты государственная машина теряет опознавательные знаки таковой и превращается в частную. И дальше путь наш лежит на Запад, на скучную улочку, застроенную пятиэтажками. Загадочный «адрес» оказывается просто двумя окошками, сквозь занавески, которых пробивается неяркий свет. Проснувшись, заговорила рация и сообщила, что подопечные встали, но выходить вроде не собираются. Здесь они живут, барыги. Те самые, что работают в кафе у Надыра. Те самые, которых презирает каждый уважающий себя вор. Потому что бизнес их считается грязным.

Мотор глохнет, «Жигули» замирают под прикрытием мусорного контейнера, и, поглядывая на заветные окошки, двое мужчин рассказывают о том, как рядом с торговлей наркотиками всегда тусуется торговля оружием, грабеж и бандитизм. Деньги на товар достать надо? А охранять товар надо? А разборки между конкурирующими фирмами носят характер

боевых операций. А потом преступность удаляется в туманные сферы бизнеса, где идет отмывание добытых барыгами денег, создаются малые и совместные предприятия. Можно назвать какие.

С виду промысел на ампулах и порошках выглядит чуть ли не синекурой. И никто из схваченных за руку не признает себя преступником. «Разве людей убиваю?» И попробуй ему доказать, что убивает. А главное, попробуй схватить за руку.

Застигнутые с поличным тут же скрываются больными. Орут, чтоб не трогали, падают в обморок. Во время приватной беседы один закатил глаза и рухнул на лист протокола. Поскольку такую штуку он выкидывал не впервые, разозленный лейтенант сгреб его в охапку и подкинул в воздух, а руки убрал — не падать же на пол! «Большой» и встал на ноги. Вторично закатывать глаза не стал, расхотелось. Сел перед собеседником, подался к нему гибким телом и жарко зашептал: «Слушай, ну ты скажи — сколько? Ну, понимаешь, сколько тебе надо, сколько?» Интересно, сколько стоил тот самый протокол?

Расслабившись, мои спутники философствуют о законе. Закон суров и двоякоостр. Припоминают, как некая оперативная группа целую ночь торчала с автоматами под дверями одной интересной квартиры, где, по некоторым данным, сошлись и товар, и купцы. А может, не сошлись — и потому группа ждала санкции прокурора на обыск. На рассвете произошел обмен взглядами между членами группы и обитателями квартиры, выглянувшими из дверей. В оставшийся до прибытия санкции час постояльцы спустили весь компромат в унитаз, а соратника, числившегося во всео-

юзном розыске, наоборот, подняли по веревке на крышу, откуда он и утек, миновав три подъезда. Визит опергруппы в квартиру ничего в их судьбе не изменил.

Я бы услышала и другие занимательные истории, но тем временем рация порекомендовала не спать, потому что клиенты собрались выходить на свежий воздух. Они и в самом деле вышли, кутаясь в обязательные дубленки. И неспешно потекли к метро. За что в машине их назвали жадиными — зарабатывать по 25—30 тысяч в день и ездить на метро, это, знаете ли...

Из пунктов Б, В и Г, расположенных в разных частях города, разные люди, пешком и в автомобилях, следовали за покинутыми места ночлега «клиентами» до места их работы. Заходили вслед за ними на рынки и в магазины, поджидали у дверей, терялись в толпе на эскалаторе. Угадать их и не думай — трижды знакомого капитана милиции не узнать под дурацкой вязаной шапочкой нестерпимо зеленого цвета. Переговаривались в эфире между собой и с центром. К середине дня все три группы оказались на подходах к кафе. «Клен опавший» и «юбочка из плюша» зазвучали в машине оперативников с удвоенным энтузиазмом.

Действие

— 809-й, я 812-й. Мои на месте.

— А мои, кажется, в ГУМ потащились. У них там знакомая в секции.

— Что, с ума сошли? Ты им намекни: пускай сидят. Пора начинать, век их тут ждать, что ли!.. Ты в дом отдыха завтра поедешь?

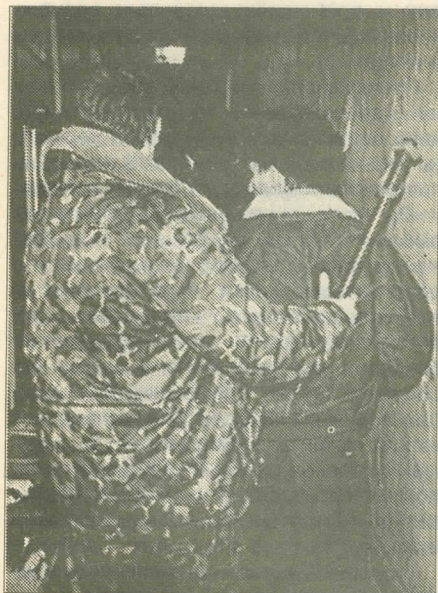
— Все, сосредоточились, ОМОН пошел.

Сказать, что ОМОН «пошел», все равно что про ураган — «появился». Двое корреспондентов рысью влетели в двери кафе, а половина посетителей уже стояла, прижав руки к рифленой обшивке стенки. Последний вбежавший омоновец ловко изымал из-за стола очередную жертву. И это в центре. И это — среди бела дня.

От коротких приказов «стоять, стоять» замерли, кажется, и куры в гриле. Девушки быстро смотались на кухню. В уголке двое вьетнамцев с наслаждением наблюдали развитие событий. Но через минуту они скромно исчезли со сцены.

Действие перенеслось в узкий коридор и подсобки кафе. Мизансцена та же: 20 человек с тоскливым выражением созерцают стенку под присмотром омоновцев. Оперативники методично обшаривают столики, стулья, карманы и «визитки».

И тут на сцене появляется новое

Плоды представляют собой округлые орешки размером в 1,5—2 миллиметра. Марихуану курят.

Коробок обнаружился на крышке мусорного ящика в коридоре кафе. Из чьего кармана он был выкинут или не выкинут, а оставлен здесь ждуть хозяина — доподлинно установить невозможно. Шум с его появлением поднялся страшный. Коммерческий директор кафе требовал: представителей закона (они были здесь), корреспондентов (тоже присутствовали) и кого-нибудь из комитета ООН по правам человека (этих только и не хватало). Чтобы все убедились, как ему дело шьют. Невозмутимый оперуполномоченный писал протокол изъятия, поглядывая на коробок. Омониторы чутко поглядывали в сторону задержанных и помахивали наручниками, как собаки хвостами.

Не успели отправить на Петровку один коробок, как на сцену выступил второй. Он издевательски торчал из-за дверной рамы проема, через который можно попасть в зал. Крики возобновились.

— Кто здесь курил? Маша, ты курила?

— Что вы, у меня зажигалка.

После подробного допроса всех курящих и предъявления личных спичек и зажигалок коробок был извлечен из укромного местечка.

Он оказался пуст.

Операция как-то выдохлась, затормозилась. К тому же основных действующих лиц на омониторском автобусе свезли в ближайшее отделение милиции, где они приветствова-

действующее лицо — коробок. Обычный коробок из-под спичек, с содержанием стоимостью 500—700 рублей. Потому что содержимое, зеленые засушенные цветочки, носят мелодичное название — марихуана.

Марихуана. Жаргонные термины — травка, дурь, план, клевер, сено, божья травка, Мэри Джейн, грас, нот, хей, виит. Представляет собой сырую либо высушенную растительную массу с цветами, плодами и листьями неизмельченными либо измельченными, содержащими тетрагидроканнабинол. Цвет растительной массы от светло-зеленого до коричневого.

ли вставанием случайно заглянувшего в комнату начальника. Только аплодисментов не хватало. А через час все задержанные стали потихоньку возвращаться на свои рабочие места, восстанавливать на столиках привычный репертуар из кофе и шоколадки и, посмеиваясь, продолжать свою невидную работу. Им реклама ни к чему. При осмотре ни у кого из них ничего порочащего не нашли. В милиции сверили соответствие физиономии и фотографии в паспорте, переписали всех и отпустили с миром. За навес?

Мораль

В эпоху мрачного средневековья у актеров, отыгравших перед почтеннейшей публикой щемящую драму, был обычай, взявшись за руки, подходить к краю сцены и всем вместе читать нечто вроде назидания: не кури дурь, план, траву — козленочком будешь. Гениальный писатель сказал, что у каждого века есть свое средневековье, и у твоего тоже. И у нашего.

И так все достаточно сурово — и денег нет, и детей никто не хочет рожать, и до дома можно не каждый день добираться в целости и сохранности. Зачем же нам еще карахан и султуга?

— Если всех наркоманов пересажать (а их в Москве несколько сот тысяч, целый город — и залетных, и местных), то никаких лагерей не хватит, — читает мораль подоспевший милицейский начальник. — Брать надо тех, кто сбывает и продает. Будем считать сегодняшнюю операцию профилактической — подразогнали немного, чтоб не курили внаглую, на крыльце. Но не без пользы прошло. Кое-что мы узнали. Что — не скажу.

Кулисы

В каждом театре есть еще и кулисы. В них прячется то, чего нельзя увидеть на сцене, и этого, всякого, гораздо больше, чем может быть представлено в одной отдельной драме. Что же извлечь на свет божий? Исколотые руки наркоманов? Надоели, знаете. Больницы, врачи, государственные программы, визиты дружественных делегаций и поездки в другие страны для изучения проблемы — какая тоска.

За кулисами осталась женщина с ничего не выражающим взглядом. Ни мыслей никаких, ни чувств, ни слов. Ее сын был наркоманом. Был, потому что, отбиваясь в очередной раз от него, полубезумного, она нанесла удар. И убила собственного сына.

Алексей МИТРОФАНОВ

«ЩЕКОТУНЧИК» В КАРМАНЕ «АГЕНТА»

Я иду по улице, вдруг какой-то злодей выхватывает мой «дипломат» и убегает. Но я не пытаюсь его догонять. Я достаю из кармана пальто маленькую коробочку, нажимаю на кнопчку — и злодей уже лежит на асфальте, «дипломат» — рядом, и бегают по нему голубые искорки. У меня, конечно, нет такого «дипломата». Но у кого-то, наверное, есть.

«**К**огда здесь на посту стоит Милицанер, // Ему до Внукова простор весь открывается...»*

И хочется сравнить его с городовым. А современную охоту на бандитов — с той, что была лет сто назад.

Сравнить — возможно. Недавно наш тезка — издательство «Столица» — выпустило книгу воспоминаний «бывшего начальника Московской сыскальной полиции и заведующего всем уголовным розыском Империи Аркадия Кошко «Очерки уголовного мира царской России». В ней любопытные детективные истории перебиваются описаниями сыскального аппарата.

«При каждом Московском полицейском участке состоял надзиратель сыскальной полиции, имевший под своим началом 3—4 постоянных агентов и целую сеть агентов-осведомителей, вербовавшихся по преимуществу из разнообразных слоев населения данного полицейского района... Агенты и осве-

домители служили по вольному найму и по своему общественному положению представляли весьма пеструю картину: извозчики, дворники, горничные, приказчики, чиновники, телефонистки, актеры, журналисты, кокотки и др. Некоторые из них получали определенное жалованье, большинство же вознаграждалось хлопотами полиции по подысканию им какой-нибудь казенной или частной службы. К этому прибавлялись даровые билеты в театры, по железным дорогам и т.п. Такого способа вознаграждения приходилось волей-неволей держаться в целях эконо-

мии — применение его давало возможность значительно увеличивать кадры агентов».

Прочитавший эту книгу вряд ли станет идеализировать то время — и при царе люди не только ходили в церковь, не только пили чай с медом и не только поздравляли друг друга с праздниками.

«В числе осведомителей, помнится была и старшая барышня с телефонной станции — весьма ценный агент, — довольствовавшаяся театральными и железнодорожными билетами, коробками конфет и духами; был и неизвестный исполнитель цыганских романсов, вечно вращавшийся в театральном мире; было и два метрдотеля из ресторанов, наблюдавших за кутящей публикой, и агент из бюро похоронных процессий, и служащие из Казенной Палаты, Главного Почтамта и пр».

Уголовный розыск, в принципе, не изменился — те же тайные агенты, та же экономия средств, тот же цинизм преступлений. Единственное, что усовершенствовалось до неузнаваемости, — это техническая оснащенность.

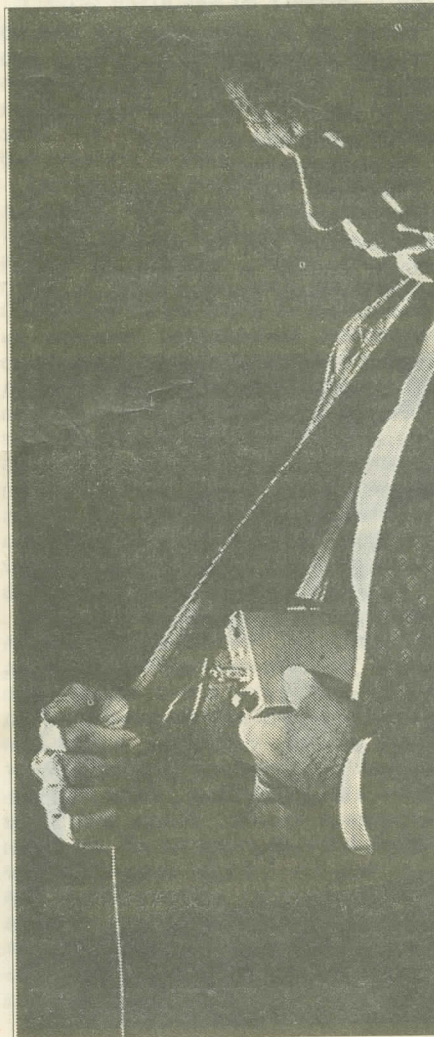
«...У нас имелись и антропометрические приспособления, и дактилоскопические регистраторы, и целый фотографический кабинет с архивом... Если прибавить к этому, что при сыскальной полиции имелись и собственный парикмахер, и собственный гример, и обширнейший гардероб всевозможнейшего форменного, штатского и дамского платья, то читатель получит, быть может, хотя бы некоторое понятие и представление о серьезном техническом оборудовании розыскального аппарата времен Империи».

Эти, на сегодняшний взгляд, примитивные вещи были гордостью сыска. Дактилоскопии (определению личности по отпечаткам пальцев) посвящена в той книге целая глава. А антропометрией (замерами тела) пользовались для «раскалывания» преступников:

Один из сотрудников «с шумом придвигал особую платформочку, на цинковой доске которой виднелся черный рисунок следа, куда ставилась нога, подлежащая измерению; потрясал в воздухе огромным циркулем, служащим для измерений объема черепа; для большего эффекта у него имелся и предлинный нож, который он натачивал тут же бруском...

...Схватив циркуль, подходил к жертве. — А ну-ка, что это ухо слышало?! — и он мерил ухо. — А где здесь точка? — и он ножку циркуля прикладывал к выпуклой части лобной кости. — А что, доктор, — обращался он к какому-нибудь агенту, — глаза выворачивать будем?

— А то как же! — отвечал «доктор». Тут часто нервы жертвы не выдерживали...»

* Из стихотворения Д.А.Пригова.

Зная, что сотрудники Уголовного розыска связаны ворохом подписок о неразглашении, я не стал спрашивать их о современной спецаппаратуре. Я поступил иначе — обратился в фирму «Аникс», представляющую в регионе бывшего СССР американскую фирму «ССS», которая и выпускает соответствующее оборудование. Именно здесь «органы» чаще всего закупают самые современные устройства. Впрочем, не только «органы» — еще и банкиры, бизнесмены, просто частные лица. Мне порекомендовали «Аникс» как место, где арсенал «шпионских» товаров наиболее полон.

Александр Николаевич Ушаков, начальник отдела специальных технических устройств, после непродолжительных уговоров согласился ответить на мои вопросы. Он принял меня на «выставке» — в комнате, сплошь уставленной таинственными предметами.

— Александр Николаевич, разве здесь бывают дети?

— Почему вы так решили?

— Как же, а плюшевый козлик...

— Ах, козлик? Вам сейчас все станет ясно. Попробуйте дотронуться до этого шкафчика... Да не пугайтесь вы так, я отключу сейчас сирену. Кроме того, что шкафчик среагировал на вас столь резким звуком, мы сразу же получаем фотографию нарушителя. Узнаете? Это вы сзади, это — сбоку, это — ваше лицо крупным планом, здесь — положение двери, окон. Один из объективов находится как раз в глазу у козлика, другой — в корешке той книги...

— Опасно к вам ходить. Тут, наверное, всего одна бесхитростная вещь — спортивная серая сумка, которая валяется у входа.

— Это сумка со скрытой видеокамерой. Тут внизу маленький видеомонофон. На него набрасываются всякие предметы, можно даже не застегивать — эта вещь ни у кого подозрений не вызывает. Посмотрите на этот экран — на нем мы с вами сейчас стоим и разговариваем. А снимает нас сумка.

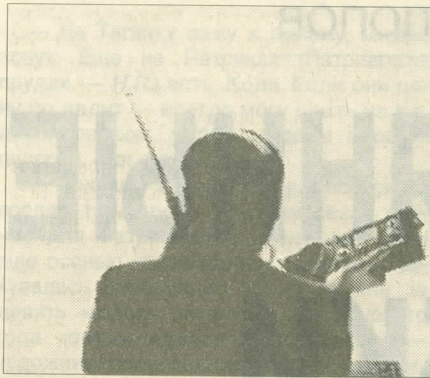
— Но где же объектив?

— Он тут, слева... Да не разглядывайте, все равно его не видно.

— Действительно. А с чем же еще ходят в гости агенты?

— Например, с этим «дипломатом». Представьте, что вы бизнесмен и хотите заключить какую-то рискованную сделку. Вы являетесь к своим потенциальным партнерам с этим чемоданчиком — довольно солидным, с кодовыми замками — и через некоторое время говорите, что вам нужно отойти на полчаса. Вы складываете свои бумаги, незаметно включаете устройство, закрываете крышку и уходите. «Дипломат» же записывает все, о чем говорят в ваше отсутствие.

— А где микрофон?

— Вы что, забыли, как искали объектив на сумке?

— Вспомнил, извините. Покажите что-нибудь еще из «гостевого набора».

— Вот, например, маленькая коробочка, способная запеленговать радиопередатчик. Возьмите ее в руку, опустите руку в карман. Отвернитесь, я передатчик включу. Теперь ищите. Ходите по комнате, пока он не завибрирует. Щекотно? Мы этот пеленгатор «щекотунчиком» называем. Определили место приблизительно? Теперь убавьте мощность и ищите точнее.

— Вот он!

— Правильно. Только очень уж у вас был вид сосредоточенный. Нужно расслаживаться с рассеянным лицом и говорить о чем-нибудь отвлеченном.

— Ничего, научусь со временем. Скажите, почему здесь так много телефонных аппаратов? Они тоже особенные?

— Конечно. Этот, например, со встроенным детектором лжи.

— Но ведь детектор лжи — огромная коробочка с проводами, которые к черепу подсоединяются!

— Конечно, наш детектор не такой универсальный, просто здесь по столбальной шкале определяется уровень стресса собеседника. По тембру, по модуляции голоса. Звонит, например, начальник подчиненному. Поначалу — простые вопросы — о настроении, о здоровье мамы. Детектор показывает 20—30 единиц. И неожиданно — «А ты точно не работаешь на конкурентов?» Тот: «Нет». А детектор — за восемьдесят. И есть над чем начальнику подумать.

Имеются и специальные приставки к телефонным аппаратам. Эта, например, изменяет ваш голос. Вы можете поворотом ручки менять его от глубокого баса до писклявого дисканта, а то и вовсе женским голосом заговорить.

А вот другое устройство. Специальная накладочка на телефонную трубку. Допустим, мы с вами не хотим, чтоб наш разговор стал достоянием конкурентов. Мы беседуем, а когда нужно сказать что-то секретное, включаем специальный режим. И слышим друг

друга точно так же, а если к нам кто-то подключился — он, кроме «у-лю-лю», ничего понять не сможет. Сам же факт подключения можно определить другим прибором.

— Но у незваного слушателя может быть такая же накладочка.

— Здесь более 52 тысяч режимов, пока он нащупает нужный... Кстати, все это вполне законно, мы ведь не вносим в телефонную сеть абсолютно никаких помех. А подобными приборами можно защитить не только телефонную, но и компьютерную связь, и факсы.

— Знаете, все это хорошо, но романтики мало. То ли дело погони...

— Погони — пожалуйста. Если мы заранее положим в багажник преследуемой машины эту коробочку, то в нашем автомобиле, на соответствующем приборе будет отслеживаться весь ее маршрут и расстояние до нее.

— Я и говорю — никакой романтики. Кстати, у вас есть какие-нибудь средства самообороны?

— Конечно. Например, световое. Сначала — звуковой сигнал, чтобы все нападающие обернулись на него. А через секунду — яркий свет, способный ослепить на 10 минут большую группу злодеев.

— Но потом-то клиенты прозреют?

— Конечно. А есть и «дипломат» с электрошоком. Разумеется, он бьет не насмерть, но его мощности достаточно, чтобы навсегда отбить охоту воровать чужие вещи.

— А тут у вас лежат обыкновенные баллончики с газом.

— Это не газ, а «спрей». Вы, например, директор банка, и у вас из сейфа систематически что-то пропадает. Вы обрабатываете «спреем» (он абсолютно незаметен) ручку сейфа и через некоторое время освещаете ультрафиолетовой лампой дверные ручки комнат. Все, к чему притронется «меченый» сотрудник, становится в ее свете зеленым. Затем определяете его стол — и преступник найден.

— Но он мог помыть руки...

— Как их ни мой — метящее средство держится минимум два дня. Есть составы, которые реагируют на наркотики, на то, держал ли человек в руках оружие. Есть — которые окрашивают уличного, но не задержанного преступника в какой-нибудь противный цвет, и он потом неделю не может отчиститься.

— И много у вас таких интересных предметов?

— 1500 наименований. От маленького микрофона до бронеавтомобиля. Все, что способно защитить личность от любых нападков — от покушения на жизнь, на здоровье, на коммерческие тайны. А «органам» — помочь в поимке преступника.

Николай ПОПОВ

ДЕРЕВЯННЫЕ БАБКИ

КТО ПРОКЛАДЫВАЕТ ВАЛЮТНЫЙ КУРС МАТРЕШКЕ?

Фото А.Попова

Чегой-то уж очень кушать хочется... Вот у вас никогда такого не было, чтоб шли вы, скажем, по улице, спешили по своим неотложным делам и проснулся бы ваш внутренний «червячок»? Мол, хавку давай, а то ща ка-ак начну бурчать! «Фу ты, уймись, проклятый!» — обычно отвечаете вы и... покупаете ему первый попавшийся пирожок поотвратительнее, чтоб заткнулся. Но такого рода кулинарные изыски с мясом драного чебурашки обычно имеют устойчивую тенденцию жеваться долго-долго и глотаться с трудом, с трудом. И вот вы стоите на тротуаре и ожесточенно жуеете сей пирожок, жалея уже о напрасно потерянном

времени. Купить к нему стакан мутной бурды, которая в России «пепсей» зовется, — денег жалко. А выкинуть этот сандаляк к чертям собачьим — рука не поднимается. Вот и я стоял в тот день, дожевываял немощными челюстями «чебурашку», когда откуда-то из-под мышки вдруг вынырнул плюгавенький мужичок и попросил закурить.

Я не дал. Тогда он слился со спешащей толпой, и только его чудной треух мелькал то здесь, то там. После десятиминутной безуспешной ловли сигаретки мужичок снова подкатил ко мне и попросил закурить. Я снова не дал, хотя было.

ВЫПЛЫВАЮТ РАСПИСНЫЕ

— А хочешь, я тебе Ельцина продам? Недорого, три «штуки».

И мужик достал из заплечного туристического рюкзака... матрешку с намаванным опостылевшим личиком, тут же разъединил половинки, показывая лакированного Горбачева. Затем раскрыл беднягу Горби, откуда немедленно показались ясные чекистские очи Андропова... ну и так далее, до Петра Великого. Такого малюсенького, в треухолке.

— Да не нужны мне твои матрешки. Вали отсюда! Здесь тебе не Арбат...

— Значит, не нужны, да?

И матрешечник внезапно ка-ак хватить деревянным Ельциным по бордюру мостовой! Такого насилия президент России не выдержал и разлетелся на десяток осколков. За ним последовал и форосский узник. Поперхнувшись-таки остатками пирожка, я оторопело наблюдал за спектаклем-мелодрамой. Когда дошел черед до ус-сатого генералиссимуса и вокруг нас начала образовываться толпа зевак, скандировавших нечто вроде «Ленину — по башке, а Николашку — на мыло!», я решил, что свою сигарету матрешечник отработал честно:

— «Яву» будешь? Тогда пошли отсюда, нечего президентами разбрасываться!

...Запах в его комнатухе в Капотне, прямо скажем, необычен, и химическим путем получить его проблематично. Возьмите три части ультрамарина, раздавленный тюбик газовой сажи, одну часть носков нестираных и еще одну — стружки древесной. Смешайте, и тогда, быть может, получится что-то подобное. Когда я узнал, что за эту дюжину квадратных метров жилплощади матрешечник отдает хозяйке — ну вылитой помещице Коробочке — десять тысяч в месяц, а с марта эта сумма возрастет вдвое, оставалось только покачать головы кочаном: конный москвич пешего иногороднего не понимает.

Зато стало, наконец, понятно выражение «творческий беспорядок». Ибо в этой комнатке именно творили. На весных полках россыпью стояли сушили лакированные матрешки, как традиционные русские, с золотыми-серебряными платочками, так и более авангардные «президентские». По полу были разбросаны деревянные заготовки вперемешку с водочной стеклотарой и грязными гранеными стаканами.

Из мебели — миниатюрный токарный станочек на подставке, приятно разнообразивший палитру ароматов запахом машинного масла, топчан без постельного белья, раскладушка (известная американцам под названием «русская кровать»), добротный письменный стол с разложенными на нем кистями, красками, лупой часовщика, шкаф, холо-

дильник «ЗиС» (то-о-олстый такой, знаете...), внутри которого обнаружилось две банки килек в томате, кусок сала, творог и почему-то хлеб. Все. Да, чуть не забыл! Еще одежда на трех гвоздях висела.

А хозяин, спросите, где? Так я ж его за двумя пузырями послал. Дал ему мелочи, что в карманах была — рублей эдак семьсот, — и говорю: за водкой, папаша, сгоняй, раз такое дело. А потом, мол, и душу выложишь, раз прошибло. Предусмотрительно захватив с собою две пустые бутылки на сдачу, мужичок с готовностью растаял в воздухе... чтобы материализоваться уже через четверть часа с толстой сумкой на ремне, приятно позвякивающей. Пока он по «булькам» (тебе — «бульк» — мне «бульк») отмерял драгоценную жидкость, выяснилось, наконец, и его имя.

— Зови меня просто — Аркаша!

Ишь ты, аристократ какой. Из-под Кирова он приехал, говорит. Из-под Вятки то есть. Раньше народ за деньгой на Север ехал — теперь наоборот. Мать у него там осталась, жена бывшая, квартир-ка двухкомнатная. Вся жизнь, сколько себя помнит, шашничал, бил баклуши (если помните, баклуши — это заготовки-чурочки для разных там ложек-матрешек). Отец его к народным промыслам пристрастил: «Миллионщиком ты, Аркаша, вряд ли станешь, но на хлеб — ей-же-ей — будет хватать всегда!» И сын действительно помнит, что деньги в доме даже после войны водились (уж как там крустился одноногий отец, одному Богу известно).

Да забыл родитель Аркашин обучить мальчика, как бы извернуться так, чтоб не пить. Богемная среда к этому располагает. И сидит этот Аркаша передо мною, сопли жует, хлюпает, жалуется, время от времени не забывая вынуть и подкурить очередную сигарету из пачки (не мог «Беломора» купить!). Ну да ладно, рассказчи-ка про теперешнюю житуху свою!

— А что рассказывать? Выработка у меня не ахти какая. Если с утречка начну заготовки вытачивать, то к десяти вечера уже лаком крою очередную серию матрешек, чтоб за ночь высохла. И — по новой. Иногда для разнообразия выстриваю ложки под Хохлому. Могу и под Гжель работать — голубая глазурь, это, знаешь ли, целая поэзия!

Год назад занялся было накатом*, да быстро поостыл. И дело даже не в более низкой цене. Поззии, смаку нет. И превращаешься, по существу, в токаря. А я ведь Художник...

— Ладно, художник, а кому сдаешь свое творчество, в какую цену?

* Накат — полупромышленный способ, когда однажды сработанный рисунок с помощью валика наносится на неограниченное количество заготовок (по типу печатного станка).

— На Таганку езжу к одному, Мишей зовут. Еще на Патриках (Патриарших прудах. — *Н.П.*) есть. Коля. Если они цену не дадут — всегда могу сдать на Калитниковском, более мелким перекупщикам. Могу сдать...

И Аркаша снова захлебывается в соплях. Немудрено: мертвый сезон сейчас для матрешечной продукции. Если еще осенью «президенты», например, закупались боссами по 3,5—4 тысячи за девять «голов» расписных, то с нового года хозяева завели иной порядок — художник получает деньги только тогда, когда его товар найдет сбыт, а цена не только не возросла, но даже немного упала. Фактически, чтобы продержаться на прежнем уровне благосостояния, Мастеру нужно теперь вкалывать вдвое больше. Вот и изгальяется богемная братия кто во что горазд.

Аркадий показывает мне свою новинку, которая, как он надеется, завоюет весь рынок. К моменту выхода этого материала в свет секрет раскроется на прилавках Арбата, поэтому смело описываю. Это шестеро гэкачепистов, заключенные в седьмом — Лукьянове-Осеневе с книжкой стихов. Павлов изображен с мешком сторублевков, играющим в наперсток. Янаев — с трясущейся чашкой чая в руках. И так далее. Но самое интересное кроется внутри последнего — Стародубцева. Раскрываешь, а там... ба-а, знакомая клякса Горбачева, одетого в полосатую пижаму. По логике Аркаши, он — восьмой член ГКЧП. Обхохочешься!

НА РЫНКЕ КОРОВУ СТАРИК ПРОДАВАЛ — НИКТО ЗА КОРОВУ ЦЕНЫ НЕ ДАВАЛ...

А Аркаше не до смеху. Думаете, чего это он вдруг президентами начал сгоряча на улице бросаться? Пошел он, как обычно, сдавать товар на скупку, объездил полгорода.

Так ему не только ничего не перепало, но и старые работы вернули с негодованием. Негодяк-с, Аркадий Батькович! Работайте еще усерднее.

А как тут заработаешь, когда с утра ничегошеньки не жрамши?! Полный мешок своих творений, и даже курево не на что купить. Вот и психанул...

— Летом-то лучше во всех отношениях. И работы расходятся почти со свистом, и... «бычки» на тротуаре не мокнут. Но тогда я на них и не гляжу — все по ресторанам больше гуляю, баб снимаю. Такая вот подлянка выходит. А сейчас... Э-эх (не печатно)... Нешто к Петровичу податься?

Петрович, надо вам сказать, это резервный вариант для многих, очень многих матрешечников. Свообразный мусоропровод, как объяснил мне Аркаша. Только с клеймом. Стоп-стоп, сейчас расшифрую.

Живет этот парень тоже у черта на куличках, занимается, по основной своей работе, совсем другими делами — «травкой» и «колесами» торгует. Но свой барыш предпочитает вкладывать не в банальные доллары или, спаси меня Господи, ваучеры, а в расписные деревяшки. Поскольку в искусстве он ни бум-бум, мальчик скупает практически все, что хоть отдаленно напоминает матрешку. Но — по страшно заниженным ценам. Схема проста: зимой — скупка у полуголодных художников, летом — продажа кому ни попадя оптовыми партиями для торговли в гостиниц, в Измайлове и еще в нескольких местах. Петровича и ему подобных «нормальные» скупщики ненавидят лютой ненавистью — он путает им карты, он непрофессионал. Но с наркоманией не очень-то и поборешься в открытую.

Поэтому они ограничиваются тем, что если выясняют, что некий художник Табуреткин регулярно поставляет товар Петровичу, то делают его персоной нон грата в «приличном» обществе. Для Табуреткина это смерть верная, ведь мало того что и без того нестабильный заработок становится просто эпизодическим, так и манера, мастерство подменяются некачественным потоком, серостью. Зависеть от прихоти одного-двух человек — это, знаете ли... Как Мастер Табуреткин умирает сразу же и безвозвратно. Пару раз этот парня еще может кутнуть (зафрахтовать теплоход, скажем, и кататься вверх-вниз по Москве-реке, как это было с неким гражданином П.). Но потом его хозяин решит вдруг, что вкладывать деньги, положим, в казино выгоднее, чем в матрешки, и перестанет покупать табуреткинскую продукцию. И тогда — крах, и моральный, и физический (того же гражданина П. около полугода видели собирающим пустые бутылки, а затем нашли в петле).

А вот мы как бы случайно оказываемся в «приличном» обществе ценителей русской матрешки. Этот разношерстный бомонд собрался в просторном холле престижной квартиры Коли и сдержанно гудит вот так: бу-бу, бу-бу-бу-бу... Входная дверь то и дело открывается, впуская все новых и новых гостей. Ровно в назначенное время к собравшимся выходит радушный хозяин Коля и приглашает их в комнаты. За специально оборудованным столом посетители по одному будут торговаться с Николаем, выкладывая из пакетов плоды своего труда и вдохновения. Скупщик внимательнейшим образом будет исследовать каждую матрешку на предмет «брачков» и небрежностей. Художник будет расписывать свои оригинальные находки в цветке и рисунке, количество острodefицитной краски, затраченной на изделие, которое, конечно же, требует соответствующей оплаты.

Коле все эти словеса — что бисер сви-

ные. Он сосредоточенно прикидывает, как сбавить цену до минимально возможного уровня, как выжать народ на полную.

— Ну что, по рукам?

— Почем отдашь, Никита?

— По-прежнему, четыре пятьсот.

— Уступи, Никита, уступи!

— Так уступлено ж. Сам знаешь, по пять двести брал!

— Знаю, что пять двести было, да... уступить надо. Теперь, сам видишь, времена тяжелые, народ до слез уступает... Давай четыре ровно — и баста.

— ...Твоя взяла. По рукам!

Понимаете, это похоже на какую-то мистерию, увлекательную игру в кошки-мышки. Нет, футболу далеко до такого совершенства. Там все-таки неясно, чья возьмет. Здесь это превосходно известно всем зрителям-участникам: кошка словит свою мышку. И вопрос лишь в том, как долго хищник будет играть с ней, удастся ли мышке тяпнуть напоследок зубками его за лапу и выцганить сотню-другую.

«До слез уступает»... Да не нужны скупщику эти народные слезы, быть может, даже неприятны. Но он их обязательно выжмет. Он должен быть абсолютно уверен, что уступчивость дальше не пойдет, что достигнут предел. Иной мастер сам заберет выставленный был товар, торговаться дальше — для него уже оскорбление. Понятно, кое-кто еще имеет деньги, и скупщик становится более осторожен.

Другой раз именно Коля заворачивает очередных деревянных баб. И дело не только в несговорчивости продавца. Случается, Николай разглядит изъян, незаметный для неспециалиста. Все — художник получает полную свободу колоть матрешек об асфальт. Скупщику надо держать марку, иначе с ним не будут иметь дело те, кто продает товар — чаще оптом — знающим дело организациям, имеющим выходы на границу.

Конечно, можно рассматривать скупщика как какого-то зловещего паука, дергающего за ниточки попавших в его сети прекрасных бабочек и сосущего их кровь. Но, во-первых, и «бабочки» эти не такие уж невинные, гений и злодейство для них — вещи вполне совместные (не буду уточнять, дабы не разрушать образ). А во-вторых, и паук не даром кормится их трудом — он и сам бегаёт, крутится.

Да еще как! Это ж насколько точной должна быть хватка, чтобы, сделав с утра каких-то пять-шесть телефонных звонков, знать абсолютно все изменения конъюнктуры матрешечного рынка как в разных частях Москвы, так и за ее пределами. Такого тертого калача не спросишь: «Почем матрешки в Нью-Йорке?» Он обязательно поинтересуется, какие и где именно? Насколько ювелирными должны быть все его действия, чтобы он мог отчетливо ска-

зать, например, что два столика в «Октябрьской» надо перекинуть на Арбат или наоборот! Это тоже своего рода мастерство.

...Но возле почти каждого более-менее крупного скупщика всегда стоит некий невзрачный на вид парень. Стоит и внимательнейшей смотрит на предлагаемый товар. Скорее всего, он зря теряет время и, ничего не выловив, исчезнет последним. Но вдруг ему может повезти: художник, еле сводящий концы с концами, принесет свой шедевр, в который вложил не просто мастерство, а душу. «Официальный» скупщик среди мелькания сотен лаковых истуканчиков может и не разглядеть настоящей ценности. Но ее неизбежно высмотрит парень.

Если товар будет продан, эта загадочная личность по окончании торгов назовет скупщику такую цену, от которой у того vareжка отвиснет. Если мастер в негодовании заберет свой шедевр (что случается гораздо чаще), его догонят уже на лестнице и назовут ту же цену ему. В любом случае матрешка окажется у... посредника.

Да, этот парень, не стремящийся себя афишировать, всего лишь посредник, доставляющий товар настоящему пауку. Поштучно. Дальнейшая судьба этих самородков — либо быть выставленными на престижных заграничных аукционах, либо навсегда встать на полку толстосуму Мистеру Твистеру как удачное помещение капитала. Художник не получит и десятой доли настоящей стоимости своего творения, да что с того? Ему и двадцатой доли будет достаточно, чтобы победно созвать приятелей отмечать свой триумф. Ну как же, его заметили! Быть может, ему скоро начнут заказывать такие деревяшки, ведь его манера пришлась Пауку по душе!

Вообще, про Пауков, которых в Москве всего пять, ходит масса легенд и домыслов, так что отделить зерна от плевел чрезвычайно трудно. Единственная достоверная информация — что матрешечный бизнес для них всего лишь хобби (они занимаются гораздо более серьезными вещами) и что сам Паук палец о палец в этом деле не ударяет, перепоручая все своим ребятам.

Эти мальчишки вербуются из матрешечников экстра-класса, бывших художников. Согласившихся наступить на горло собственной песне за тридцать сребреников. С Божьей помощью они оттачивают мастерство выискивания чужих талантов, но взамен Бог отнимает у них собственный. Видя чужие успехи (в этом их работа и состоит) и осознавая, что сам он никого уже не переплюнет, такой «художник» кончает плохо. Ибо он все-таки художник.

Что ж, эти душещипательные байки еще ждут своих Бальзаков и Пушкиных, чтобы их увековечили на бумаге и в памяти потомков.

А я всего лишь репортер «Столицы».

«С

Дарьей Асламовой я познакомилась совершенно случайно» — именно так мне хочется начать свои заметки об авторе «Записок дрянной девчонки»*. Ведь фраза, которая в одно утро сделала Дарью знаменитой, столь же незатейлива: «К Руслану Имрановичу я попала совершенно случайно».

А познакомились мы с ней вот как. На одной журналистской тусовке мне показали «ту самую» военную корреспондентку «Комсомольской правды», которая рассказала всему миру, как ее изнасиловали в Нагорном Карабахе. «Ты работаешь в «Столице»? — спросила меня Дарья. — Я недавно вашему главному редактору приносила свой материал, и он «завернул» текст со словами: «Мы не желтая пресса». — «О чем же ты написала?» — «О всех знаменитостях, с которыми я трахалась». — «?...» — «Понятное дело: кто ж отважится напечатать такое, скажем, про Хасбулатова...»

Потом «та самая» рукопись еще долго ходила по рукам, в том числе и по моим (я, пробежав глазами, могла вымолвить только лишь: «Любопытно, конечно, но не Лимонов»), и никто не верил, что «это» может быть напечатано.

А потом мне сообщили, что у Дашки, кажется, начинается «звездная болезнь», что рукопись ее опубликована, что у нее нарасхват берут интервью журналисты всех стран и народов, что ее день и ночь снимает телевидение, что студенты журфака МГУ уже изучают ее произведение, и вообще — сам Николай Ильич Травкин на съезде (!!!) заявил, что у него с Хасбулатовым — одна любовница...

Таксист, который вез меня на работу, негодовал: «Прочитал вчера статейку одной ... — ну, совсем обнаглели эти ... журналисты!» Через несколько дней примерно в том же духе выразился «Московский комсомолец» — на первой полосе завярял своих читателей, что Д.Асламова всегда плохо одевалась, дурно красилась, гуляла со «старперами», и вообще она — шлюха и уродина.

А Дарья, получив очередную сотню долларов за очередное интервью западному журналу, как-то позвонила и спросила: «Не подскажешь ли, где в Москве находятся лучшие

* Собеседник, 1992, № 48.

Тя самая Дашка

Фото
В.Шишова

валютки, а то я на войну опять собираюсь, немцы обо мне будут фильм на фронте снимать, а мне совершенно нечего надеть...»

Тут я поняла, что Дарья — это явление. Окончательно в том убедило меня письмо читательницы из города Саранска, которое Дашка весело зачитала всем друзьям. Это эпистолярное произведение — тоже своего рода явление, а потому заслуживает подробного цитирования: «Лживая, низкопробная ста-

тья Дарьи Асламовой «Записки дрянной девчонки» потрясла всех. Утром я бежала в школу, где в 5 «Б» учится мой сын Стасик. Урок физкультуры не состоялся, и мальчишки бегали, кидали снежками в плакат, который висел на стене школы, а на нем — статья и нагло развалившаяся женщина. Лицо ее было перечеркнуто и внизу написано: «Дарья Асламова — продажная женщина». Каждый мальчишка азартно норовил угодить снежком в

лицо — и это получалось... Мне стало страшно. Я испугалась за своего десятилетнего сына: а вдруг такая же подколотная змея, мерзкая жена, как пиявка, прицепится к моему сыну? О горе всем матерям!

На работе все бурно обсуждали ту же Дарью. Лучше всех высказалась пожилая бухгалтер: «Дарья кончит, как Сара и ее любовник из телесериала «Богатые тоже плачут». После работы я побежала домой, по дороге видела, как подрались две первоклассницы: одна другую назвала «Дарьей», что означает — предательница...» Дарья, ты пишешь: «Хозяин квартиры назвался Русланом Имрановичем». Может быть, и назвался, но это был не он — ты все перепутала от бесконечных попок и кутежей. Руслан Имранович — скромный, красивый, порядочный человек, отличный семьянин, известный ученый, политик, государственный деятель. Не касайся его своим грязным пером!..

Дарья, опомнись! Изменись, остановись!.. Приближается новый 1993 год. Ничего хорошего не хочется тебе желать — ты недостойна, но все же пожелаю. Первое: не приставай к мужчинам. Второе: брось пить, устройся работать, но не журналистом, так как писать не умеешь. Третье. Не позорь: а) наш женский род, б) МГУ, в) красивое старинное русское имя Дарья.

Считаю, что Дарью надо освободить от членства в Союзе журналистов («членства» у Дарьи отродясь не было. — А.Е.), так как она профнепригодна. Дарью ожидает правосудие за клеветническую ложь. Ее надо отправить на медобследование в психдиспансер, так как она социально опасна и мы боимся за своих детей...»

— Дашка, если женщины боятся за судьбу своих детей, то мужчины, по-моему, должны просто прятаться от тебя под стол, не то что романы заводить — ведь ты уложишь в постель, а потом на весь мир об этом растрезвонишь...

— Да что ты, я почувствовала такой сексуальный интерес к себе со стороны мужчин! Сама все время хочу спросить: неужто вам не страшно? Но одно дело романы, другое — эпизоды с такими людьми, как Травкин, Хасбулатов, Абдулов — то был просто секс, голый, грязный. О таком и рассказывать легко — это тип трактирных историй, когда офицеры за бутылкой вина выбалтывают про все свои случайные связи.

— Ничего себе «трактирный интим» — полумиллионным тиражом!

— Я приехала из Хабаровска в

Москву за славой — и я ее получила. Как-то летом мы сидели в баре «Комсомолки» с приятелем из «Огонька» Ваисом Юнисовым, пили пиво и думали: что бы такое написать, о чем бы все враз заговорили. Ваис и подкинул мне эту «бредовую» идею...

— **Понятно — слава любой ценой. А в результате всякий таксист ругает тебя грязными словами, а саранские бухгалтерши пугают тобой детей...**

— А почему я должна опускаться до уровня того таксиста? Я с шестнадцати лет слышу: «блядь», «проститутка» — только из-за того, что хожу в короткой юбке, что я слишком ярко накрашена и чересчур много улыбаюсь. Плевать мне на пересуды. Ни одна женщина не вошла в историю, будучи добродетельной, Клеопатра, Мария Стюарт — всех обзывали шлюхами. Да я могу только гордиться, что попала в такую компанию. Представь: я чувствую себя царицей.

— **Тебе всего двадцать три, а ты исполняешь роль жрицы любви. Ты хоть понимала, когда писала свои «Записки», что не в куклы играешь?**

— Андре Моруа, помнится, написал, что на самом деле не люди делают литературу, а литература создает людей. Я с третьего класса зачитывалась французскими романами и была очарована женщинами, которые сами творили свою судьбу и не боялись ни бога ни черта. Я трусиха от природы, но я делала себя «под них». Я поняла, что все мужчины тянутся к женщинам определенного типа — Бунин назвал их женщинами с неудовлетворенным чувством пола. А я хотела жить, чтобы покорять мужчин, будить не только их желание, но и воображение...

— **Значит, ты сознательно слепила образ «нехорошей девчонки»?**

— Теперь я сама — образ для девочек из города Саранска. Я уверена: все они тайно мечтают походить на меня, а мальчики, кидая снежки, думают: «Хорошо бы когда-нибудь иметь такую женщину...»

— **А когда ты занималась сексом с героями твоих «Записок» — ты тоже играла, тоже «входила в образ»?**

— Это была проба сил, поиск себя. Когда женщина в поиске, тупые моралисты говорят про нее: «Шлюха!» Для сложнейших проявлений личности людей единственно понятное им название... Не понимаю: какая разница — со сколькими мужчинами спала женщина? Проститутка получает за это деньги, я — нет. Ты сможешь объяснить тогда, что такое шлюха?

— **Особа, неразборчивая в связях...**

— Это что, зависит от количества мужчин?

— **От качества. Тот голый, гряз-**

ный секс, о котором ты говорила, — это из жизни шлюх. А романы, которые требуют душевных усилий, остаются романами — пусть даже их сто, двести...

— Ну почему вокруг такой нормальной вещи, как секс, нагромодили кучу проблем?! Часто ведь любовь рождается из случайной связи. А если ее нет, великой любви, если твое тело требует — что, надо бороться с желанием, чтобы не дать повод людям обозвать тебя шлюхой?

— **Кто-нибудь из твоих знакомых перестал общаться с тобой после выхода статьи?**

— Меня поразило ханжеское поведение мужчин-коллег из «Комсомольской правды». Статья моя долго ходила по рукам, все ее читали — и ничего. Но после публикации многие перестали вдруг со мной здороваться. Друзья же выказывают мне только уважение. Я ведь просто сказала вслух то, о чем все знают и молчат. Такую жизнь в столице, какой жила я — с абортными, пьянством, связями с незнакомыми людьми, — знает любая провинциалка. Получается, я была приличной девушкой до тех пор, пока не написала о своих грехах?

— **Можешь ли ты, к примеру, увидеть незнакомому красивому мужчине, подойди к нему и запросто сказать: «Я вас хочу...»?**

— Со мной не раз такое бывало... У меня вообще очень плохо с общественной нравственностью.

— **Есть и чисто человеческая. Конечно, мужики по пьяной лавочке часто болтают про «бабс», но в трезвом виде — ни-ни. А ты публично назвала имена своих любовников, да еще во время съезда...**

— Ты хочешь спросить — не мучает ли меня совесть?

— **Я прекрасно знаю, что нет. Меня интересует — не боишься ли ты, что на тебя в суд подадут?**

— Конечно, боюсь. Потому что наверняка процесс выиграю не я. Свидетелей-то нет, свечку никто не держал.

— **Не думаешь ли ты, что тебя могут просто побить?**

— Мои друзья уже слышали угрозы в мой адрес — к ним в «Комсомолку» приходили неизвестные люди и просили передать, чтобы я заткнулась, если жить хочу. Я очень прошу, чтобы эти мои слова остались в интервью, потому что, когда говорят «сиди тихо», лучше кричать «караул» на каждом углу...

— **Можешь ли ты определить тот жанр, который появился в нашей прессе вместе с твоей статьей?**

— Иностранцы журналисты говорят, это не совсем то, что давно существует на Западе. Там читателя угощают подробностями полового

акта с тем или иным человеком — на уровне размеров и техники, снабжая документами и фотографиями. А у меня — литературное произведение, отрывок из книги. Это классно написано, а потому хорошо читается.

— **Да у нас просто голод на такие пикантные вещи...**

— В Америке это печатается постоянно. Голод давно прошел, но когда случился скандал с Клинтоном — вся нация перемывала ему косточки. Человечество основано на пороках. Все делают вид, будто желтая пресса — это гадость, но все обожают ее читать.

— **Ты собираешься «специализироваться» в том же жанре?**

— Я замужем!..

— **А книга, которую ты пишешь? Для нее ведь нужен богатый фактический материал.**

— Я пишу о жизни провинциальной девочки, которая оторвалась от дома, прошла через все соблазны и сексуальные обманы. Я считаю, что нет в мире вещей, о которых нельзя говорить. Любую физиологическую подробность можно превратить в поэму. Скажем, я пишу о видениях женщины, когда она испытывает оргазм. У любой женщины есть свои видения. Причем чем нравственнее женщина, тем порой безнравственнее ее видения. Это ведь так приятно — опуститься в самую грязь, вывалиться там. Ничего неестественного тут нет.

— **В «Записках» ты пообещала, что отдельно напишешь о своих отношениях с богатыми людьми. Эти отношения тоже носят сексуальный характер?**

— В наше время возник тип женщин-гетер, которые берут с мужчин деньги не за то, что ложатся с ними в постель, а за то, что они обаятельны и умеют общаться.

— **Тебе что, встречались сплошь бизнесмены-альтруисты, которые платили за красивые глазки?**

— Надо просто уметь брать деньги. Не просить, а как бы делать одолжение. Надо вбить себе в голову: «Я так умна, так прелестна и бесподобна, что все мне должны». Тогда все получится само собой. И не придется ходить на работу в газету, гоняться за сенсациями. Все придет само, а ты только запишешь подробности...

Аэлита ЕФИМОВА

ЗЕРНОМ НАДО УМЕТЬ ТОРГОВАТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНО

Россия всегда была крупной зерновой державой. Вспомним многочисленные сообщения о миллионах тонн зерна, поступивших в закрома родины благодаря новым сортам злаковых культур, выведенных советскими селекционерами.

А сейчас постоянные перебои с хлебом, очереди в булочных, растущие цены.

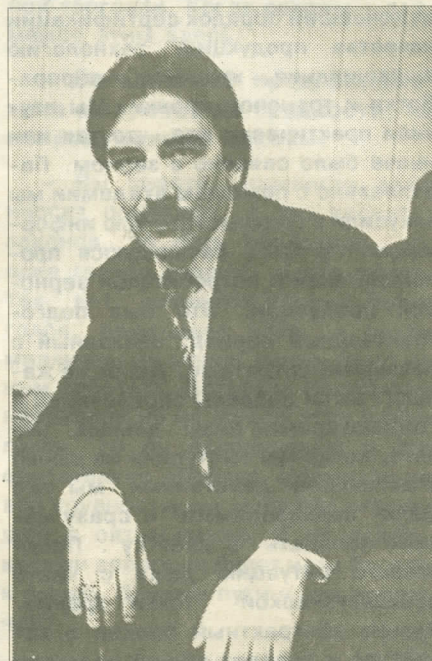
Раньше нас огорчали волжские засухи, а теперь пугает отсутствие валюты на закупку импортного зерна. И на этом фоне удивительная реклама фирмы "ОГО", покупающей пшеницу.

У кого, зачем?

— Почему вы начали заниматься таким сложным товаром, как зерно?

— Причин было много, — ответил главный управляющий Акционерного торгового общества "ОГО" Аркадий Леонидович ЗЛОЧЕВСКИЙ. — Если помните, не так давно нас постоянно пугали голодом. Но в самые неурожайные годы Россия собирала минимум 70 миллионов тонн зерна. После несложных математических подсчетов получается: на каждого из нас приходилось по килограмму зерна в сутки. То есть в России всегда был переизбыток хлебной пшеницы. Не хватало фуражной. На Западе тоже переизбыток зерна. И очевидна их заинтересованность в реализации его излишков: потому и кредиты нам давали только под закупки их зерна, причем на 50% хлебных сортов. Вспомните про 24-миллиардный кредит, предоставленный России при условии закупки 30 миллионов тонн зерна, но хлебная пшеница нам не нужна. Да и фуражная тоже. Нам нужны новые технологии по откорму скота. Ведь кормить его чистым хлебом, как мы это сейчас делаем, глупо. Голода в России нет и быть не может. У нас такая огромная территория, что неурожай сразу на всей ее площади невозможен.

Главный управляющий
Акционерного
торгового
общества "ОГО"
Аркадий Леонидович
ЗЛОЧЕВСКИЙ

— Как родилась фирма "ОГО"?

— В 1987 году был организован кооператив с уставным фондом в 500 рублей. Поначалу дела шли с трудом. У нас даже есть легенда о большой проблеме с покупкой пепельницы в офис за 9 рублей... Денег тогда было мало, но головы переполняли идеи. Оставалось их воплотить. Пройдя через непростые этапы развития, фирма "ОГО" вошла в число соучредителей Российской товарно-сырьевой биржи. На РТСБ мы возлагали большие надежды, но, когда начали там торговать, поняли: это не наш путь. "Биржевая мода" скоро пройдет, ведь нельзя же биржам вечно уваливать от ответственности. Это отпугивает клиентов. В этой ситуации мы и решили полностью переключиться на зерновую программу. В 1991 году мы создали Акционерное торговое общество, и сейчас его уставной капитал составляет пятьсот миллионов рублей. Зерновые сделки мы начали проводить еще на РТСБ, но тогда

они носили отпечаток стихийности, и мы испытали горечь от нескольких "провалов". Почему? Во-первых: зерно — это сложный товар, а мы не умели с ним работать. Во-вторых: свободные цены привели к возникновению ценового затора. Каждый продавец был убежден, что сможет продать зерно как можно дороже, покупатель — что купит как можно дешевле. В-третьих: отсутствие ответственности с обеих сторон приводило к естественному результату — ненадежности поставок. Это вынудило нас заняться изучением всей технологической цепочки: от гарантий качества товара до его хранения и транспортировки и так далее. Именно здесь, в наиболее уязвимых звеньях, и происходили разрывы, из-за которых проваливались самые перспективные сделки.

— Что вы подразумеваете под изучением технологии?

— Зерно — это вечный товар, в отличие от автомобилей и компью-

теров, которые постоянно модернизируются. И один раз грамотно научившись с ним работать, можно в будущем лишь совершенствовать свое мастерство. Прежде всего мы связались с Всесоюзной академией сельскохозяйственных наук. Профессора академии прочитали нашим специалистам курс лекций, включавший порядок сертификации качества продукции, технологию выращивания, хранения, переработки и транспортировки. Мы изучили практически все, что так или иначе было связано с зерном. Параллельно с помощью академии мы закупили в Госкомстате всю информацию по СНГ, касающуюся производителей и потребителей зерновой продукции. Это был подготовительный период, связанный с большими затратами. Денег не жалели. Были созданы справочники и компьютерные базы данных. Но зато, когда мы выступили на рынке с активными действиями, мы уже были "подкованными" и сразу начали попадать "в десятку". Представьте ситуацию даже с чисто психологической точки зрения. Звонит абстрактный брокер в хозяйство и заводит общий разговор на тему, нет ли у них чего-либо купить или продать. Это метод "тыка". Наша тактика другая. "Ваш колхоз выращивает 1200 тонн зерна в сезон, на собственное потребление вам необходимо 400 тонн. Значит, 800 тонн у вас остаются свободными. Мы понимаем, что за это время вы могли продать порядка 200 тонн. Но оставшиеся 600 у вас

могут просто пропасть, если их не поместить в элеватор. А это дорого (элеваторы в то время начали брать плату натурой, причем 5-10% в месяц. И если зерно должно храниться полгода, то через 6 месяцев колхоз получал 40% от того, что заложил). Поэтому мы вам сразу предлагаем продать его по свободной рыночной цене". Другими словами, мы свободно говорили о проблемах хозяйства и так или иначе находили точки соприкосновения и общий язык. Естественно, что такой наш по рыночным меркам грамотный подход сразу же дал большую отдачу. Мы завоевали репутацию надежных партнеров.

— Как вы начали утверждаться на рынке?

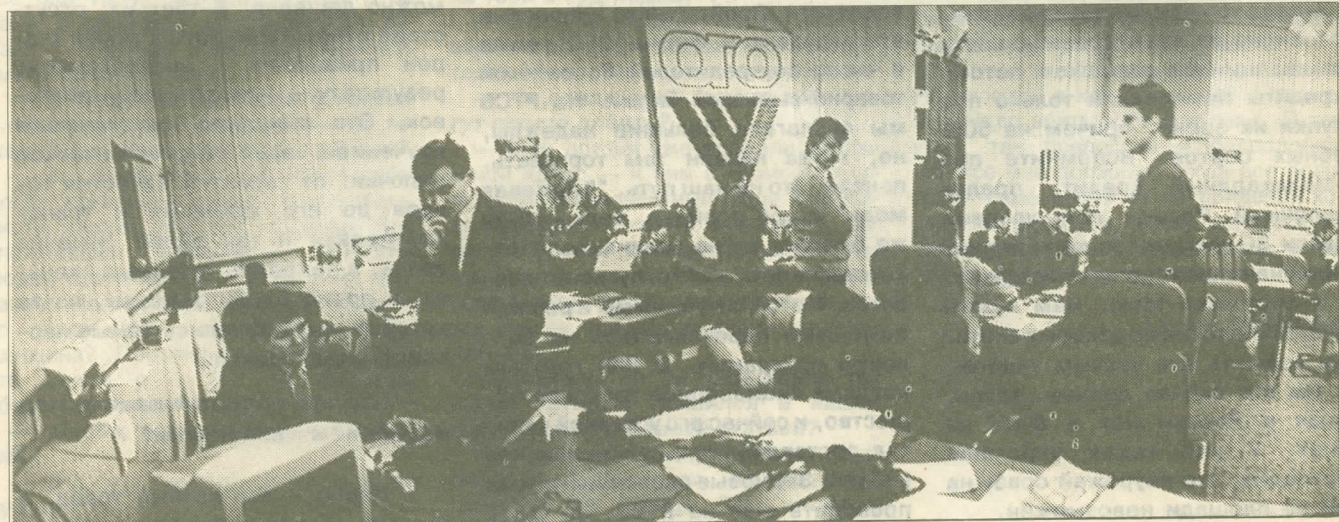
— Активные действия мы начали таким образом: пошла специализированная реклама, наши люди стали обзванивать производителей и потребителей. Тут же появились оптимальные сочетания. Для совершения сделок мы уже вложили в эту программу много средств, поэтому сначала у нас не хватало денег на большие сделки, но по мере получения прибыли объем их увеличивался. Зачастую мы рисковали, отдавая предоплату продавцу, а товар с оплатой по факту получения покупателю.

— У вас есть какие-либо принципы, которых вы придерживаетесь в своей работе?

— Во-первых, это наш внутренний порядок работы, ее четкая

организация, тщательный отбор специалистов. Во-вторых, философия фирмы "ОГО" — это активная позиция на рынке. Простой пример. Прошла по телевизору реклама о том, что мы покупаем зерно и шрот за наличные — во многих хозяйствах проблемы с наличными деньгами, нечем платить зарплату. Кто на нее откликнулся? Видимо, колхозники работали в поле, и в результате нас стали осаждать посредники. Они нам неинтересны. Поэтому от пассивного ожидания результатов рекламы эффект был бы гораздо ниже, чем от наших четко и профессионально "нацеленных" звонков.

Мы никогда не работали по накатанной колее. С каждым клиентом мы ищем наиболее оптимальные способы взаимодействия. Другое дело, что практика сама порой диктует жесткие условия. Например, погрузку мы производим только через элеватор. Это необходимо, чтобы избежать бракованной или некачественной продукции. Сейчас мы все сделали, чтобы наша система не пробуксовывала, и нам остается только ее поддерживать в рабочем состоянии. Зачастую бывает так, что не все партнеры сдерживают свои обязательства. Но у нас всегда есть запасные варианты, которые гарантированы свободным обменом информации внутри фирмы. Быстро "переводя стрелки", мы делаем свои трудности незаметными для наших партнеров. Выходит из игры один продавец — у нас на замену готовы

два-три других. Отказывается от контракта один покупатель — мы подключаем из резерва других. Цель "ОГО" — как можно быстрее соединить стрелки между продавцами и покупателями. А значит — как можно быстрее получить прибыль.

— Скажите, как вы сосуществуете сегодня с госструктурами? Не случается ли так, что вам приходится зажимать друг друга в конкурентной борьбе?

— Во время нашего становления благополучно умерли агропром и госснаб. Оказалось, что вести поставки по старым связям крайне невыгодно, так как они были непродуманными. Допустим, пшеницу из Ростовской области везли на Камчатку, когда она есть значительно ближе — на Алтае. Оттуда ее транспортировали почему-то в Питер. Так что при отсутствии обязательности, "неработающих" связях требовалась организация, которая могла бы оптимизировать процесс закупки-продажи зерновых продуктов. Оказалось, что действовать через нас во всех смыслах выгодней и надежней. То, что у нас сегодня на рынке нет конкурентов, вовсе не означает, что мы не хотим, чтобы они были. Представьте, что собрано 100 миллионов тонн зерна, государственные поставки составляют 30 миллионов тонн, а остальные 70 свободно "гуляют" по России. Ежемесячно через нашу организацию проходит 60 тысяч тонн. Это немалый объем — раза в два больше, чем на всех биржах, вместе взятых. Но при этом цифры 60 тысяч и 70 миллионов совершенно несопоставимы. На рынке зерна хватит места еще многим фирмам, аналогичным нашей.

— С какими регионами вы работаете?

— Практически со всеми, начиная от южных зерновых — Краснодарский край, Ростовская область, Ставрополье, — до Карелии и Владивостока. С Украиной, хотя это и не легко, Казахстаном.

— Вы сейчас занимаетесь изучением программы фьючерсной торговли. Она хорошо известна

в практике западного рыночного хозяйства. Для нас же этот вид сделок пока абсолютно неизвестен.

— Зерно — товар сезонный, и именно этот фактор определил судьбу фьючерсных контрактов. Зерно в различные времена года имеет разную стоимость, в которой отражены затраты на производство, подработку, хранение. К тому же урожай зависит не только от воли людей, но и от погоды, и в одни годы он лучше, а в другие хуже. В урожайные годы, когда переизбыток зерна, цена на него резко падает, не оправдывая затрат на его производство. Система хеджирования все-таки позволяет производителю получить ожидаемую прибыль. То есть параллельно существуют два рынка: кэшевый (товарный) и фьючерсный (контрактный). Когда на кэшевом рынке цены падают, они тут же возрастают на фьючерсном. И наоборот. Эта система защищает от случайностей. Если уж разорился, то по собственной вине, а не по вине погоды. Думаю, что нам, как зерновой стране, эта система необходима. Она возникла в 70-х годах и быстро распространилась по всему миру. Но прежде чем внедрять, ее надо как следует изучить. Се-

годня многие пытаются взяться за фьючерсную торговлю, мало понимая ее суть. Мы же, как обычно, начали с предварительной подготовки. Сейчас мы торгуем фьючерсными контрактами на Чикагской зерновой бирже и на собственном кармане постигаем опыт фьючерсной торговли. Когда освоим — займемся этим здесь.

— Сегодня все предприниматели жалуются на трудности, на непродуманные законы.

— Вы знаете, трудности даже иногда помогают. А что касается законов, то есть пословица, что одна голова хорошо, а две лучше. Так вот, сочиняют законы сотни голов, принимает одна, а потом миллионы не менее умных будут по ним работать. Поэтому, если закон направлен не на пользу этих умных голов, то он бесполезный и его обязательно обойдут. Несмотря на все трудности, мы смотрим в будущее с оптимизмом. И не важно, какими дорогами будет идти Россия к рынку. Другого пути у нее просто нет.

Беседу вели
Валерия НЕМЦОВА,
Сергей ВАСИЛЬЧЕНКО
Фото Дмитрия ЛИННИКОВА

Ф и р м а

ОГО

121002, Москва,
ул. Сивцев Вражек, д. 29/16.

Тел.: 244-73-69

244-77-77

Факс: 241-75-05

ПРИДИ И ВОЗЬМИ

**Гастроли
Екатеринбургского театра
юного зрителя**

Будете у них в Екатеринбурге — зайдите непременно: такую тонкую, одушевленную театральную работу не часто встретишь. Было бы заманчиво поговорить о благотворном влиянии провинции, избавленной от судорог погони за новизной, но дело, конечно, не в этом: люди уж очень талантливые, да и обитают они в городе вполне столичном, решая, стало быть, общую для современного театра проблему отграничения собственной периферии. Оба показанных спектакля выглядят свежо, как первый снег, и в очередной раз подтверждают ту мысль, что нет ничего менее актуального сейчас, нежели рассуждения об эксперименте и традиции, а есть лишь желание или нежелание довериться людям, умеющим либо оформлять действительность, либо «одействлять» форму. Первый вариант — спектакль уже известного Москве Анатолия Праудина «Человек рассеянный», опыт реабилитации детского восприятия, в котором (оказывается!) заложены все позднейшие взаимоотношения с миром. Стихи С.Я.Маршака — и оригинальные, и переводы — поняты в спектакле как некая изначальная данность, нечто такое, что не может быть отделено от нас, ибо оно одновременно

возникновению человека из всего остального, — те самые «прелесть что за сказки». Остается извлечь фабулу из магмы детского лепета и разыграть самих себя в лицах и положениях — сентиментальную историю, скомпонованную Натальей Скорород и исполненную актерами с цирковым энтузиазмом и театральным изыском. Второй спектакль екатеринбуржцев — в роде прямо противоположном: фабула навеки задана А.П.Чеховым, персонажи давно превратились в своеобразные маски — и задача состоит в возвращении восприятию первоначальной дрожи перед чудом возникновения совершенно нового театра. Естественно, «Чайка» потребовала от режиссера Георгия Цхвирава сложных и не прямых ассоциативных построений — например, полубалетного дуэта Заречной и Тригорина, но примечательно то, каким образом все это способствует сохранению «традиционных», «масочных» мотивировок. Возникает так же, как у Праудина, чувство уюта и узнавания — а все за счет вкуса к полутонам, мгновенной отзывчивости на малейший намек: демонстрируемое актерами владение игрой «в полный тон», но на малой сцене, просто изумляет. Еще одна важная черта спектаклей: они очень музыкальны, и композитора Александра Пантыкина хочется отметить особо. Так что если вам когда-нибудь понадобится настоящий театр — придите и возьмите: вы знаете где.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ЗАСЛОНЕННОЕ НЕБО

Презентация книги Арво Метса «Годовые кольца»

Помнится «презентация» предыдущего сборника Метса «Галлинские камни» на свежеефонаревшем Арбате, в ходе которой автор, распространявший подписанные экземпляры, был задержан доблестным отделением милиции за торговлю в неустановленном месте. Теперь не то: вечер в Малом зале ЦДЛ бдительные вахтеры охраняли по обыкновению от неблагонадежной публики. Представитель спонсоров книги в кратких, но энергичных выражениях охарактеризовал значение происходящего события, подчеркнув, что хотя поэт и не умеет строить дома или сеять хлеб, а только и может, то писать стихи, но кушать ему тоже хочется. Затем некая ученая дама порадовала собравшихся известием, что до сих пор неизвестно, что же такое верлибр, — после чего стала читать длинные красивые стихи под Гумилева. Ей на смену явились какие-то совсем уж агрессивные стихотворцы, надрывно кричавшие в маленький зал про матушку Русь, которая непременно восприняет... Метс улыбался своей тихой и растерянной улыбкой. Наконец и до него дошла очередь, и зал услышал прозрачные и тонкие, как прежде, письма-миниатюры «о чудесах перестройки», «народе нашем — сфинксе многомиллионноголовом», «пачках купюр» и «осаде нищеты»... А вторая часть вечера была посвящена гибели Арала. Уже без Метса. «Заботами// заслонили от нас// небо», — правду вы сказали когда-то, Арво Антонович. Извините, что стихи цитирую в строчку — надо экономить журнальную площадь.

Итар ТАССОВ

Сцена из спектакля
«Человек рассеянный»

Фото О.Чумаченко

Л.Баранов. Ломоносов
(на выставке «Студии»)

МАСТЕРСКАЯ: ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

**Выставка «Студии»
Галерея «Студия»**

Первая выставка новой московской галереи переводит замученную метафору «внутренний мир художника» в категории пространств, вещей и маршрутов. Выставка посвящена феномену художественной мастерской. С самого начала «Студия» заявила о своем отличии от других галерей — поддержка банка «Столичный» позволяет ей концентрироваться на весьма изысканных проектах. В интерьерах московского особняка на улице Танеевых были представлены работы Л.Баранова, Н.Нестеровой и А.Суворова. Проект С.Базазьянц, Л.Крамаренко, Е.Розенблюма и фотографии И.Пальмина предусматривали некую прогулку по мастерским: удовольствие, давно знакомое искусствоведам, но неведомое светским гостям «Студии» (смело провозгласившей себя не только галереей, но и салоном). Путешествия по мастерским не менее экзотичны, чем путешествия по дикой Африке, потому что сила и энергия человека, сумевшего овладеть мастерской, так

или иначе трансформирует пространство. Мастерская «играет» художника, как свита — короля. Он — владетель здешних мест, и он отвечает за их устройство и процветание. То есть приглашение в мастерскую сравнимо с визой, которой можно и воспользоваться. В известном смысле именно мастерская — самое главное, итоговое произведение художника, дело всей его жизни. Мастерская подробнее автобиографии и значительно ее правдивее. Нет ничего более ложного, чем автопортрет, и ничего более искреннего, чем мастерская.

Во всяком случае, такой пространственный опыт во многом меняет восприятие работ даже столь известных художников. При всей условности реконструкции мир внутренний здесь наглядно трансформируется в мир внешний. Но не без искажений, существуя в мастерской, ты наощупь узнаешь все ее углы. На каждой вещи здесь след твоих рук; на каждом кресле — твой отпечаток, а на поверхности зеркала остались твои бесчисленные портреты, изо дня в день, во всех видах, слой за слоем. Это почти невозможно имитировать.

Выставка стала всего лишь игрой в мастерские, она и не могла быть другой, но этот проект напомнил о тайне и метафизике художественного пространства. Видимо, каждый из нас носит в глубине души священный образ Мастерской, свободно уставленной гипсовыми слепками или заваленной подрамниками — чудесного пространства, где так удобно будет любить и работать. В ее ожидании мы соглашаемся на многое, мы ютимся в подвалах и под крышами, мы радуемся крохотным каморкам, уверяя себя, что это лишь на время. Постепенно мы сживаемся с ними, а они нежно и незаметно приспосабливают нас к себе, взбираясь на плечи, как домик улитки, с которым уже не расстаться и который надо будет носить до тех пор, пока мы не окажемся, наконец, в большой, светлой и удобной мастерской с окнами на райский сад.

Алексей ТАРХАНОВ

ИЮНЬСКИЙ ДОЖДЬ

«Над темной водой»

«Ленфильм»,

реж. Д.Месхиев

Таким было рабочее название фильма. Слово в пику знаменитому хуциевскому киноманifestу 60-х — «Июльскому дождю». Тем более, что на экране появляется персонаж — некий молоденький, в очечках и усиках режиссер, отменяющий съемку только потому, что режиссеры не достали ему воробья, позарез нужного в кадре. Тем более, что автор сценария — Тодоровский-младший, а постановщик — сын известного советского кинооператора Месхиева, чьи ленты омыты тем же июльским дождем. Поначалу такой расклад меня насторожил — не люблю разборок восьмидесятников с шестидесятниками, ибо они напоминают мне законы волчьей стаи, по которым постаревшего и промахнувшегося на охоте безжалостно рвут на части молодые претенденты на его место. Помните, у Евтушенко: «И если сотня, воя оголтело, бьет одного, пусть даже и за дело, сто первым я не буду никогда». И слава Богу, что создатели картины тоже оказались не из «сто первых» и не стали производить анатомическое вскрытие собственных родителей, а просто сняли хороший фильм про их жизнь, их дружбу, их любовь, их смерть. Не биографию, а портрет поколения. И так, жили-были три друга. Художник, впоследствии посаженный за абстракционизм (В.Ильин). Поэт, бабахнувший себе в грудь из двухстволки вследствие рассыпанного набора своей книги и безнадежной любви к жене друга (Ю.Кузнецов). Кинооператор (А.Абдулов), доказывающий собственную смелость прыжками с парашютом, а независимость — водкой и бабами, но любящий только одну женщину — свою жену (К.Качалина). Они жили и любили, как могли. И не вина их, а беда, что таким образом они пытались оставаться свободными в

несвободном мире. А если даже и вина, то я с авторами фильма им не судья, ибо помню: не судите и не судимы будете. Ведь у меня у самого сын подрастает... И еще мне очень понравилась обшая интонация фильма, четче всего прозвучавшая в финальном диалоге умершего отца и живого сына (опять же отсыл к аналогичному эпизоду другой хуциевской ленты — «Заставе Ильича»). В этом диалоге важны не слова, а то, что за ними, — настроение. Настроение, которое иногда возникает после семейного праздника, когда сидишь на кухне с отцом, куришь и чуть снисходительно слушаешь его воспоминания с оттенком назидания про жизнь. «Да ладно, батя, хорош, верю-верю, пошли к гостям». И он не обижается, чувствуя то, что связывает вас навсегда. Твою грубоватую нежность. Она — признак настоящего мужчины. А иногда, как в данном фильме, и настоящего искусства.

Петр СМЕРНОВ

РАПСОДИЯ НА ТЕМЫ РАХМАНИНОВА

1-й Международный конкурс пианистов им. С.В.Рахманинова

Конкурс уже позади. Прошел он вполне пристойно, а с учетом нашей, мягко говоря, окружающей действительности, так

просто блестяще. Русская пианистическая школа доказала в который уже раз, что в мире ей равных нет. И все же... по-прежнему этот извечный вопрос: а нужны ли вообще конкурсы? Понимаю и даже принимаю аргументы их противников, но ведь своими глазами вижу — публика-то на конкурсы идет. А значит, это кому-то нужно. Причем нужно настолько, что организаторы конкурса Рахманинова даже смогли к третьему туру поднять цены на билеты (хотя надо отдать им должное — каждый желающий мог позволить себе удовольствие побывать на прослушиваниях), а заключительный концерт прошел с аншлагом. Слушатели, в большинстве своем пусть и движимые в первую очередь чисто спортивным азартом — кто победит? — в душе, конечно же, жаждали восторгов, сенсации, чуда. Увы! Чуда не произошло. «Рhapsодия» в исполнении конкурсантов оказалась не столь мощно-звучной и пронзительно-трагической, как того требовал первоисточник. Однако приятный сюрприз случился-таки. И преподнесла его слушателям Ольга Пушечникова, всего лишь ученица 11 класса Центральной музыкальной школы при Московской консерватории. Она завершала первый день прослушивания третьего тура, было уже поздно, публика устала и начала потихоньку покидать зал. И вдруг что-то остановило ее. «Легкое дыхание» юной пианистки, как-то очень по-своему, быть может, чуть простодушно, но зато без ложной многозначительности почувствовавшей Третий концерт, заставило остаться, дослушать до конца и с благодарностью поаплодировать. Говорят, внук великого Рахманинова аплодировал стоя. Я, правда, этого не видел...

Олег ПРОХАНОВ

Денис ГОРЕЛОВ

БОЛЬШОЙ

Константину Эрнсту — матадору и человеку

*Когда я вырасту большой,
Я всем вам покажу.*

Д.Быков

Фото А. Тягны-Рядно

Когда он шел к ней через холл отеля «Карлтон», вся команда замерла: неужто наш ниже? Нашлось, метр девяносто четыре, в которого молния безошибочно попадает даже в лесу?

Он был в черном, она была в черном. Он смотрел нагло и с поволокой: «Я с рашн ти-ви, поговорим?»

Брижит Нильсен, бывшая жена малорослого Сталлоне, приняла взгляд, сжала его кисть своими культуристскими пальцами: «Рашн ти-ви? Большой!»

Они были вровень. Группа ликовала: а каблуки-то, а каблуки! Вокруг, щебеча, подпрыгивали малорослые французы.

Впечатлительная Брижитта слезла с каблуков и с легкостью необыкновенной согласилась конферировать вместе с Эрнстом каннский репортаж—93.

Была в этом не только солидарность амбалов, каланчей, коломенских верст. «Знаете, чем вы мне приглянулись? — спрашивала его дама из журнала «Панорама». — На фоне всеобщей прогрессирующей педерастии вы вызывающе равнодушны к женщинам».

И засунула руки в карманы, чтобы не подумали.

Все всё равно подумали. Вспомнилась питерская газетчица, интервьюирующая настоящих мужчин — в постели. Этакая новая Юдифь: ночью — в койку, утром — голову на подносе. «Как я могу без это-

го понять их до конца?» — кокетничала она. Легенда в большей степени касалась самих настоящих мужчин. После интервью с самым популярным спортивным обозревателем эта боевая подруга постриглась в монахини, поняв, что предел совершенства есть и он достигнут.

Короче, за нас, мужики.

«А на тебе эксперименты когда-нибудь прекращали?» — спрашиваю. Он не сказал «Старик!», он не сказал «Ну так!», он не сказал «Обижает». Он заулыбался и пожал плечами, пытаюсь заслонить ими выскальзывающую из его комнаты девушку. Успешно. Я ничего не заметил.

Затем и в кино пришел, и «Матадор» придумал. Возать клинок в упругую толщу плоти — занятие для настоящих мужчин. Любит тормозить кассету с программой: «Узнаешь девушку?» Девушек трудно не узнать: Нильсен, Кински, Ли Кертис — и со всеми он и вправду знался — хоть на поговорить. Но, как правило, не только. Некогда одна из самых приближенных его подруг смотрела по новой что-то из первых выпусков — на экране Настя Кински поправляла челочку, встряхивала головой, моргала в объектив замедленной съемкой под аккорды из «Париж. Техаса»... «Что у тебя с ней было? — обиделась. — Видно и по ней, и по камере».

Костя заулыбался и пожал плечами.

Бабы его любят и прощают. Вопросы задают (почему-то — почему? — девятно процентов данных им интервью брали девушки от 18 до 27 лет). Вопросы девушки от 18 до 27 способны придумать 3 (три). Почему «Матадор»? Почему в черном? Чей у вас имидж?

Четвертый вопрос девушки задать стесняются, но я развею их сомнения: нет, Костя не еврей и не уедет. Эрнст — фамилия немецкая, а евреем он стал только в 8 лет на приеме в баскетбольную секцию, когда ему надоело отвечать на вопрос, который в те годы задавать не стеснялись. «Ага, еврей, — сказал храбрый Ильич. — Есть какие-нибудь возражения?»

Возражения надолго отпали.

Для девушек от 18 до 27: название «Матадор» выбрано из-за созвучия с французским словом «золотой». Все призы Каннского кинофестиваля звучат на один манер: «Пальм д'ор», «Камера д'ор», порноприз «Хот с д'ор». Вот чтоб на их фоне не проиграть, программу пришлось назвать «Мата д'ор». Как это перевести, он сам не знает, поэтому на первый вопрос всегда злится. Главное — маленький Костя, еще носивший обувь 44-го размера, уже тогда думал о будущем, не желая быть на Кот д'Азюр последним чуваком.

Он не был последним.

Член жюри Канна—91 Алан Паркер блестяще мистифицировал общест-

венбрачного сына, результат тридцатилетней давности визита в Россию. «Я теперь его двигаю. Хорош, правда?» — с тихой гордостью говорил папаша Алан итальянскому телевидению. Оба рослые, широколицые, с похожим зачесом длинных волос — Паркер в джинсовке и майке, Костя в смокинге и бабочке, прямой и деликатный, как суворовец: «Да, папа...», «Разумеется, папа...»

Он отлично вписался в искомый силуэт русского медведя, которого сводили в кошачью парикмахерскую и сделали пробор. А ведь еще полтора года назад его встречали доверительным шепотом:

— Вы из России?

— Да-а, — принимал он игру.

— Проблемы.

— Да-а?

— Вечером надо быть в черном.

— Я всегда в черном.

— Не в этом. Нужен смокинг.

— Будет смокинг.

— Это проблема.

— Это НЕ проблема.

Вечером он был в смокинге, и группа была в смокингах. «Знаешь, мы даже Дугласа тогда убрали. Он все-таки свой шил лет пять назад, когда на «Оскара» ходил, а у нас новье, нулевочка — потому что старых не было. Ты верно писал: Зайцев — это наше все. Мы были «роллс-ройс» по сравнению с Дугласом».

Узнав, онемевшая девушка спросила: «Это вы в Париже шили?»

Да нет, говорит, в Москве по случаю.

С тех пор случая умыть заносчивых западников не отпускает. Что-то такое было у Карнеги: помните, парни! — вы не ходите с кольцом в носу только потому, что не родились на берегах реки Конго. Полегче на поворотах.

И все они становятся шелковыми, и послушно орут в объектив: «Матадоррр!» (Интересующимся: фирма «Монтана» на программу «Матадор» зла не держит. Ведущий К.Эрнст, когда его обвиняют в краже дизайнера эмблемы, дико обижается и говорит, что из-за одной латинской «t» нечего такой хипеж поднимать. А буквы «М», «О», «А» в обещаниях грамотах одинаковы, и ничего вы не докажете.)

Нет, он определенно не был последним. Когда в теплую ночь после закрытия фестиваля группа доснимала последнюю подводку в арке отеля «Карлтон» (от 2000 до 11 000 франков за номер в ночь), на бережной напротив собралось человек сто. Разумеется, на 90% короля играл смокинг. В Канне нет билетов ни на один просмотр — бесплатные приглашения, недействительные без аккредитации. А это значит — местные и отдыхающие пусть себе дышат. Они железно вне игры и могут разгуливать в семейных шортах и фиолетовых майках сколько душе угодно — дальше турникета у лестницы их все равно не пустят. А стало быть, славян-

кой наружности парень в тужурке с атласными лацканами, да под сводами «Карлтона», да под камерой — ну никак не может оказаться не пришедшей кобыле хвост. (Знала бы бережная, что ее герой уже десятый день делит двуспальную кровать со своим оператором и звуковиком, смущая персонал окраинной гостинички экзотическими русскими нравами.)

Публика хороша на премьере. Холеный спикер «Матадора» четыре раза пугал текст, на пятый по кадру независимо профдефилировала чья-то из здешних знаменитостей... с ушами, а на шестом дубле дипломатический «рено-баккара» с фестивальной флажкой, втиснувшись между героем и камерой, оборвал шнур от кнопки-микрофона на лацкане. «... ..!» — огорченно сказал Костя вылезавшему из дверей очкарику и вдруг увидел в его руках Золотую пальмовую ветвь. Мимо него в отель прошмыгнул победитель Канна—92 Билли Огэст.

В этот раз в рейтинге «НГ» Костя обставил своего вечного соперника и друга Шолохова по восьми позициям. Радовался, как пионер на Тушинском авиапаркаде. Кто бы мог подумать, что этот избалованный женской лаской и зрительскими симпатиями король эфира столь трепетно относится к любому отзыву о своей работе! Тает или дуется, но никогда морду чайником не делает. Друзья и возлюбленные о том знают, и поэтому после программы к нему не прозвониться. С нуля до двух по пятницам телефон занят мертво.

Он раним и обидчив, как писатель и сукин сын актер, его нужно хвалить, гладить по шерстке и соглашаться, что вон тот общий план действительно ой-ой-ой. Этой человеческой реакцией герой моего романа выгодно отличается от основной массы останкинских индюков — видно, что наш и что тоже плачет. Хоть бы и в одиночестве.

Отсюда и черный цвет: как любой домашний сын из полной семьи, Костя любит крайности, дальние страны и пистолеты в непосредственной близости от кармана. Черно-красные нацистские цвета странно будоражат тихую кровь, потому и избрал в качестве отходняка программу об Адике Шикльгубере и о том, чем пленяет сердца обыкновенный фашизм.

Отсюда и имидж: я мэн крутой, я круче всех мужчин. Приближенным в вальжном плавном увальне хорошо видно длинношеего ерника Бананана. За это его и бабы любят, и друзья со схожими биографиями: «Помните, суки, как я в матроске в песочнице?! Не помнят».

Отсюда и вечные напруги от несоответствия образа трепетной душе. Он все время на виду. Западные знаменитости, дорожащие свое маской, в силах отгородиться от внешнего мира — те-

лохранителями, швейцарами, стенами домов и автомобилей. Виллы их уединенны, выезды редки, а пресс-агенты неболтливы.

Матадор должен быть собран ежесекундно. Вокруг — курящие, сорящие, чавкающие толпы, которые будут рады видеть тебя поднятым на рога. Но ты можешь заставить их стелиться и рукоплескать твоей вызывающей, наглой вальяжности — в том числе не отступая от нее ни на шаг: «просто, братцы, он такой — вот и вся баллада». Извини, бычок, ты рядовой в маршальской драке. Не в обиду.

Матадора знает в лицо весь город. И каждый встречный может сказать вечером домашним: «Видел сегодня вашего Эрнста. На экране туз тузом, а в жизни какой-то потертый». Тебе нельзя бежать, болеть, ездить в общественном транспорте, скакать через две ступеньки, быть неплохо упакованным, навьюченным, смешным. Дома можешь трое суток сидеть на хлебе-чае, как друзья-художники, но на людях обязан курить дорогие сигареты, не выгадывать лишнюю десятку на рынке, небрежно угощать подсевших поговорить. Так когда-то приятель мой, задерживая дыхание от голода, небрежно отодвигал в сторону миски с сичкой, перловкой и прочими солдатскими деликатесами: сержант, даже молодой, никогда не позволит себе питаться помоями. Парень чуть не содох, но заставил презираемую и ненавидимую им массу признать за ним право сержанта.

И Эрнст заставил. Более того. Возможно, именно редкая домашняя раслабуха, хождение по комнатам в халате и слоновых тапках и милостивое позволение себя укармливать особенно трогает участливые девичьи сердца: да ты, зверюга, оказывается, совсем ручной! Поэтому другим вертопрахам мстят, а этому суют при расставании в сумку коробочку английского чая: «Жакопушка! Останься, сокол!»

Так же и публики. Она, в общем, мало отличается от женщин: сможешь навязать правила игры — бери ее, голубу, теплую и живьем. «Простите, а вашего друга случайно не Константин Эрнст зовут?» И так в каждом городе.

С виду все просто — немножко воздушных поцелуев, чуть мулетой помахать, насадить на шампур кусок мяса с рогами. Улыбаться не глянцево, а матово — цену себе зная.

С виду.

В мартовском «сольнике» ушел в глухую несознанку Годар. «Понимаешь, он держал такую защиту, что я ловил кайф: ну да, парень, по-твоему вышло, я на прессухе обещал никому больших интервью не давать, а ты все равно прорвался, и вот мы разговариваем целый час — но больше у тебя ничего не выгорит. Ты и так победитель, и я тебя

уважаю, но я профи, и куда мы в разных весовых категориях, ты побей пока в грушу, сынок». Пришлось выезжать на графике, всяких визуальных примочках.

В 91-м случился прокол с Вупи Голдберг. Вроде бы разговорились, но на пятой минуте он плохо сформулировал вопрос и тут же поплатился: «Говоришь, у Кончаловского были со мной проблемы на «Гомере и Эдди»? — взъярилась в одночасье шоколадка, аж очки на нос взлетели. — Это у меня с ним были проблемы, понял? Кто он такой, чтоб иметь со мной проблемы?» После чего нарочно затараторила на такой гарлемской фене, что даже сидящий рядом Бронсон ни слова не понял.

Знал бы кто, во сколько ему обошлись те фрагменты из фестивального кино, которые он лениво разбросал по программе. 20 минут перегона на спецстудии «Лиазон ТВ» стоили и стоят 2500 франков. В этом году он уже мог себе позволить заплатить. В прошлом дело решили икра, матрешки и русские народные пляски.

— Раз фестиваль престижный — там дедовщина затяжная, флотская, три года, — объяснял Котэ. — В 91-м я и слыхом не слыхивал о приемах и презентациях, на которых в следующем году меня примут как родного. Увидишь.

«Встретимся», — нагло сказал я, хотя уверен не был. Оба года в отличие от него работал под крылом и билеты на презентации сам не доставал. Костя даже в первый раз приехал на свои, да еще и русский перевод себе надывал (как члену жюри толмач полагался давней его подружке Наташе Негоде).

Видит Бог, он станет дембелем, и Джулия Крус, на которую он положил глаз в мае, никуда от него не денется. Я сказал. Дизайнер галереи «Риджина» Олег Кулик, о котором речь в одном из следующих «Лиц со шрамом», однажды заметил, что на Западе, как в наших вузах, действует квота национального представительства. В мозгу западника есть место только для шести великих русских художников. Поздравления успевшим. Седьмому великому уже придется кого-то вышибать и расталкивать, а скорее всего, его просто не будет, седьмого. Баклан, прилетающий поздно, пролетает мимо.

Так же и на Каннском фестивале, где, хоть в лепешку расшибись, русскому кино отведено два места — и делите их сами: чтобы Ельцину взойти, должен померкнуть Горбачев.

Так же и на телевидении. Две вакансии, представленные русским телекомпаниям на кинопоприще, ныне давно и прочно заняты. Там, не мешая друг другу, работают два баклана, всегда прилетающих вовремя, — Сергей Шолохов и Константин Эрнст.

Один гомикует всюю.

Другой — наоборот.

О НЕМ:

Говорят, что он внук публициста Эрнста Генри, которому обязан своей экзотической фамилией, — но это неправда. Говорят, что он сын академика Эрнста, которому обязан своей «мирной» профессией — молекулярная биология, — и это так. Еще он кандидат биологических наук по теме «Динамика синтеза мессенджер-РНК при созревании ооцитов млекопитающих in vitro».

В 17 лет папа сказал: «Дальше не мое дело. Дальше ступай сам». Остались у козлика одна неприкосновенная комната и подарки из загранпоезда. Три года зарабатывал деньги на бегах. Много ездил, много читал, много дрался.

В 1986-м отказался от двухгодичной стажировки в Гарварде, которая поставила бы крест на любой дальнейшей карьере, кроме специальной. От восьми биологических лет осталось название диссертации, которой можно при случае похвалиться перед журналистами.

Занялся монтажом, звуком, техникой, в 89-м сделал с Евгением Додолевым программу — «Взгляд». Перед выпуском она оказалась полностью перемонтированной, снимать фамилию было поздно. «По лицу не биты! — орал прижатый в коридоре профессионал Додолев. — У меня через пять минут эфир!»

С тех пор в ссоре.

Лучшей своей программой считает «Гуд бай, Норма Джин!» — о Монро. Смотрит по вечерам и думает: «Мы все глядим в Пигмалионы...»

Автор сценария «Кататония, или Положение тел», на постановку которого собирает деньги внутри и за рубежом. Соберет, будьте уверены.

Программа-минимум — вся выполнена. Программа-максимум — «Золотая пальмовая ветвь» Каннского кинофестиваля. Для тридцати одного года — неплохо.

В середине 80-х засиделись в обществе кумиров и звезд у соседа и друга Андрея Макаревича. Когда Андрей вышел проводить гостей к метро, жена спросила, уютно ли Косте, никому не известному биологову сыну, сидеть в кругу светил. Не беспокоит? «Ничуть, — ответил биологов сын. — Я очень крутой, можешь мне поверить». Через четыре года она позвонила: «Сдаюсь. Ты и в самом деле крут».

«Ты даже себе не представляешь, насколько», — ответил матадор и зажмурился.

ОБЪЯВЛЕНИЯ В «СТОЛИЦЕ»

**ЭТО НАДЕЖНО,
УДОБНО,
ДОСТУПНО
ВСЕМ!**

*Продать собаку или ковер,
купить телевизор или
автомобиль, снять
квартиру, подыскать новую
работу, найти партнера
в бизнесе, друга или
любимую — все это можно
всегда сделать с помощью
нашего журнала.*

«Столица» продолжает
публиковать
частные объявления
граждан.

Эффект потрясающий.

*Звоните, пожалуйста, нам
по телефону 928-83-90*

ПРОДАЮ

Продается 2-комнатная квартира рядом с метро «Сходненская».
Тел. 215-78-39.

Продаю автомобиль-фургон модели ГАЗ-3307 грузоподъемностью 4 тонны.
Тел. 350-78-18, после 19 часов.

Продаются щенки кавказской овчарки. Разведение — клуб «Зоосфера». Отец вольтерного содержания, победитель выставок.
Тел. 371-47-97, Ирина Сергеевна.

Продается автомобиль «Dodge», 48 г. В идеальном состоянии. Богатым для представительства.
Тел. 268-12-02.

Продаю 4-комнатную квартиру в районе станции метро «Тверская», «Охотный ряд».
Тел. 360-81-37.

Продам или сдам квартиру.
Тел. 169-62-41.

В центральном районе г.Курска очень дорого продается двухэтажный дом общей площадью 120 кв.м. Газ, водопровод, АГВ. Садовый участок 5 соток, плодоносящие яблони и вишни.

Москва, Главпочтамт, до востребования, Кутеповой Т.И.

Продаются перспективные щенки добермана.

Уникальной крови ведущих питомников Западной Европы.

Отец — чемпион. Лучший Представитель породы. 2-кратный победитель BIS, сын чемпиона мира, крови ФРГ. Мать — чемпион Москвы, 3-кратный Лучший Представитель породы, 5-кратная Лучшая сука, 12-кратный победитель. Дорого.
Тел. 447-39-38.

Для любителей кружевоплетения продаю книгу Курбатской «Фриволите». Более 40 схем готовых изделий по зарубежным журналам.

Магазины в Москве: «Молодая гвардия» — метро «Полянка», «Мир» — метро «Сокол».
Тел. 572-92-26.

Продам или сдам квартиру.
Тел. 456-74-77.

ПРЕДЛАГАЮ

Предлагаю надомную работу по пошиву изделий из кожи.
Тел. 378-56-67.

Пожилкой женщине нужна помощница по хозяйству. Предоставляется жилплощадь для проживания.
Тел. 351-61-81.

Предлагаю пожизненное материальное обеспечение и обслуживание одинокому престарелому человеку за право наследования жилплощади.
Тел.: 469-22-00, 360-81-37.

Приглашаем на работу рекламных агентов.
Тел.: 378-56-67, 360-81-37.

Предлагаю работу общительным и энергичным пенсионерам.
Тел.: 378-56-67, 360-81-37.

Продаю: свадебное платье из шелка с длинным рукавом. Размер 44—46.
Тел. 391-58-02.

Курсы росписи по дереву. Окончившим предоставляется работа.
Тел. 482-90-66.

У вас будет чем удивить ваших гостей! Слайд, фильм «Великий мистификатор, или Правда и вымысел о сюрреализме, рассказанные Сальвадором Дали» (любая из шести серий по 24 цветных слайда + либретто), воспроизводимый на любом диапроекторе, может стать изюминкой домашней вечеринки, дискотеки или замательнейшим фильмом-лекцией в колледже, гимназии или клубе. Аннотации и каталог — бесплатно. Письма с вложенным конвертом по адресу: 603098, Нижний Новгород, а/я 99.

Тел. (8312) 37-08-44.

Выездная фотосъемка произведений искусства.

Тел. 264-52-41.

Испанский язык за 20 уроков.

Тел. 112-42-01.

Сниму однокомнатную квартиру на Юго-Западе. Молодой приличный человек некриминальной национальности без разрушительных привычек.

Тел. 923-19-71, Дима. Звоните с 12.00 до 18.00.

ЗП, визы.

Тел. 194-19-26.

Избавлю от лишнего веса, гипертонии, аллергии.

Тел. 901-52-28, 909-43-42.

Срочный перевод с/на английский деловой и личной переписки, документации, контрактов, договоров и т.п.

При желании возможно оформление и перепечатка. Цены умеренные.

Тел. 229-51-97, Александр Борисович, звонить вечером.

МЕНЯЮ

Меняю 3 ваучера на домик на Верхней Волге (ближе к Твери).
Тел. 251-20-28.

Меняю Одессу на Москву.

В ОДЕССЕ:

Двухкомнатная квартира 35 кв. м (21 + 14), кухня 7 кв.м, на 1-м этаже каменного 2-этажного дома в районе Молдаванки. Имеются палисадник и сарай.

Нужна жилплощадь в Москве или ближнем Подмосковье.

Одесса, ул. Индустриальная, 21, кв. 4, Куликова М.В.

Москва, тел. 470-56-86.

Меняю ваучер на небольшой домик в деревне на берегу Волги.

123181, Москва, ул. Катюкова, дом 15, кв.78, Березкина Н.И.

КУПЛЮ

Куплю, сниму квартиру.
Тел. 215-20-88.

Куплю, сниму квартиру.
Тел. 168-67-92.

Антресоли

Рубрику ведет Николай МАЛИНИН

Вookолика

НА «ЯТЬ»!

Книжки в руках развешиваются, буквы не пропечатываются, обложки все смягчают и смягчают... В эти скорбные дни, когда была культура книгоиздания поминается ежечасной минутой молчания, студия «Ять» продемонстрировала, сколько еще пороку в пороховницах и куда Макар телят не гонял.

Пять книжек — мал мала меньше. Финская бумага. Ручной работы переплет. От 450 до 650 экземпляров. Все — номерованные. А как пахнут!

Чести быть изданными подобным образом удостоились книги, выпущен-

ные в двадцатые годы зерными тиражами и давно ставшие библиографической редкостью. Это «аквилонова» «Бедная Лиза» с рисунками Добужинского, «Волшебный фонарь» Марины Цветаевой (изд-во «Оле-Лукойе»), сабашниковская «Книга Руфь» и, наконец, два «гвоздя» серии «Возвращение книги»: «петрополисовские» Анри де Ренье («Семь портретов» в переводе Михаила Кузмина) и «Портреты» Юрия Анненкова.

Отпечатано все это в типографии «Прессы», а стоит — 25 тысяч рублей.

Bookselling

МНЕ «ГИЛЕЯ» ВСЕХ МИЛЕЕ

Непонятно, зачем «Литературке» понадобилось сообщать, что на прилавках нового книжного магазина «Гилея» (Знаменка, 10) лежит двухтомник обзериута Александра Введенского. Я пришел — а его нет. И только в конце февраля ожидается.

Впрочем, есть много всякого другого. Учредило магазин одноименное из-

дательство, а потому в продаже «гилейские» Крученых и Радов. Помещение дал Институт государства и права — поэтому масса юридической литературы. Полно старых книг, а из новых магазин тщательно выбирает «пофутуристичнее». Есть эксклюзивные (аж из города Ейска) книжки Крученых и Малевича. На пятитомник последнего

скоро будет подписка. А есть вещи уникальные: например, не обозначенное в каталоге «Ленинки» изложение бергсонова учения. В общем, про-

лякам здесь — кукиш.

А работают в магазине пока два человека. Третьим будет пиит Александр Еременко.

Надеемся только на крепость book

КАК МЫ ОБОЛГАЛИ МАРКА ФРЕЙДКИНА

Если бы наша рубрика была посвящена театру, она бы, наверное, называлась «Галеркой». Ибо взгляд наш поверхностный, несерьезный и непристальный. Но это вовсе не повод обижать хороших людей и их славные начинания.

Поэтому мы приносим свои извинения М.Фрейдкину, хозяину книжного салона «19 октября». Дело в том, что в репортаже с его открытия Эдвард Лир был совершенно кощунственно переименован нами в Эрика Бира, а самое главное — написано, что книжки здесь на 25% дороже, чем в иных магазинах. Что есть сущая ложь, ибо 25% — это лишь сумма, накидываемая магазином на отпускную цену, а общий результат часто получается весьма «некоммерческим». Сим извещаем, что бестолковый корреспондент наказан плетью и сослан в Туруханский край.

Впрочем, глянец перво-

го дня и всяческие фанфары действительно внушали некоторые опасения. Которые — развешиваются. Сегодня нигде в городе нет такого выбора отличной литературы, как в Казачьем, 8. Судите сами: два Борхеса, Поппер, Пруст в двух видах, Терц с Воннегутом, «Мнимости в геометрии» и «Сандро из Чегема», воспоминания Фета, Ломброзо и Айрапетян, Виан и Веничка, «Даблоиды» и митьки, куча стихов (от Бродского до Вишневского) плюс какой-то полупиратский Бодлер («Литпамятники» без комментариев), а также с полсотни книжечек, изданных черт знает кем и где, за свой и чужой счет, но главное — убеждающих, что процесс все еще идет!

Мало того. Недавно магазин объявил о своем присоединении к малопопулярному движению «Книга — почтой» и отныне рассылает всем желающим в провинции свои каталоги, а затем и вожделенные книги.

Вокруг да около book

ПИКНИК ГУМАНИТАРИЕВ НА САМОЙ ОСЕВОЙ

«Для духа одинаково убийственно обладать системой, как и не иметь ее вовсе», — писал Фр. Шлегель. Бессистемная систематичность и систематическая бессистемность, А.Ф.Лосев и Урсула Ле Гуин — все сме-

шалось на страницах нового культурологического журнала «Апокриф».

Его редакторам, А.Махову и И.Пешкову, самим немного не по себе от такого размаха. Поэтому в беседе, которая растыкана по всем 146

страницам, они предсудомотрительно объявляют себя людьми «внеаходимости». А затем провозглашают программу: «Выбить всех к черту из академических экологических ниш!»

А в чем, собственно, дело? Кризис гуманитарного знания. Гиперспециализация. «Познание — это концентрационный лагерь культуры... обскурантизм безостановочного искажения истины... изолированное искание истины обычно ведомственно».

Решить эти проблемы должна новая теория синтеза гуманитарных

наук — новая риторика (или риторика поступка), основы которой заложены М.М.Бахтиным. Выйти из лагеря познания, почувствовать в себе голос Другого, т.е. научиться общаться — вот что необходимо современному мыслящему человеку, **homo verbo legens** (человеку, действующему словом).

В зависимости от результата этого сдвига — реформы социально-экономические. Надо думать, «Апокриф» — первый шаг на этом пути к свободе.

Андрей ОЛЕЙНИКОВ

Бам-book

ТРЕПЕЩИТЕ, ПИРАТЫ: ПЕТУХОВ ВЫХОДИТ НА ТРОПУ ВОЙНЫ

Писатель Юрий Петухов, владелец заводов, газет, пароходов, а также издательства «Метагалактика», журнала «Приключения, фантастика» и газеты «Голос Вселенной», прислал в редакцию письмо. (Чем окончательно развеял сомнения в своем существовании.)

«Нет управы на торжествующее жулье, слизывающее пенки с чужих кастрюль», — жалуется Петухов. В Магадане еще два года назад присвоили петуховские 120 тысяч, а в Иркутске его «кинули» на 15 миллионов. «Может быть, «предприниматель» Малышев В.В., владелец

МП «Патриарх», и не совсем осознает, что он творит», — гневается автор письма. Ну что тут скажешь? Петухов, простите им, бо не ведают, что творят!

«Я не пытаюсь заменить собою суд (А зря. У вас бы и это получилось! — *Н.М.*), но на страницах своих изданий начинаю кампанию против окололитературной мафии под рубрикой «Держи вора» и предлагаю всем пострадавшим писателям обращаться ко мне... Тиражи наших изданий — под миллион, Россия узнает своих «героев».

Шухер, господа.

Book-будущее

«РЕСПУБЛИКА» ПОДНИМАЕТ ПЛАНКУ

Кончилось время собраний сочинений и книжных серий. Инфляция вмиг пожирает залогов и задатки. Гофман заглох на первом томе, Гамсун — на втором, Пастернак дотянул до четвертого, а Хлебников с Грэмом Грином вообще не появились.

Тем удивительнее попытка издательства «Республика» начать новую серию. Впрочем, надежда есть: «Мыслители XX века», сменившие «пламенных революционеров», потихоньку выходят, да и «Библиотека этической мысли» — тоже... Рассказывает о новой серии известный литературовед **Андрей Дмитриевич МИХАЙЛОВ**:

— Однажды Борис Слуцкий спросил меня: «А если б не было Советской власти — кем бы вы были?» — «Издателем».

«А почему сейчас вы не можете этим заниматься?» — удивился Слуцкий. «Потому что в нашей стране нельзя быть издателем — то есть нельзя издавать то, что хочешь».

Тем не менее издавал я очень много, и вот два года назад ко мне обратился — тогда еще Политиздат — с предложением выпустить какую-нибудь хорошую книгу. И я предложил им не одну книгу, а целую серию из 30 книг — «Новелла эпохи Возрождения».

Почему новелла? У каждой эпохи есть свой, наиболее характерный жанр, в котором эта эпоха себя максимально выразила. Например, для Франции XVII века — это драматургия, а для Италии, Испании, Франции эпохи Возрождения — новелла. Увы, из новеллистов того времени у нас известны лишь Боккаччо и Саккетти.

Первые две книги — это «Новеллино» Мазуччо и «Гептамерон» Маргариты Наваррской. Первая была издана у нас в 1931 году издательством «Academia», но очень характерные концовки каждого рассказа там были опущены. Мы их перевели, книга дошла до корректуры, но застряла, потому что издательство боится не собрать тираж... Мне же кажется, что Мазуччо, хотя и менее знаменит, чем Маргарита Наваррская, интересен не менее и, как это ни смешно, даже более «неприличен». Впрочем, ничего «страшного» в «Новеллино» нет, это не маркиз де Сад, которого я бы издавать не стал.

Впервые в России будет издан сборник XV века «Сто новых новелл». Его когда-то перевел целиком Б.Ярхо, но был репрессирован, и печаталось оттуда 5—6 новелл. И никогда не переводились у нас 30 самых «неприличных» новелл Саккетти, которые также войдут в его том.

Самая почетная задача — издать итальянского новеллиста XVI века Банделло. Он внес в новеллистику трагическую струю, Шекспир у него заимствовал сюжеты (или, по крайней мере, хорошо его книги знал).

Очень мало выходило у нас испанских авторов, требует переиздания Тирсо де Молина — особенно его «Толедские виллы», где собраны и стихи, и комедии, и новеллы...

А вообще я думаю, что сейчас наступает время классики. И я рад, что многие издатели также думают. Фундаментальных изданий катастрофически не хватает! Ведь вот на Западе не боятся издать книгу, где комментарии занимали бы больше половины объема. А у нас раньше до курьезов доходило: на каждый тип издания Госкомиздат устанавливал допустимые нормы объема комментария. Люди сидели и считали: «У вас 27%, надо сократить до 25%!» Традиция умирает, но медленно.

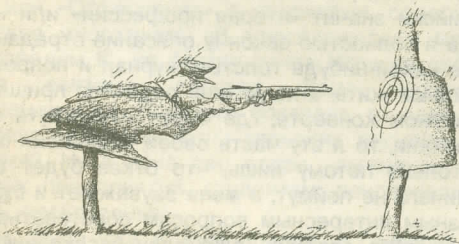

Рис. А. Червякова

Евгений ПОПОВ

Страдания фотографа Ученого

Ученый Григорий Гаврилович с давних лет воевал в рядах бойцов идеологического фронта, а попросту говоря, работал фотокорреспондентом в нашей газете «К-ский комсомолец» и был все время очень даже известный человек, не только в городе К., стоящем на великой сибирской реке Е., впадающей в Ледовитый океан, но и за пределами его окрестностей, так что все кругом, даже дети, звали его по имени-отчеству и лишь иногда, по делу, — товарищ Ученый.

А странная фамилия досталась Григорию Гавриловичу при дележе наследства старого мира.

Или, вернее, от бабушки по имени Иван, отчеству Иванович, а по фамилии Сученый, которую он получил от барина своего, средней руки господина, за то, что служил на псарне и сам непосредственно занимался вопросами случки сук, за которых непосредственно и отвечал. Барин же, когда холопу гадкую фамилию придумал, немного развеселился от грусти тогдашней жизни и вызвал Ивана Ивановича, Ивашку, в белокаменные палаты, чтобы новые биографические данные ему сообщить.

И даже хотел компенсировать моральный ущерб рублем на водку, но Иван Иванович от суммы отказался, потому что его жег классовый гнев. Тогда барин послал слугу на конюшню, где стихийного борца крепко вспороли, после чего тот упился в трактире купца Мясоедова немедленно, но уже на свои трудовые деньги.

А чуть-чуть погодя, после того как царь Александр Второй, тот самый, что однажды продал американцам Аляску, якобы освободил в 1861 году крестьян, жизнь Иван Ивановича стала немножко лучше, но фамилию ему менять все равно никто не стал, потому что не то это было время, чтоб менять фамилии всем простым людям.

И тогда родился у него сын по имени Гаврила. Родился он на несжатой еще к тому времени полосе, в полуденный зной, во время горячей жатвы. Мать просто бросила серп и отошла на самое короткое время в сторонку, а вернулась уже не одна, а с ребенком, которого крестили потом в светленькой деревенской церкви (события-то все, надо сказать, сначала происходили на европейской части территории России, ибо переезд семьи Сученых в Сибирь произошел в незафиксированный момент одного из социальных катаклизмов, время от времени сотрясающих Державу).

На крестины явился из любопытства даже барин, который к тому времени очень иссох и посинел от постоянной грусти и пьянства. Он опирался на клюшку, скалился и подарил новорожденному «на зубок» рубль, впоследствии оказавшийся фальшивым. Очевидно, и тот рубль, который ранее предлагал эксплуататор верному псарю, тоже был из неучтенного металла, так что Иван Ивановичу нужно было очень радоваться по такому случаю, но он вскоре умер, заснув зимой не там, где надо.

А сынок его Гаврюша незаметно укрепился на земле и достиг такого благополучия, что даже ходил одно время в хороших смазных сапогах и «антиресном таком» спинжачке, и картузик у него завелся, ясно, с лаковым козырь-

ком и двумя черненькими пуговками. Говорили, что он обделывал одно время какие-то темные делишки, но не по своей вине, а по причине, что барин на крестинах сглазил. Но это факты непроверенные, и стала их уже проверять полиция, когда грянула империалистическая бойня 1914 года, отчего Гаврила Иванович Сученый угодил в царские окопы, где и встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года совсем немолодым человеком.

Из горнила революции он вышел заметно помолодевшим и без заглавной буквы «С». Просто «Ученый». И характер его занятий тоже немножко изменился.

«ТИР — УЧЕНЫЙ. 10 ЗАЛПОВ ПО ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ» — свидетельствовала зазывная надпись над дощатым заведением около городской бани, которое он открыл незамедлительно после объявления нашей партией курса «Новой Экономической Политики».

Один художник-реалист, а по тогдашним временам — безработный, красиво нарисовал Гавриле Ивановичу за небольшую мзду портреты девяти министров и еще за чем-то — царя Николая. Так что за мелкую копейку всяк мог в них стрелнуть, а также это развивало глаз. Художник любил нанимателя и часто приходил подновлять пробитые мелким свинцом полотна, пока его не взяли рисовать с натуры каких-то важных людей. Гаврила Иванович первое время функции реставратора исполнял сам, и вскоре физиономии угнетателей приобрели такие фантастические очертания, что поток любителей меткой стрельбы значительно схлынул. А беда, как известно, одна не приходит, подружку за собой ведет — вскоре Гавриле Ивановичу при случайном выстреле случайно поранили глазное яблоко, и он окривел. Одноглазым Гавриле Иванович существовать не захотел и вскоре умер, оставив после себя на земле сына Гришу, основного героя моего рассказа...

...который я пишу ночью на кухне, уложив жену и ребенка Альфреда спать, и собираюсь рассказывать я эту историю обстоятельно и подробно, потому что она не только интересна, но и поучительна, как интересно и поучительно все то, что изменяет жизнь человека в лучшую или худшую сторону. Правда, сам я не профессиональный писатель в полном смысле этого слова, а молодой рабочий, но я довольно культурный, если не сказать больше, и историей страданий фотографа Ученого занимаюсь потому, что это мое «хобби», а сейчас у всех есть свое «хобби», что по-английски значит «вторая профессия» или «желание», и когда я полностью закончу описание страданий, то pošлю его в какой-нибудь толстый журнал и попрошу совета, как дальше жить, а когда мне редактор пришлет ответ в фирменном конверте, где будет отвергнута просьба о напечатании, то я эту часть своей переписки покажу знакомым, только потому лишь, что отказ будет вежливый и они ничего не поймут, а меня зауважают и будут со мной по разным интересным вопросам советоваться, а я на основании этого, глядишь, еще один рассказчик нака-таю, и у меня будет уже два рассказчика, и я pošлю их в

другую редакцию, и опять получу красивый конверт, и у меня накопится много-много красивых конвертов, и это будет — коллекция, а следовательно, еще одно «хобби», а чем больше «хобби», тем богаче духовный мир человека. Но тсс, как читал я в книге, «наш герой заждался нас...».

...так вот. Младший Ученый получился совсем не таким, как папаша, по нэпачеству не пошел и все заведение с портретами продал некоему столыару, у которого было три жены и ни одного ребенка. На вырученные деньги он приобрел на барахолке самую лучшую фотокамеру, а именно аппарат фирмы «Кодак», построенный в далеко зареволюционные годы. Именно благодаря этой камере, а также стараниям бывшего владельца фотоателье «ГРАФ РИПЕР-ПИПЕР» Замошкина Ученый превзошел науку фото, побегав годик в фотомальчишках.

Ну а потом прошло много-много лет, и вот воля моя, как рассказчика, переносит цепь событий прямо в фотолaborаторию «К-ского комсомольца», освещаемую изнутри красными фонарями. 1959 год. Первое апреля. Сидит на кожаном стуле Григорий Гаврилович Ученый и строго смотрит на приказ об увольнении по собственному желанию. И конечно же, в жизнь бы не поверил Григорий Гаврилович в такой приказ, потому что он читал в книжке «Золотой теленок», что так шутят. Но, увы, это оказалось жестокой правдой. И уволили его не за пьянство какое-нибудь и не за аморальное поведение, и не за прогулы даже, а по одной простой причине — больно паскудно стал Ученый за последнее время фотографии лепить, прямо безобразие: даже иногда глянецовать не заботился, ну как же так можно? И черт его знает, почему раньше это сходило, а теперь вдруг ни в какие ворота не полезло.

И не поверил Григорий Гаврилович в такой приказ и пришел на следующий день в редакцию газеты «К-ский комсомолец» и там встретил молодого человека с голубым университетским ромбиком на лацкане пиджака и желтого цвета журналом «Юностью» в руках. И сказал молодой человек такие слова:

— Поверьте, это мне так немного неприятно, что как-то так, быстро, не спросясь, не поняв, не подойдя. Видите...

И держал он себя очень стеснительно по причине двойственного своего положения.

— Нет-нет, не огорчайтесь, — задумчиво отвечал Ученый, — вы — молодежь, у вас в нашей стране впереди великая дорога, а мы, старики, должны помогать вам и выручать вас по мере сил и способностей.

— Не огорчайтесь, — еще говорил Ученый, — ибо древние писали, что неприятность — это скорлупа ореха, скрывающего неудовольствия. А впрочем, я за вас не боюсь и думаю, что вы с моим делом управитесь.

А ведь и верно. Чтобы было молодому человеку с университетским значком и вправду не управиться с делом Григория Гавриловича, продукция которого, подобно говядине, разделанной в торговой сети, четко делилась на сорта и категории.

Был у него портрет, то есть лицо человека различной профессии. А также групповой портрет, где фотокор из хитрости в один ряд никого не ставил, создавая глубину изображения, чтобы не обозвали халтурщиком.

И еще этюды на четвертой полосе — «Славный денек» или «Объяснение» с подписями, содержавшими лирические многоточия. «В живописнейшем месте ельника под городом К., на берегу речки Игручая скоро расположатся светлые корпуса Дома отдыха колхоза им. Шеманского. Если его построят, то здесь отдохнут и поправят здоровье сотни сельских тружеников и членов их семей. Ну а пока лес отдан... лыжникам, рабочим городских предприятий, студентам, пенсионерам. Ведь сегодня... воскресенье!»

Итак, было уже второе апреля, и Григорий Гаврилович вышел на апрельский тротуар и задумался, а так как пиво

у нас в городе К. очень трудно достать, почти невозможно, то изгнанник отправился на колхозный рынок, где человек неизвистой национальности по фамилии Иванов из среднеазиатского колхоза «Первый Май» успешно торговал в розлив сухим вином.

И вот там-то Ученый и встретил давнишнего друга, которого все звали Сын Доктора Володя или Фазан. С ним они когда-то давно вместе изучали хитрое дело мастера Дагера.

Друзья обсуждали разные мелкие проблемы, например, полное отсутствие всякого пива в городе К. Фазан сказал, что это все потому, что умер Карл Францевич, наступила преждественная кончина Карла Францевича, старшего мастера пивзавода.

— Хороший человек был, царство ему...

— Немпо он был ведь, да? Немец Поволжья?

— Угу. В сорок первом к нам попал...

...И я на секунду прерываю свой рассказ, чтобы почтить Карла Францевича, кудесника К-ского, точно хороший он был человек, хотя и утверждал непосредственно перед кончиной, что является побочным сыном Санценбахера, того самого, что еще в Одессе пиво варил, что чистой неправдой оказывалось, если рассудить.

А также поговорили они и о том, как меняются времена. Вот совсем недавно торговали в городе К. вином а-адни грузины, а теперь ведь и не найдешь их при спиртном — все ушли в строительные организации.

— Веление времени, — растрогался фотографы.

— А ведь меня, Сын Доктора, тоже «ушли», — честно сказал Ученый.

Фазан немедленно заказал еще вина.

— Не могу смотреть, как эти мальчишки, — невысказанная сердечная боль заставила старого бойца махнуть рукой.

— Может, Гриша, ты кого не того снял, — робко попытался Сын.

— Да не в этом дело, — уже суетился Ученый.

...И действительно дело было не в том, а в чем — я логического вывода сделать не могу, и в этом моя слабость, хотя в качестве оправдания я могу выдвинуть две причины: первую — что я мало читал классиков, а вторую — что мой сын Альфред неожиданно проснулся и хочет писать. И обе эти причины можно ликвидировать только по истечении некоторого времени...

И грустные друзья долго еще беседовали в окружении винных бочек, пока не решили, что Ученому лучше всего остаться здесь же на базаре, в фотографии, где суют голову в дыру, и которой в последнее время заведовал драгоценный Фазан, он же Сын Доктора Володя, он же Гунька, он же Гурий Яковлевич Сыбин.

И хотя далека была эта работа от родной, газетной, — Ученый и здесь не огорчался и слегка даже нашел себя.

Потому что имелись в базарном фотоателье различные увлекательные композиции: дева у колодца, казак на коне, тройка, а также синее море, на берегу которого в беседочке миловалась пара, освещаемая зеленой луной, а вдаль тем временем уплывала неизвестная морская посудина по названию «Стелла». Все эти заманчивые пейзажи писались масляной краской на холсте, и посетителю нужно было только голову в дыру, специально для этого вырезанную, совать. А впрочем-то, зачем я вам подробно так объясняю устройство фотографии той? Ведь вы же бываете иной раз в наших маленьких городках, когда у вас нет срочных дел, и сами все прекрасно знаете и видите? И новое место работы моего героя вовсе вам не в диковинку, не правда ли?

Ну, поперву дело хорошо шло, а все потому, что Ученый, от природы выдумщик, изобрел две новые необычные композиции. Одна из них являла собой необъятные сельские просторы, засеянные не то соей, не то кукуру-

зой, на всю свою площадь. И на фоне этих растений существовал неизвестный человек в белом пыльнике и белом картузе, с портфелем под мышкой, в коричневых штиблетах. Кто он? Агроном ли? Председатель ли? Или просто русский администратор — не знал никто из людей, этим вопросом интересующихся.

Но очень эту композицию полюбили приезжие, не председатели, конечно, упаси бог, а рядовые колхозники, сбывающие излишки сельскохозяйственной продукции, колхозники, которых за такие операции в то время не очень-то жаловали, как это недавно выяснилось.

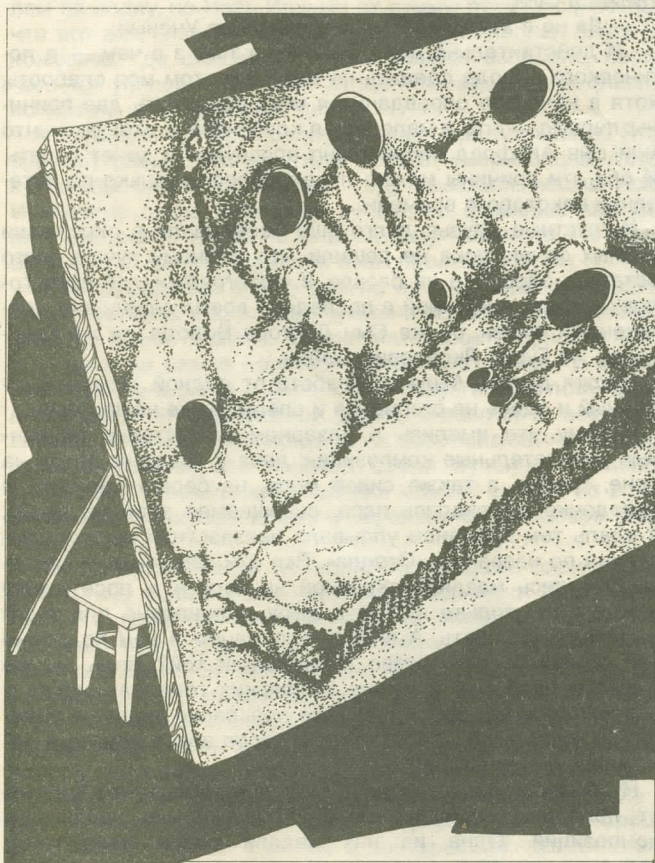
А вторая тоже хорошая композиция была, со знаменем. Собрались в одном месте представители трудящихся разных видов и национальностей: сталевар с клюкой, дед с пшеничными усами, много горняков, а также пионер с барабаном, делающий салют, — изобретено это все было для семейного фото.

И сама фотография под конец стала представлять в некотором роде идиллическое предприятие, олицетворяющее абстрактный гуманизм и связь прикладных изделий с народом.

Молчаливо уважали колхозники Григория Гавриловича, который, накрыв голову черной шалью и строго отставив зад, кричал про вылетающую птичку, выражали ему свое одобрение и торговки ливерными пирожками, расположившие свои сундуки по радиусам во все стороны от фотоателье и тем собравшие немало покупателей и бродячих псов, рассчитывавших на легкую поживу. И воробы копошились там в прели, выклеывая овсяные зернышки из навоза. И даже некоторые наши поэты-романтики забегали, чтобы что-нибудь подсмотреть, а потом написать стихи о святой простоте и утраченных идеалах.

И так хорошо все шло, что в скором времени наверняка

Рис. О.Разиной

избрали бы Григория Гавриловича заведующим фотографией колхозного рынка.

Но нет ничего вечного на земле. Нету. Кончились однажды и счастливые деньки базарной фотографии.

А все из-за зловредного этого «К-ского комсомольца», который, таким образом, вторично обидел Григория Гавриловича. Напечатали они статью под названием «Суррогат искусства», где было говорено на фотографию много упречливых слов, после чего все композиции и их радетеля убрали из фотографии вон.

И опять отправился товарищ Ученый к человеку неизвестной национальности по фамилии Иванов, где и повстречался в новый трудный для него час с Сыном Доктора Володей, который к тому времени был переведен из фотографии на какую-то большую должность при кладбище от горкомхоза.

— Что, Гриша, годы идут, а нас все... — засмеялся Сын.

— К месту говоришь, хорошо, правильно, — одобрил Ученый.

— Пошарили, ли как?

— Точно. По статье.

— Газетной?

— Угу. И по собственному.

И Иванов крутил, крутил крантик винный, крутил, а потом больно осуждающе на друзей смотрел, потому что их деньги карманные уже все к нему перекочевали, а эти люди нехорошие знай стоят рассуждают, без совести, без стыда совсем, понимаешь, качаются, и милиционер на них смотрит, а это позорит, потому что и так начальство про ларек сомневается, и про Иванова сомневается, вот какие дела, уй, лучше б шли вы домой, люди, раз друг друга больше угощать не можете!

А Гулька, верный друг, уже предлагал Ученому занять скромную, но почетную должность фотографа по мертвецам.

И выкатилась слеза из правого глаза Григория Гавриловича, и обронил он только: «Эх, Фазан, многим я тебе обязан, старый ты дружище мой!»

Фазан тоже плакал, не стыдясь своих слез, но не искренне. «Эхма, жизнь — тьма, а держаться человека надо...»

И тогда отдали они неприступному посланцу солнечных стран ручные часы «Победа», принадлежавшие Ученому, и на них выпили столько вина, что началась первая весенняя гроза, и грохотал гром, и шумел воздух, а они шли по улице и пели, и ливень хлынул, и влюбленные уже прятались в телефонные будки, стеклянные телефонные будки, по которым вились водяные жгуты, а друзья шли простоволосые, шли и спрятались в подворотне, где и нашли меня. А так как давно не ценили меня за гордость и сочинительство, то после короткого разговора набили мне морду.

Уважая товарища Ученого, как концентрат жизненных метаморфоз, я подал-таки на суд, чтоб им с товарищем дали по 15 суток.

Но Григорию Гавриловичу выдали всего трое. Вот и хорошо сделали, потому что человек он уважаемый, а также — герой моего рассказа, и вмешиваться в его судьбу я не имею никакого права. Жаль только, что подлец Сынбину почему-то опять вышел сухим из воды, но, с другой стороны, — кто ж будет с мертвецами всякие административные действия проводить? Так вот посмотришь на Божий свет и увидишь, что всякая тень имеет свои светлые крапинки.

Итак, вступил Ученый в свою новую должность, предпоследнюю. А должность эта заключалась в том, чтобы заснимать усопших прямо в гробах, придавая им с помощью фотографии вид торжественный и суровый, и чтоб скорбные родственники тоже горевали на снимке; на одном жена, на другом детишки, на третьем жена и детишки вме-

сте. А если была у покойного мать жива, то Ученый и с ней делал снимок, но матерей обычно не было, потому что они умирают раньше тех, кого родили.

А отцы и подавно.

Кстати, помог Ученый и мне в трудный для меня час — запечатлел папашу моего, когда тот распрощался со всеми земными делами. И я на фотографию эту не могу смотреть без рыдания.

— Эх, — думаю, — и пес же ты, Григорий Гаврилович, хорошо ты меня изобразил — суровости и печали у меня во взоре много. — Да и от бати ему тоже спасибо. Знал бы батя, что такой солидный внушительный Министр из него получился после смерти, так он, наверное бы, даже раньше умер.

Однако в моральном отношении здорово сдал Григорий Гаврилович, а все потому, что связался с лабухами, музыкантами, которые за гробом идут. Очень уж они через свою профессию стали большие циники и скептики. Именно от них шло множество слухов не только про покойников, но и про живых людей, а именно: что мертвецов часто *потом* в гробах находят живыми, дескать — рвались-рвались на свободу они, а *потом* только и померли. И я раз сам слышал, как некто Зуев, отсюда же, с кладбища, объяснял в магазине объединившимся с ним на троих грузчикам из Росбакалеи:

— Точняк я говорю, не свищу, ну, падла буду. Не верите вы, не верите, а вот на моих глазах было в сорок девятом году. Тащим мы жмурика по проспекту Сталина. Петя тогда у нас работал, которого машиной в високосный прошлый год задавило вместе с заведующим аптеками. На корнете играл Петя — светлой памяти был человек, поняли? Несем по городу, чин чинарем. Родственники плачем на тротуарах народ останавливают — все по порядку. И вдруг покойник встает и говорит: «Откуда?» И материт с гроба в гроба мать и мать, и дочку, и жену, и всю общественность. Ох, уж и радости-то было! Позвали и нас, музыкальную команду, на поминки, на воскрешение, значит, и напоили допьяна, а уж и играли мы в тот день лучше оркестра кожзавода. Вот. Единственный раз мы людям радость доставили и сами развеселились до скончания веков.

И вот эти-то люди и повлияли на доселе безупречного Г.Г.Ученого, что и с ним всякие темные дела стали твориться. Одна история даже в газеты попала, хотя случай был так же прост, как и темен. Пришел Ученый на квартиру одну, в глухом флигельке, на хулиганской улице расположенную, и когда заснял старушку-пеструшку покойницу, то она восстала из гроба и говорит товаркам своим: «Ай ли увидим теперь, какая я в гробу скоро лежать буду в белых тапочках. Побачимо!» И товарки тоже выражают свою радость и одобрение этому факту, а Ученый смотрит в зеркало и видит, что волос его сед весь до корня, а ему кричит старушка, чтоб он с фотографиями не тянул.

С этого дня совсем на нет сошел товарищ Ученый, и уже стал он называть покойников «жмурики», и уже грустно глядел на него из-за кладбищенской ограды Сын Доктора Володя, прикидывая — куда это катится человек, и стал уже люто ненавидеть Григорий Гаврилович халтурщика-фотолюбителя, обычно из студентов, который крался за похоронной процессией косогороми, возникал около заборов и трансформаторских будок и, щелкая ФЭДом, зарабатывал себе на брюки и кусок мяса с подливкой. Но и это еще не все: дошел герой повествования нашего до того, что как-то проехал на колбасе городско-го трамвая с барабанщиком Колей, которому было ровно 62 года, проехал, хотя это совсем уж ни в какие ворота не лезло, потому что Коля был бородатый и притачал к спине огромный свой инструмент. А Григорий Гаврилович увешен был камерами и блицами, а день был воскресный, хотя с утра дождливый, и народ стоял по тротуарам

в столбняке, видя такую фантастику, в таком стоял столбняке, что трамвай, если бы захотел, мог забрызгать грязью самое лучшее в городе К. шевиотовое пальто. И Бог весть что бы еще приключилось с товарищем Ученым, если б не настал декабрь 1962 года и сам Н.С.Хрущев не зашел случайно в московское отделение Союза художников и не увидел бы там всякие неправильные картины. А как услышал наш город его простые слова об идеологии и прочих писателях с художниками, тут-то и Григорий Гаврилович очнулся от своей плохой жизни и сказал сам себе: «Ученый, разве ты не слышишь, как задушевно и тревожно Никита Сергеевич говорит, ведь он вроде бы как под знамена собирает старых бойцов идеологического фронта — самого ответственного участка борьбы с империализмом. Так, что ли? В стороне? Не-е, шалишь, мы мирные люди, но наш бронепоезд...»

И, напевая про себя еще другую песню, ту самую, что пели у нас на городском смотре художественной самодеятельности:

Звериной лютой злобой
Пылают к нам враги.
Гляди, товарищ, в оба
Отчизну береги!

направился в редакцию «К-ского комсомольца», где не был уже ровно сто лет.

И пришлось ему в редакции шапку снять по жуткому совпадению: восково-пихтовый запах окутал помещение, и на редакторском столе стоял гроб соснов, а в нем покоился тот, чьи черты еще недавно принадлежали молодому обладателю ромба, молодому читателю желтой «Юности», в общем, ой-е-ей — фотокор, фотокор газеты лежал безвременно почивший перед своим кладбищенским коллегой.

— Почему, почему, молодой ведь такой, — дрогнули уголки губ Ученого.

— Несчастный случай соколика нашего Женечку погубил, — объясняя, плакали уборщицы, — с парашютом, бедолага, неправильно прыгал.

А Ученому внезапно мерзко и страшно сделалось. Он покружил по комнате и понял, что дышать становится все труднее, что на дыхание теперь потребно больше воздуха, просто больше воздуху, и он подошел к окну, и распахнул его, и увидел громадный океан пустоты, да, пустота была кругом, и он не мог понять, существует ли город К., и существовала ли вообще когда его жизнь, фотографа Ученого.

Но себя немедленно превозмог и все-таки заснял товарища. И все немедленно поняли, что он опять будет работать в родной газете. Этому способствовали и другие факторы: например, что он здорово насобачился на мертвецах, и от этого повысилась его фотографическая техника, а также, что он совершенно за последнее время изменил свой быт и ничего плохого от себя не допускал...

Вот и подходит конец сочинению моему, писанному фиолетовыми чернилами по белой бумаге. Дальше даже как-то скучно становится сочинять мне, коренному рабочему незначительного разряда и поэту в душе. Умер и Григорий Гаврилович в один прекрасный день, как умерли все люди, жившие до него, и как рано или поздно умрут все люди, жившие после него, в том числе и мы с вами, дорогой читатель. Хоронили Григория Гавриловича со знаменем. Я сначала хотел написать, что за гробом шли только общественность и Фазан, но потом вспомнил, что Гурий Сыбин умер как-то до этого. А-а, вспомнил я, что за гробом среди прочий шел сынок Григория Гавриловича, которому как раз исполнилось шестнадцать лет и который совершенно не знал, что из него в конце концов получится.

Марина
КАМИНАРСКАЯ

ДОПОЛНЕНИЕ К ОБЩЕИЗВЕСТНОМУ

Наталья Нестерова

Наталья Нестерова — художник знаменитый, любимый не только искусствоведами и коллекционерами, но и зрителями, что в наше время отнюдь не обязательное сочетание. Последних покоряет зрелищность, сюжетность, занимательность ее работ. Первые же ценят возможность разных толкований нестеровских символов, дающих жизнь длинным описаниям, снимающим слой за слоем смыслы, чтобы, так никогда и не раздев полотно до однозначности, с полным правом еще раз повторить, что подлинное искусство есть тайна, не поддающаяся разъятию алгеброй.

Некоторая ироничность тона — не попытка оспорить какие-то существующие оценки или лишний раз указать зрителям на простоту вкусов и нравов. Нет, дело в том, что о Нестеровой необычайно много написано, причем хорошо и изящно. Трудно добавить что-либо новое, но хочется внести некоторые поправки нынешнего дня и осветить любимый вопрос всех интервью «над чем работаете?». Так вот, сегодня стоит чуть-чуть снизить накал пафоса, который, в отличие от самого искусства Нестеровой, окончательно вышел из моды за три года, миновавшие с последнего залпа статей о художнице в связи с большими персональными выставками ее и живописцев близкого ей круга, например, Татьяны Назаренко и Ирины Старженецкой, что и послужило тогда сигналом к долгим рассуждениям о поколении семидесятников, а точнее, семидесятниц. Кстати, за эти три года изменились не только сама жизнь, искусство, но и отношение к его описанию, теперь почти исключаящее поколенческий подход в критике. Дело не только в том, что, так и не выявив победителей, пошел на убыль яростный спор вокруг «шестиде-

сятников», «восьмидесятников» и «девяносок» (термины взяты из смежных областей искусства, а в изо, кажется, не употреблялись), просто само общество невероятно быстро прошагало от коллективных призывов к «социализму по Ленину» (именно такой плакат украшает обложку журнала «Творчество», где была одна из больших статей о Нестеровой) до сугубо индивидуальных проблем стадии первичного

накопления капитала (не реклама ли будет красоваться на открытии этого номера?). Словом, искусство больше не оценивают оптом за былые заслуги в нравственном противодействии застою; братья за руки, чтобы не пропасть поодиночке, бессмысленно, ибо в арт-мире кроме любви критиков (которых можно купить или заставить) и зрителей (которых легко обмануть) появился новый, вполне капиталисти-

ческий критерий — деньги. Тут каждый за себя. Так вот, коллекционеры, которых я назвала во первых строках среди поклонников Нестеровой, кроме достоинств, почитаемых в ней профессионалами и дилетантами, знают и свой интерес — высокую стоимость ее работ, множество которых уже разбросано в частных и музейных собраниях всего мира, а теперь некоторые служат и визитными карточками российских финансистов-меценатов в лице «Московии», «Столичного» и Инкомбанка. «Грифоны» Натальи Нестеровой, купленные «Московией» в галерее «M'ARS», были даже чемпионом по цене на втором АРТ МИФе. Прогноз экспертов, о котором я уже как-то писала, тоже свидетельствует в пользу художницы — ее холсты прочат на роль коммерческих лидеров искусства недалекого будущего.

Впрочем, все сказанное до сих пор имеет к самой Нестеровой отдаленное отношение. Я спрашивала ее, чувствует ли она, что пришла слава, Наталья Игоревна пожала плечами: «Если к ней стремиться, то мне до нее далеко». Стремится ли? «Да нет». Но ведь свидетельства успеха весьма впечатляющи. «Для меня они странны. Я всегда собой недовольна и всегда удивляюсь, что мои работы кому-то нравятся, поэтому я с ними так легко расстаюсь». Но в последнее время все-таки что-то изменилось и в ней, и в ее работах? «Со временем человек, естественно, меняется. Не обязательно внутренне, часто внешне. Это может быть вызвано даже появлением новых материалов, красок. Теперь я могу везде ездить, видеть другие страны и сожалеть, что была лишена этой возможности до сорока лет. Поездки расширили круг видения и фантазии. А вообще-то как работала, так и продолжаю работать».

Ее картины стали заметны с самого начала, как только появились на выставках в конце 60-х годов. Тогда многие сочли их смешными, странными забавами. Холсты производили впечатление нарочито немелких рельефов с плоским фоном и выпуклыми фигурами, на которые наложено столько краски, что невольно вспоминались голландцы, шутившие о Рембрандте, что его портреты «можно поднять за нос». Они вызывали в памяти критиков образы Пиромани, Руссо и русского лубка. Конечно, это мнимая наивность, полотна слишком многомерны, интеллектуально напряженны и лишены внутренней гармонии, свойственной обычно работам самоучек, подтверждающих каждым штрихом, что все действительно — разумно. Нестеровский мир нереален и тревожен — лица-маски, спинноглазые люди, фигуры, сплошь обросшие ушами или составленные из игральных карт, загипсовевшие, подобно статуям, герои и персонажи, головы которых заменяют вазы и стулья. Впрочем, эти неуклюжие существа, статичные даже (или особенно) тогда, когда захвачены в движении, населяют вполне узнаваемые места — улицы, здания, станции метро, комнаты и лужайки. Известен такой анекдот о художнице: увидев, что дом, изображенный в одном из ее городских пейзажей, перекрасили во время ремонта, она немедленно изменила цвет и на холсте. Простор аллюзий по поводу ее картин ограничивается лишь фантазией и образованностью смотрящего. Ее «Нападение», изображающее человека, окруженного хищными птицами, можно трактовать в диапазоне от Гойи («Сон разума рождает чудовищ») до Хичкока («Птицы»). Серая толпа у ног скорчившихся истуканов на «Площади революции», вызывающая вполне

Нападение
1989

Утро (стулья)
1989

социально- или политически-острые ассоциации, соседствует с эскалатором, по которому один поток спускается прямо в преисподнюю (новый транспорт Харона или более модный вариант — символика подземного ануса?), а параллельный — воспаряет вверх к небу разрыванного плафона. Может быть, это была ироническая предтеча будущих библейских сюжетов, которые Нестерова в последние годы писала много раз, выбрав в основном самые классические и трагические — «Бегство в Египет», «Избиение младенцев», «Тайная вечеря», «Несение креста», но и в них заключено еще много подтекстов — от злободневных (голова иродовых прислужников скрыты под кукуксклановскими колпаками) до философских (лица апостолов невозможно различить под масками). Сама безликость ее героев — приглашение к домысливанию. Вот замечательный пример: скульптор Лазарь Гадаев (с ним Нестерова уже показывала один раз совместную выставку и собирается повторить удачный опыт в нынешнем году в галерее «Art modern») говорил: «У меня дома есть работа Нестеровой, в которой изображены три человека, все со спины, и о каждом из них я мог бы написать роман».

Где Нестерова берет свои сюжеты? Что сейчас стоит у нее на мольберте? Ответила она на этот вопрос кратко, как, впрочем, и на остальные: «Иногда это воспоминания о каких-то путешествиях. Иногда придуманные вещи, сны. Или просто уличные впечатления. А сейчас — французские реминисценции — завтрак, парк». Парки часто встречаются в ее картинах, да и завтраков уже было немало. «Ну, давно не было. А потом — это вечная тема, одна из любимых. Гораздо страннее было то, чем пыталось

заниматься наше искусство в течение долгих лет — производство, например... Я часто повторяю себя, поскольку это простой способ что-то улучшить. Часто вижу старую работу и прихожу в ужас — хорошая идея, а выполнена скверно». Почему она столь нетерпимо строга к себе? «Так уж воспитали».

Не думаю, что ее недовольство собой — показное кокетство, скорее, действительно что-то генетическое, вечная неудовлетворенность и стремление к совершенствованию себя и мира, пришедшая через поколения разночинной интеллигенции — земских врачей, художников, учителей, архитекторов, живших на тогдашней Самотеке — деревянной, уютной, очень московской. Семья, предки — единственное, о чем Нестерова говорила хоть не просто, но с воодушевлением. Вообще, мое праздное любопытство было столь не к месту, что разговор наш являл собой чисто нестеровскую сцену неловкой окаменелости. Для его оживления требовались вопросы поострее, поэтому я не придумала ничего лучше, чем — ирония ситуации — все-таки спро-

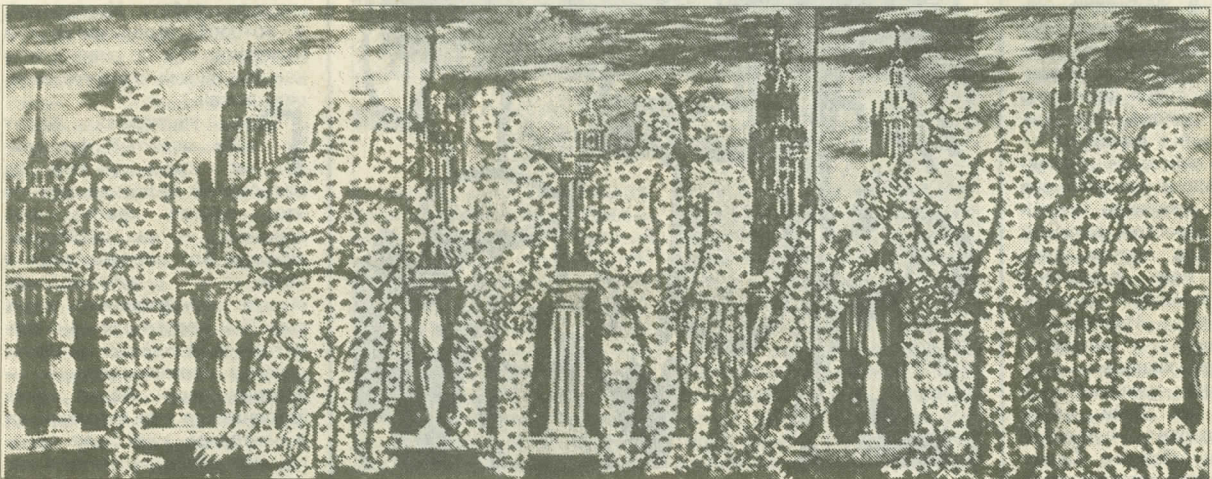
сить о поколении. «Конечно, в трудное время мы поддерживали друг друга. Я всегда чувствовала себя в среде друзей, но предпочитаю to be alone — одиночество. Так и получается, потому что мы иногда расходимся с друзьями, и вообще, с течением жизни люди больше уединяются». Не задевает ли отношение молодых, легко сбрасывающих традиционалистов с парохода современности? «Это естественно, считать старших рутиной. Мы тоже освобождали себе место. Гораздо страшнее смотреть на молодых людей, пишущих, например, как передвижники. Это дичь, когда кругом совершенно другой мир, кончается XX век и современное искусство старается идти в ногу с прогрессом. А хорошо это или плохо, можно будет сказать только через десятилетия. У молодых свои ориентиры в искусстве, и я их вполне понимаю». А какковы ориентиры самой Нестеровой? «Когда становишься старше, ориентиры перестают быть внешними. Важно все попробовать, везде поездить, ведь сказано и сделано — все. Из большого багажа прощеп извлечь свой стиль или слово, вздох.

Со временем поглощенная литература, музыка, искусство трансформируются и становятся неотъемлемой частью тебя, поэтому после нескольких прошедших ступеней ориентиром можно считать себя самого».

Наталья Нестерова не очень любит говорить о своих работах, считает, что не умеет. «Человек должен смотреть, и, что бы ни вызвала вещь — пусть даже самые глупости и нелепости, это очень хорошо, главное, что она вызывает какие-то мысли и эмоции. А объяснять: я это хотела... Хотела и сделала, а другой захотел увидеть в этом что-то свое. Сейчас у нас распространяется какой-то американский стиль, объясняющий все до мелочей. Как-то раз я наблюдала в музее за экскурсией американок возле «Завтрака на траве» Мане. Им говорили: тут нарисовано то-то, тут — это, а здесь — есть даже лягушка, они стонали от восторга. Я подошла и посмотрела: в самом деле лягушка, а я ее никогда не замечала, но разве это главное?... Человек, превращается в чистый экран компьютера, в который закладывают определенную программу». Но ведь в какой-

то степени это оправданно именно у нас, потому что многое из того, что было заложено раньше в головах, надо просто выкинуть за ненадобностью. «Да, усвоено много глупостей и бесконечное вранье. Все это надо выбросить. Но ведь многим приходится выкидывать свою жизнь, а это страшно». А ей самой пришлось от чего-нибудь избавляться? «Нет. Я не примеряла на себя ту жизнь, так же как эту».

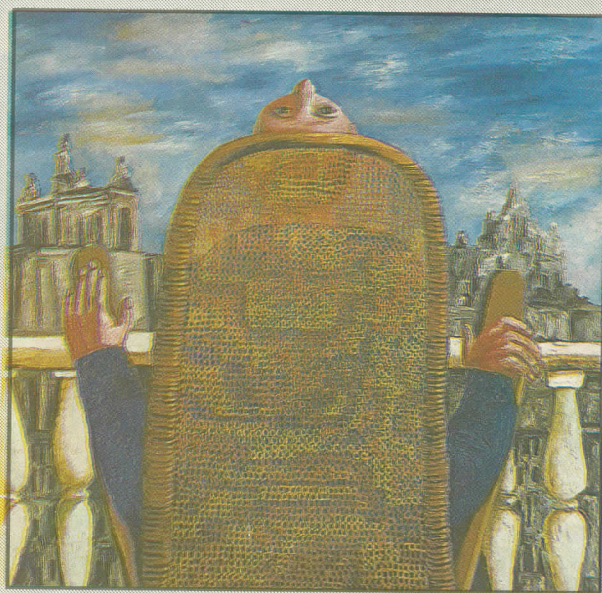
Мир героев Натальи Нестеровой далек от реального мира, и туда она никого не пускает, хотя — парадокс — путь открыт любому зрителю перед ее холстом. Да и сама ее жизнь теперь все больше протекает в чужих странах, для многих зрителей — местах столь же невероятных, как и инспирированные путешествиями сны художницы. Наша беседа происходила в Москве, когда Нестерова вернулась ненадолго из Франции. Через несколько дней после встречи она снова уехала. Теперь в Америку. За новыми впечатлениями и фантазиями, которым нам еще предстоит удивиться.

Город
Москва
Триптих
1989

Н. Нестерова. Адам и Ева
(170×140). 1992

Н. Нестерова. Человек, смотрящий
на небо (100×100). 1989

Н. Нестерова. Путь на Голгофу. Диптих (150×150). 1992

24-3-198

Банковская карточка

